

Дневники

1837-1859, источник: [здесь](#)

1837 ГОД

22 окт. Чем вы сейчас занимаетесь? – спросил он. – Ведете ли дневник? И вот сегодня я делаю первую запись.

ОДИНОЧЕСТВО

Чтобы побыть одному, мне необходимо уйти от настоящего. Я избегаю себя самого. Как я могу быть один в зеркальном зале римского императора? Я предпочитаю чердак. Там не нужно обметать паутину, подметать пол или расставлять мебель.

Как говорят немцы, Es ist alles wahr wodurch du besser wirst**.

Перегной, который остается после наших добрых дел

24 окт. Все в природе говорит о том, что конец одной жизни открывает дорогу другой. Там, где дуб падает на землю от старости и его ствол и кора превращаются в перегной, поднимутся молодые, сильные деревца. Там, где росла сосна, земля будет песчаной и бесплодной; деревья твердых пород оставляют после себя плотную плодородную почву.

Так разрушение и гниение создают почву для моего роста в будущем. Я пожну плоды того, как живу сейчас. Если я вырасту сосной или березой, то после меня здесь не вырасти дубу; на смену мне придут сосны и березы, а может быть, сорняки и колючки.

ВЕСНА

25 окт. Она приходит, и мы снова чувствуем себя детьми. Каждый год мы начинаем жизнь заново. Если предположить, что эта девушка больше не вернется к нам, мужчины с горя станут поэтами. Стоит нам зимой вспомнить о ее улыбках, как мы отдаемся во власть поэтической лихорадки. Цветы ласково смотрят на нас с клумб своими детскими глазами, а на горизонте снег на дальних вершинах растворяется в легкой дымке (Гете. Торквато Тассо).

- В возрасте (лат.).

** Все хорошо, что помогает нам стать лучше (нем.).

ТУМАН

27 окт. Сегодня не видно дальше Нобскота и Аннурснека. Ветви деревьев понуро опущены так, что они похожи на путников, застигнутых грозой. Все вокруг выглядит мрачно.

Так, когда глубокая тоска охватывает нас, душа тщетно стремится вырваться из скромной долины повседневности и прорвать густой туман, скрывающий из виду голубые вершины на горизонте, однако вынуждена довольствоваться созерцанием близких, ничем не примечательных холмов.

УТКИ НА ГУСИНОМ ПРУДУ

29 окт. Две утки, нырки или кряквы, весело плескавшиеся в своем любимом пруду, при моем приближении бросились наутек. Казалось, они намеревались уйти, не попрощавшись. Они поплыли прочь с лебединой горделивостью. Утки – прекрасные пловцы, меня они перегоняли с легкостью. Я обнаружил новое для себя свойство утиного характера: они то и дело ныряли, проплывали под водой несколько метров, чтобы скрыться от наших глаз. Перед самым погружением они, казалось, многозначительно кивали друг другу и затем, словно по уговору, дружно ныряли – кувырк! – только их и видели. Когда они снова появлялись на поверхности, забавно было наблюдать, с каким довольным видом (словно говорили: Черт возьми, как ловко это у нас выходит!) они плыли прочь, чтобы повторить все снова.

НАКОНЕЧНИК СТРЕЛЫ

Месяца полтора тому назад со мной произошел любопытный случай, который, думаю, стоит записать. Однажды субботним вечером мы с Джоном отправились на поиски предметов индейского быта, и нам повезло: мы нашли два наконечника стрел и пестик. Мы брели по направлению к устью ручья Суомп-бридж и думали о прошлом и его обломках. Когда мы подошли к склону холма на берегу реки, вдохновленный этой темой, я разразился цветистым панегириком тем первобытным временам; при этом я размахивал руками, чтобы подчеркнуть свою мысль. Вон там, на Ношотакке, стояли их вигвамы, там они собирались, а на Клемшельском холме пировали. Сюда они, несомненно, часто приходили, а здесь, на этом пригорке, у них был удобный наблюдательный пункт. Как часто они стояли здесь, на этом самом месте, в этот же час, когда солнце садилось за лесом, золотя последними лучами воды Маскетаквида¹, и размышляли о дневных удачах и делах грядущего дня или общались с духами отцов, давно ушедших в царство теней.

Здесь, – воскликнул я, – стоял Тахатаван, а там (добавил я, заканчивая фразу) лежит наконечник стрелы Тахатавана.

Мы сразу же пошли к тому месту, на которое я указал, и сели. Чтобы довести до конца мою шутку и подтвердить мои фантазии, я хотел извлечь из земли обычный камень, но первое, что нащупала моя рука, был не камень, а прекрасно сохранившийся наконечник стрелы, такой острый, будто он только что вышел из рук индейца!!!

ВОСХОД СОЛНЦА

30 окт. Сначала сквозь серые поэтические сумерки проступают гряды облаков, расходящиеся в зените. Затем на востоке загорается новое облачко, оно словно прячет на груди драгоценный камень. В его верхнем крае высвечивается глубокая круглая выемка с золотисто-серыми краями, а тонкие полосы курчавых облаков, расходящиеся из общего центра, движутся правильными рядами, подобно легко вооруженным отрядам пехоты.

Плавание вверх и вниз по течению

3 нояб. Если вы хотите предаться размышлениям, пускайтесь в плавание по какой-нибудь тихой речке. Вас непременно посетит муза. Когда мы плывем вверх по течению, что есть мочи работая веслом, в голове стремительно проносятся обрывки мыслей. Мы мечтаем о борьбе, власти и величии. Но вот мы повернули челнок вниз по течению, и вид камней, деревьев, коров и холмов, которые принимают новые и постоянно меняющиеся очертания под воздействием ветра и течения, способствует плавному ходу наших мыслей, торжественных и возвышенных, но всегда спокойных и неспешно сменяющих друг друга.

ИСТИНА

5 нояб. Истина поражает нас сзади и в темноте, а также спереди и среди бела дня.

ТИХИЕ ВОДЫ ГЛУБОКИ

9 нояб. В этом ручье серебряный песок и камешки поют вечные песни весной. Ранние морозы соединяют его берега узкой полоской льда и делают неслышным его ворчливое журчанье. И лишь блики солнечного света на песчаном дне привлекают взгляд путника. Но есть души, чью глубину нельзя измерить, чьего дна никогда не достает солнечный луч. Мы можем разглядеть их издали, с крутого берега, но нам не дано зачерпнуть воды из середины потока. Только камень да упавший в воду дуб нарушают их спокойное течение. Их поверхность свободна от ледяных оков, которые крепко держат тысячу впадающих в них ручьев.

ДИСЦИПЛИНА

12 нояб. Я еще не могу понять всего смысла прожитого дня, но его урок не пропал для меня даром – он прояснится позже. Я хочу знать, что я прожил, чтобы знать, как жить дальше.

1838 год

ГЕРОИЗМ

13 июля. Можно быть героем, не ударив для этого палец о палец! Этот мир – не вполне подходящее для нас поприще. Даже полей брани у стен Трои нам было бы мало. Похоже, что великая битва идет внутри нас, но настолько бесшумно, что мы едва можем уловить звук трубы, возвещающий победу, звук, который доносит до нас легкий ветерок. В каждом человеке есть семена героической страсти, которые нужно лишь пробудить в той земле, где они лежат. Для того чтобы они дали божественные по своему аромату плоды, нужны вдохновенная речь и вдохновенное перо.

Наброски эссе Молчание и звук, сделанные во второй половине этого месяца (декабрь 1838 года)

15 дек. Подобно тому как самое честное общество приближается к одиночеству, самая превосходная речь в конце концов умолкает. Мы ищем Общества и Одиночества, как будто они обитают в далеких долинах, в лесной чаще и выбирают из этих твердынь лишь в полночь. Молчание было, говорим мы, до того, как возник мир, как будто сотворение мира вытеснило его, а не явилось его зримой рамой и фоном. Оно снисходит до того, чтобы посещать лишь любимые долины, а мы и не подозреваем, что оно спускается в них, когда мы направляем туда свой путь. Так мясник Селдена² искал свой нож, в то время как он держал его во рту. Ибо где человек, там и Молчание.

Молчание есть общение мыслящей души с самой собой. Стоит душе на мгновение задуматься о своей бесконечности, как тотчас наступает молчание. Оно слышно всем людям, во все времена, повсеместно, и стоит нам захотеть, мы всегда можем прислушаться к его предостережениям.

Молчание всегда более привычно, чем шум, скрывающийся среди ветвей тсуги шш сосны, и тем больший, чем больше наше присутствие там. Поползень, простукивающий стройные стволы деревьев рядом с нами, – лишь частный представитель торжественной тишины.

Оно, с его мудростью, всегда рядом: на перекрестках или обочинах дорог, оно таится на колокольне и в жерле пушки, идет следом за землетрясением. Оно собирает их шум и укрывает его на своей широкой груди.

Те божественные звуки, которые мы улавливаем внутренним слухом, которые доносятся до нас вместе с дыханием зефира или отражаются от поверхности озера, обычно бесшумны. Они смачивают виски нашей души, когда мы недвижно стоим среди скал.

Крик – дитя кирпичных и каменных стен. Шепот уместен в лесной чаще или на берегу озера, но молчание лучше всего приспособлено к акустике открытого пространства.

Все звуки – его слуги и поставщики, которые объявляют не только о том, что их хозяин существует, но что он особа редкая и его следует тщательнейшим образом искать. За самым ясным и значительным делом всегда наступает еще более значительная тишина, которая плывет по его поверхности. Гром – лишь сигнальная пушка, которая оповещает о том, какое общение ожидает нас. Мы восторгаемся и в один голос называем величественным не его глухой звук, но то бесконечное расширение нашей души, которое за ним следует.

Всякий звук чем-то родствен Молчанию. Он лишь пузырек на его поверхности, который сразу же лопается; эмблема силы и плодovitости этого глубинного течения. Он лишь тихие слова Молчания и только тогда приятен для наших слуховых нервов, когда является контрастом ему. Он представляет собой гармонию и чистейшую мелодию в той степени, в какой оттеняет Молчание и усиливает его.

Каждый мелодичный звук является союзником Молчания, он помогает, а не мешает абстрактному мышлению.

Поэтам всегда нравились одни звуки больше, чем другие, потому что они подчеркивают красоту Молчания.

Молчание – тот приют, где могут укрыться все. Оно служит продолжением всякой скучной беседы и всяких глупых действий, оно подобно бальзаму для каждого нашего огорчения и так же желанно после пресыщения, как и после разочарования; это тот фон, который художник – будь то мастер или ремесленник – оставляет незакрашенным и который неизменно приносит нам утешение, какую бы нелепую фигуру он ни изобразил на первом плане.

С каким спокойствием человек молчаливый размышляет о течении своей жизни, по-своему награждает добродетель и справедливость, терпит клевету и получает побои и относится к этому как к чему-то данному. Он составляет одно целое с Истиной, Добром и Красотой. Его не может затронуть людская злоба. Никто не в силах нарушить его покой.

Оратор лишает себя индивидуальности, он гораздо красноречивее, когда молчит. Он внемлет, пока говорит, и слушает вместе со своей аудиторией.

Кто не прислушивался к нескончаемому гулу Молчания? Оно рупор Истины, который каждый носит при себе и при желании может приложить к уху. Оно единственный истинный оракул, подобно оракулам в Дельфах и Додоне³, королям и придворным не мешало бы прислушаться к его советам. Ответ, который они получают, будет недвусмысленным. Все откровения были нам ниспосланы только через него. В той мере, в какой люди прислушивались к изречениям этого оракула, они приобретали способность ясного видения, а их век оставался в людской памяти как век просвещенный. Но если они обращались к другому оракулу и его безумной жрице, то погружались во мрак невежества, а их время называли темным или мрачным. То были эпохи болтовни и шума, от которых до нас не

дошло ни звука. А эпоха греческой культуры, молчаливой и гармоничной, вечно звучит в ушах людей.

Хорошая книга – тот смычок, который извлекает звук из наших молчаливых лир. Во всех эпических сказаниях, которые мы читаем затаив дыхание, есть важные слова: Он сказал. Когда мы доходим до них, то понимаем: именно они обращены к нашему сокровенному я. Часто бывает так, что мы переносим интерес к продолжению нашего собственного ненаписанного труда на написанную и сравнительно безжизненную страницу. Это продолжение составляет неотъемлемую часть всех ценных книг. Цель автора – сказать раз, но выразительно: Он сказал. Это большее, чего может достичь создатель книги. Хорошо, если ему удастся сделать том своих произведений тем стержнем, о который разбиваются волны молчания. Нас волнует не столько производимый звук, сколько та пауза, когда, по словам Грея⁴, порыв собирается с силами, пауза, которая бесконечно величественнее, чем докучливое завывание бури.

По вечерам Молчание посыпает ко мне многочисленных эмиссаров, некоторые из них плывут по постепенно утихающим волнам, вызванным шумом поселка.

Я напрасно пытался бы объяснить Молчание. Английский язык здесь бессилён. В течение шести тысяч лет люди называли его на разных языках с наиболее возможной для каждого из них точностью, и все же оно остается для нас книгой за семью печатями. Человек может в течение некоторого времени быть уверен в том, что загнал его в угол и однажды непременно даст ему исчерпывающее объяснение, но и ему в конце концов суждено замолчать, а люди лишь заметят, что этот человек многообещающе начал. Ибо когда он, наконец, погрузится в молчание, диспропорция между тем, что сказано и что не высказано, окажется столь огромной, что сказанное покажется лишь пузырьком на поверхности в том месте, где он нырнул.

И все же, подобно береговым ласточкам, которые живут на обрывах, мы будем продолжать выстилать наши гнезда морской пеной, чтобы однажды они стали хлебом насущным для тех, кто живет у моря.

1839 год

ФОРМА СИЛЫ

17 мая. Мы справедливо утверждаем, что слабый человек плосок, так как он, подобно всем плоским предметам, не поднимается в направлении своей силы, то есть своей узкой грани, но представляет удобную поверхность, на которую можно оказывать давление. Он скользит по жизни. Большинство вещей прочны в каком-то одном направлении: соломинка – в длину, доска – в плоскости, колено – под прямым углом к мышцам. Но мужественный человек – это идеальной формы шар, который не может упасть плоской стороной вниз, он прочен во всех направлениях. Трус в лучшем случае представляет собой сплюснутый шар; он обычно

слишком образован, слишком вытянут с одной стороны и сжат – с другой. Его можно сравнить с полым шаром, в котором наилучшее расположение вещества достигается при наибольшем объеме.

Мужество

2 дек. Редкий пейзаж сразу наводит нас на мысль о его обитателях, чье дыхание: – его ветер, чьи настроения – его времена года, для кого он всегда будет прекрасен. Беспокоиться и нервничать, вместо того чтобы быть безмятежно спокойным, как Природа, не пристало тому, чей характер столь же тверд, как у нее. Мы не стоим па передовом краю битвы каждую минуту нашей жизни. Там, где мужественный человек, там и есть самая гуща борьбы, форпост чести. От службы освобождается не тот, кто обеспечивает себе замену, чтобы не ехать во Флориду⁵. Он получает лавры на другом поле. Ватерлоо – не единственное поле брани: сейчас в мою грудь нацелено столько же смертоносных орудий, сколько их насчитывается в английских арсеналах.

ИЗ ГЛАВЫ О МУЖЕСТВЕ (НАБРОСОК)

Дек. Мужество не столько в решительных действиях, сколько в здоровом и спокойном отдыхе. Абсолютное мужество обнаруживает тот, кто вовсе не выходит из дома и со всех сторон привлекает к себе родственные души.

Мужественный человек никогда не слышит шума войны, он доверчив, лишен подозрительности и так тонко различает малейшие признаки добра и красоты, что, если обратить его внимание на темную сторону какого-либо явления, он увидит лишь светлую.

Одно мгновение безмятежной, исполненной надежд жизни прекраснее целой героической кампании. Мы должны быть готовы ко всему, не смея умереть, но смея жить. Мужественные люди видят своего союзника даже в опасности.

В обыденной жизни мы все храбрее, чем думаем. Человек крепко спит и просыпается на рассвете с таким чувством, словно на дворе день. Его не разбивает паралич, он не немеет перед необъяснимой загадкой вселенной. Простой отчет землемера или один пункт купчей крепости содержат вещи совершенно неожиданные и интересные, их тихое, но уверенное звучание говорит о такой твердости писавшего, которая сотворила бы чудеса у Банкер-хиллаб или Марафона⁷. Если есть твердый глаз, сильная рука не дрогнет; *ceirdorz io drasimon**.

Наука всегда мужественна, ибо знать – значит знать доброе. Сомнения и угрозы не могут выдержать ее взгляды. То, что трус в спешке не увидит, она изучает спокойно и внимательно, как пионер, прокладывая дорогу множеству искусств, идущих за ней следом. Трусость ненаучна, ибо не может быть науки о невежестве. Возможна наука, изучающая войну, так как она наступает, отступление же редко проводится хорошо. Если же это случается, оно представляет собой организованное продвижение под давлением

обстоятельств.

Если удача покидает человека мужественного, он из жалости все же сохраняет ей верность. Самюел Джонсон и его друг Сэвидж, которых нужда заставила провести ночь на улице, решают, что они будут верны своей стране.

Признак совершенной мужественности – добродетель, а добродетель и мужество – одно и то же. Эта истина издревле живет во многих языках. Все связи этих понятий прослеживаются в этимологии и сходстве между латинскими словами *vir* и *virtus* и греческими *ἀγαθὸς* и *ἀρετὴ*. Язык в его устоявшейся форме является выражением того, что человеку приходит в голову по зрелом размышлении, гораздо более точным, чем произвольное высказывание. Произносимое людьми тщательно взвешивается – поскольку оно должно удовлетворять потребностям всех, – таким образом, ничто абсолютно бесполезное в языке не закрепляется. Сходство слов никогда не бывает случайным, лишенным смысла. Оно выражает сходство реальное. Только этика всего человечества, а не отдельного человека придает речи точность и силу.

- Рука направлена на деятельность (греч.).

Трус чуть-чуть опоздал родиться, так как он никогда еще не обгонял свое время. Он младший сын творения, который ожидает, пока его старший брат испустит дух. Он чувствует себя на этой земле так, словно у него в кармане нет купчей на землю. Он не похож на других обитателей природы, которые столь же невозмутимы, как камни на поле или комья земли. Он арендовал лишь несколько акров времени и пространства и думает, что каждая случайность предвещает истечение срока его аренды. Он не владеет собственностью, он раб по своей нравственной философии, кочевник, у которого нет постоянного места жительства. Когда возникает опасность, он теряет присутствие духа и хватается за соломинку.

Отношения между Храбростью и Трусостью родственны отношениям между Знанием и Невежеством, Светом и Тьмою, Добром и Злом.

Если впустить один-единственный луч света сквозь ставни, он будет бесконечно распространяться до тех пор, пока не осветит мир, а тень, какой бы широкой она ни была поначалу, быстро сократится, пока не исчезнет совсем. Тень Луны, когда она проходит ближе всего к Солнцу, теряется в пространстве и не может достигнуть Земли и скрыть от нее Солнце. Система всегда светит непрерывным светом: поскольку Солнце гораздо больше любой планеты, то ни одна тень не отбрасывается далеко в космос. Мы всегда можем загорать в лучах системы, всегда можем сделать шаг назад и выйти из тени. Ни один человек не отбрасывает тень, которая была бы больше его тела, если лучи падают под прямым углом к отражающей поверхности. Пусть же наши жизни пройдут на экваторе, где Солнце стоит всегда в зените.

Нет такого зла, которое нельзя было бы рассеять, как тьму, если подставить его под более сильные лучи света. Одолевайте зло силою добра. Не принимайте ограниченную философию тех, чье мужество дает не больше света, чем копеечная свечка, от которой большинство

предметов отбрасывают тень большую, чем они сами.

Плутарх отдавал предпочтение тем знакам, которые были начертаны на его левой руке, и так объяснял свою странную мысль: не исключено, что люди считали все земное и смертное прямо соответствующим небесному и божественному и все, находящееся от нас слева, ниспосланным богами правой рукой. Если мы не слепы, то увидим, что правая рука распростерта надо всеми, счастливыми и несчастными, что душа-распорядительница, которая держит наши судьбы на ладони, – прятала.

Люди всегда воевали, побуждаемые более глубоким инстинктом, чем тот, который вел их к миру. Война – это лишь преодоление мира.

Когда в мире объявлено военное положение, каждый Исав вновь утверждает свое первородство, и вся его сущность неминуемо проявляется. Он избавляется от старых обязательств и начинает все заново. Миру интересно узнать, сколь низко может пасть любая душа в этой новой ситуации. Но когда и война, подобно торговле и сельскому хозяйству, становится делом обычным и люди занимаются ею, как издававшие виды подмастерья, герой превращается в морского пехотинца, а постоянная армия – в постоянный объект насмешек.

Мы не жалеем сил для того, чтобы воздать должное храброму солдату. Все гильдии и корпорации облагаются налогом, дабы обеспечить его подходящим обмундированием и оружием. Его мундир должен быть красным, как цвет заката, или голубым, как небеса. Будь он из золота или серебра, меди или латуни, из твердого или мягкого материала, знайте, он любимец фортуны. Мастерство городских ремесленников чеканит и закаляет сталь его клинка, пурпур делает его неотличимым от императоров и царей. Куда бы он ни пошел, музыка возвещает его приход. Жизнь его – праздник, и сила его примера увлекает вселенную. Весь мир откладывает работу и приходит посмотреть на него. Он единственный настоящий человек. Он не признает древних каст и привычных условностей, правительств, долго находящихся у власти, все, слишком прочно обосновавшееся на своем месте, но признает то, что заставляет нас застыть в изумлении. Один удар барабанной палочки нарушает политическую и нравственную гармонию. Его этику можно сравнить с этикой священника. Он может нападать, отступать без паники и вновь собираться с силами, но никогда не побежит и не дрогнет*.

- Карандашом между строчками сделана следующая запись: Солдат – это деградировавший герой, так же как священник – деградировавший святой: и солдат и священник находятся в том же отношении друг к другу, как герой и святой. Добродетель одного – храбрость, храбрость другого – добродетель. Люди все еще отдают солдату те почести, которых удостоиваются только герои. Они рады воздать ему должное. Его украшают золотом и серебром и всеми цветами радуги, наделяют внешним великолепием; музыка играет только для него, и его жизнь – сплошной праздник. – Примеч. амер. изд.

Мужественный человек – единственный покровитель музыки. Он считает ее своим родным языком, более сладостным и выразительным, чем слова; речь в сравнении с ней – явление

недавнее и преходящее. Музыка – его голос. Его язык обладает, должно быть, той же величием движением и ритма, которую философия приписывает небесным телам. Равномерная смена его мыслей образует темп в музыке. Вселенная становится в строй и шагает в такт с ней, а раньше люди шли поодиночке и не в ногу. Так появляются поэзия и песня. Когда Мужество испытало страх и отправилось на войну, оно захватило с собой и музыку. Душа радовалась, услышав собственное эхо. На согласии и гармонии всегда настаивает особенно солдат. Да, только дружба, которая существует на войне, делает ее столь благородной и героической. Именно неосознанное чувство возвышенной дружбы, испытываемое к чистейшей душе, какую когда-либо видел мир, дало Европе эпоху крестовых походов.

Время рыцарских турниров прошло, и ныне ни один герольд не созывает нас на турнир любви.

Мужественный воин должен чувствовать гармонию, даже если он не слышит мелодии. Для этого не страшна никакая жертва. На чем только он не играет: на волынке, гонге, трубе, барабане – примитивных инструментах из Центральной Африки или Индии – или же на духовых европейских. С тех самых пор, как стены Иерихона пали от звуков труб, военное дело и музыка всегда шли рука об руку. Если солдат идет на штурм города, о его приближении должны извещать барабаны и трубы, которым надлежит отождествить его цель с целью согласной с ним Вселенной. Все леса и стены отражают эхо его собственного духа, и тогда неприятель сдается без боя. Он больше не одиночка, он связан бесчисленными узами с другими людьми. К нему на переключку собираются все силы природы.

Все звуки, но больше всего молчание, играют для нас на флейте и бьют в барабаны. Малейший скрип обостряет все наши чувства. Он излучает трепетный свет, похожий на северное сияние, отбрасывая его на окружающее. Как полировка обнажает прожилки в мраморе и фактуре дерева, так и музыка выявляет все героическое, скрытое от наших глаз.

Тонко чувствующая душа улавливает во Вселенной присущий ей постоянный музыкальный такт, совпадающий с ее собственным тактом. Подобно тому как ровный пульс неотделим от здорового тела, здоровье ее зависит от регулярности этого ритма. Во всех звуках душа узнает присущий ей ритм и пытается выразить согласие с помощью соответствующих движений рук и ног. Когда тело шагает в такт с душой, возникает подлинная смелость и неодолимая сила.

Трус хотел бы низвести эту волнующую музыку сфер до вселенского вопля, а эту мелодичную песнь – до гнусавого и жалобного причитания нищего. Он хочет примирить все враждебные влияния, склонив своих соседей к частичному согласию с ним, но музыка его не лучше брэнчания и напоминает постоянное дребезжанье.

Он издает слабый звук бесцветной мелодии, ибо природа сочувствует такой душе тем меньше, чем меньше в ней звучит мелодия радости. Поэтому он и не слышит созвучной ему музыки Вселенной – этот трус, отвергнутый всеми и оставшийся наконец в одиночестве. Человек мужественный, без труб и барабанов, подчиняет себе гармонию благодаря универсальности и благозвучности своей души.

Возьмите металлическую тарелку⁹, – говорил Колридж, – и насыпьте на нее песку. Если над ней прозвучит мелодичный аккорд, песчинки переместятся, образуя круги и другие геометрические фигуры, причем все они расположатся вокруг некоей относительно спокойной точки. Если же произвести звук дисгармоничный, все песчинки рассеются в беспорядке, не образуя никаких фигур. Не будет там и точек покоя. Мужественный человек – такая вот точка относительно покоя, над которой душа вечно проигрывает мелодичный аккорд.

Музыка – успокаивающее и тонизирующее средство для души. Я прочел следующее: Музыка, этот источник соразмерности и гармонии¹⁰, по словам Платона, дана от богов людям не ради услады слуха, но для того, чтобы разладившееся круговращение души, которое у человека, лишенного тонкости и изящества, часто проявляется в виде распушенности и дерзости, восстанавливать и приводить в надлежащий порядок.

Прибегая к помощи духовых и струнных инструментов, человек малодушный пытается сделать вид, что ничего не произошло: он свистит, чтобы придать себе храбрости.

Есть несколько черт мужественности, о которых говорит Плутарх. Например, такая: Гомер знакомит нас с тем, как Аякс, собираясь на поединок с Гектором, просил греков молиться за него богам, и пока они творили молитвы, он надевал доспехи¹¹.

Он приводит и другой случай: Как только кормчий замечает, что поднимается буря, он начинает молиться и вызывает демонов-покровителей, но между тем не забывает править рулем и опускать нижний рей¹².

Гесиод советует земледельцу, прежде чем пахать или сеять, молиться земному Юпитеру и божественной Церере, но при этом держать руку на ручке плуга. Arcn gar ontwV tou nican to qarrief. (Истинно, храбрость есть начало победы.) ¹³

Римляне дали Стойкости прозвище Фортуна, ибо стойкость есть тот философский камень, с помощью которого все дела кончаются удачно. Стойкий человек (латиняне называли его fortis* есть не кто иной, как счастливчик, к которому благосклонен fors**, или vir summae fortis***. Если хотите, каждый корабль может везти Цезаря и его счастье¹⁴. Мужественный человек остается дома. Ограничьтесь своим собственным внутренним миром, это будет служить вам непробиваемым щитом. Тот, кто первым сделал медный щит, был отъявленным трусом. Чтобы иметь надежные доспехи, mea virtute me involvo (я заворачиваюсь в свою доблесть).

Свергни меня с высоты, на обломках

Славы буду сидеть, улыбаясь.

Самый смелый подвиг, о котором история большей частью умалчивает – ее занимают лишь банальность совершенного дела и неясность дела совершаемого, – это жизнь великого человека. Идти на подвиги – значит быть смелым на время, как и подобает храбрости, которая прибывает и убывает; при этом душа, подавленная своим поступком, исполняется безразличия и трусости. Подвиг же мужественного человека состоит в ежеминутной

завершенности.

- Твердый, стойкий, мужественный (лат.).

** Случай (лат.).

***Человек величайшего мужества (лат.).

1840 ГОД

29 янв. История свидетельствует, что друг подобен душе, родившейся до срока. То, что в наши дни больше напоминает единение в любви, похоже на отдаленный шум волн, бьющихся о морской берег. О том, что океан существует, мы можем судить по тому, что он омывает наш берег.

Только ради этого люди бороздят океаны, занимаются торговлей, пашут землю, проповедуют, сражаются.

Эсхил

Греки, как и вообще южане, создавая яркие и живые образы, выражали себя с большей легкостью, чем мы. Что касается изящества и завершенности, с которыми они трактовали темы, близкие их гению, то в этом следует признать их давнишнее превосходство. Однако грубый и неотшлифованный строй современной мысли может легко обратить их в бегство. Литературу грядущего века предстоит писать не грекам.

Эсхил знал толк в самых обыденных вещах. Его гений заключался в ярко выраженном здравом смысле. Он касался любых естественных фактов с целомудренной суровостью. Возвышенное у него – греческая искренность и простота, откровенное удивление, которое не помогла удовлетворить мифология.

На щите Тидея – эмблема:

На том щите изображение гордое

Красуется: небесный свод со звездами,

А посредине самая прекрасная

Звезда – глаз ночи, полная луна горит.

В литературе греки были детьми, жестокими и бесхитростными. Мы не превзошли их за те века, что разделяют нас. Удивление, смешанное с восхищением, которое испытывают все перед этими древними авторами, сродни чувству, возникающему у человека, когда он обнаруживает, что в юности он стремился к более совершенной жизни, чем самодовольная мудрость его зрелых лет.

Он со знанием дела выражает любые человеческие чувства. Если его герой должен похвастаться, то бахвальство его будет изображено с абсолютной полнотой; оно будет

хвастливым насколько это возможно. У него чрезвычайно подвижный рот, и он легко наполняет его энергичными, крепкими словами, так что можно сказать: в его речи есть все, в ней нет недомолвок, он сказал все.

То, что может различить зрение обычного человека и что может быть им выражено наилучшим доступным ему способом, он видит взглядом необычным и выражает с удивительной полнотой. Толпы, заполнявшие театр, без сомнения, не понимали его до конца. У греков не было великих гениев, подобных Мильтону и Шекспиру, гениев, чьи достоинства могли оценить лишь потомки.

Положение гения в обществе сходно во все времена. Эсхил был, очевидно, одинок, никто не разделял его благоговения перед тайной Вселенной.

21 марта. Сегодня мир – подходящая сцена, на которой можно сыграть любую роль. Сейчас, в этот момент, мне представляется возможность выбрать любой образ жизни, который где-либо ведут люди или который можно нарисовать в воображении. Следующей весной я, возможно, стану почтальоном в Перу или плантатором в Южной Африке, ссыльным в Сибири или гренландским китобоем, поселенцем на берегах Колумбии или кантонским торговцем, солдатом во Флориде или ловцом макрели у мыса Сейбл, Робинзоном Крузо на необитаемом острове в Тихом океане или одиноким пловцом в каком-нибудь море. Выбор ролей так широк; жаль, если в него не войдет роль Гамлета!

Я свободнее любой планеты; ведь ни одна жалоба не обходит вокруг света. Я могу уйти от общественного мнения, от правительства, религии, образования, от общества. Буду ли я облагаться подушным налогом в графстве Миддлсекс или налогом на острогу под пальмами Гвинеи? Буду ли выращивать пшеницу и картофель в Массачусетсе или инжир и оливки в Малой Азии? Просиживать день в конторе на Стейт-стрит¹⁶ или проводить его в седле в азиатских степях? Я могу приплыть в Патагонию и найти там свой Бробдингнег, а Лилипутию найти в Лапландии¹⁷. Мои приключения за один день в Аравии и Персии могут быть удивительнее всех приключений Тысяча и одной ночи. Я могу быть лесорубом у истоков Пенобскота и войти в легенду, как речной бог, обитающий в воде и на суше, под каким-нибудь звучным именем, вроде Тритона или Протея; могу переправлять меха из Нутки в Китай и потому быть более знаменитым, чем Ясон со своим золотым руном, или же поехать в экспедицию в Южные моря, о которой потом будут рассказывать, как о путешествии Ганнона¹⁸. Я могу повторить приключения Марко Поло или Мандевилля¹⁹.

Вот некоторые из открытых передо мною возможностей, а сколько еще я могу сделать, и с делами моими не сравнится ничто!

Слава Фортуне за то, что мы не приросли к земле и свет клином не сошелся на том месте, где мы находимся. В Новой Англии не растет конский каштан и редко слышен пересмешник. Почему бы не идти в ногу с днем, так чтобы не садилось солнце, чтобы не отстать от лета и не видеть перелета птиц? Почему бы не потягаться с буйволом, который поспевает за сменой времен года; он щиплет травку на пастбищах Колорадо до тех пор, пока на берегах Йеллоустона не подрастет для него трава позеленее и повкуснее. Дикий гусь – большой космополит, чем мы; он завтракает в Канаде, обедает на Саскуэханне и чистит на ночь

перышки где-нибудь в речных затонах Луизианы. Голубь переносит в зобе желудь от владений короля Голландии до линии Мейсона – Диксона²⁰. А мы думаем, что, если заменить на наших фермах ограды из жердей каменными стенками, это оградит нашу жизнь и решит нашу судьбу. Если тебя избрали секретарем городской управы, тут уж, конечно, не поедешь на лето на Огненную Землю.

Ну и что из этого? Человек может поджать под себя ноги и удобно устроиться внутри огромной пустой тыквы, спиной к северо-восточной границе, и, между прочим, ему не будет тесно. Ногам-то нашим места довольно, а вот души ржавеют в углу. Давайте же продвигаться все дальше в исследовании наших внутренних земель и каждый день разбивать палатку ближе к линии горизонта на западе. Поистине плодородные земли и роскошные прерии лежат до той стороны Аллеганских гор. До сих пор еще не было Ганнона чувств. Их область – нехоженная земля, сравнимая с владениями Великого Могола²¹.

22 апреля. Фалес²² был первым греком, учившим, что душа бессмертна. Но чтобы понять эту старую истину сегодня, требуется не меньше мудрости. То, чему учил первый философ, придется повторять последнему. Мир не продвигается вперед.

Я не могу повернуться на каблуках в комнате, где пол застелен ковром. Какая потеря для утра – завтрак! А ужин заменяет закат.

Мне думается, я слышу *ganz des vaches** и скоро буду подумывать о дезертирстве.

Разве одного толстого платья недостаточно вместо трех тонких? Тогда я буду гораздо менее многослойным и смогу найти себя в темноте.

- Мелодия, исполняемая на рожке швейцарскими пастухами (швейц. диалект).

23 июня. Мы, янки, не так уж не правы, когда в ответ на один вопрос задаем другой. Да и нет – ложь. Цель верного ответа не установить нечто, но скорее сдвинуть все с места. Все ответы – в будущем, и каждый день отвечает следующему. Неужели мы думаем, что можно знать их заранее?

По-латыни отвечать – значит дать обещание богам поступать правдиво и честно в любой ситуации, как и подобает человеку. И это хорошо.

Музыка умиротворяет шум философских споров и возносится над головами мудрецов.

Как может язык поэта быть выразительнее природы? Он довольствуется пересказом – на том же самом языке – того, что он прочел по буквам, и притом довольно плохо.

Подлинный художник тот, для кого материалом является собственная жизнь. Каждым движением резца он должен врезаться в собственную плоть, а не безучастно долбить мрамор.

Источники. Что мне разговор любого человека, если я не чувствую в нем чего-то столь же жизнерадостного и ровного, как сверчанье сверчка? В нем лес должен вырисовываться на

фоне неба. Люди утомляют меня, если в их речах меня постоянно не приветствует и не ободряет течение сверкающих струй.

Мне не дано увидеть дно неба, поскольку мне не дано разглядеть дно собственной души. Это символ моей бесконечности. Мой взгляд проникает в небо так глубоко, как глубок внутренний источник, из которого бьет моя сегодняшняя мысль.

Доступ к истинной мудрости можно получить не с помощью принуждения или суровости, но лишь с помощью непосредственности и детской радости. Если хочешь что-то узнать, будь прежде весел.

26 июня. Лучшая поэзия еще не написана. Возможно, она и была написана, но поэт забыл ее и вспомнил только тогда, когда было слишком поздно. Или иначе: возможно, она была написана и поэт помнил ее и, когда было слишком поздно, забыл ее.

Самое важное условие искусства – безыскусность.

Правда всегда парадоксальна.

Цели достигнет первым тот, кто меньше всего стремится к этому.

Есть лишь одна вещь лучше помощи – когда тебя оставляют в покое.

Терпение может избавить нас от мучений.

Тот, кто никогда не оказывает сопротивления, никогда не сдастся.

Скажи: Неверно, и ты превзойдешь философов.

Стой снаружи и не бойся беды. Опасность в том, чтобы запереться в четырех стенах.

30 июня. Вчера вечером я отправился из Фейр-Хэйвн и поплыл так же бесшумно и спокойно, как плывут по воздуху облака. С юго-запада с полей дул свежий ветер. Он наполнял парус, принимая облик крылатого коня, и его порывы двигали нас вперед сильно и равномерно. Ветер тихо надувает парус, подобно тому как наполняются ветром благородные движения сердца, но вскоре под действием свойственной человеку нерешительности они начинают полоскаться и биться на ветру. Я мог бы без конца наблюдать за движением паруса. Оно полно глубокого и важного значения. Я слежу за биением его пульса так, словно в нем течет моя собственная кровь. Переменчивая температура далеких атмосфер отмечена на его шкале. Это свободное, жизнерадостное создание, забава для небес и земли. Воздух играет с ним в веселую игру. Он надувается и тянет нас вперед потому, что солнце дотрагивается до него своим воздушным пальцем. Свежий ветер, с которым он играет, долго гулял на просторе. Он так тонок и при этом так полон жизни; так бесшумен, когда испытывает наибольшую нагрузку, и так шумен и нетерпелив, когда толку от него меньше всего. Так и я двигаюсь вперед, наполненный Божьим дыханием, так и мой парус бьется, полощется и надувается ветром.

В этот свежий вечер каждая былинка, каждый листок выглядит так, будто их окунули в ледяную жидкую зелень. Пусть каждый, у кого болят глаза, придет сюда и посмотрит: зрелище будет для него чудесным бальзамом, а то подождите и промойте глаза темнотой.

Мы продвигаемся дальше в поля, там свежий ветер подгоняет вас все вперед и вперед, и нам приходится прикладывать новые усилия, чтобы не отставать. Что думает этот упрямый ветер, который, вроде злой собаки, не дает мне свернуть в сторону, отдохнуть и успокоиться? Неужели он все время так и будет укорять и подзадоривать меня и не признает во мне равного?

Покуда на холмах дует ветер, истина будет торжествовать и ложь обнажится.

Жизнь человека должна быть торжественным маршем под звуки прекрасной, но неслышной музыки: и хотя его ближним она должна казаться немелодичной, для него музыка будет звучать живее, его более тонкий слух будет улавливать звуки тысячи симфоний и сладостных вариаций, которые заставят его идти быстрее. В его жизни не будет остановки, разве что он будет маршировать на своем посту или наступит пауза, которая значительнее любого звука, когда мелодия обретает такую глубину и своеобразие, что ее больше не слышно, зато с ней согласуется вся жизнь его и все существо. Он никогда не сделает ложного шага, даже в самые трудные времена, так как музыка обязательно обретет боольшую мелодичность и силу и уже сама будет направлять движение, которому она дала толчок.

Я глубоко сочувствую борьбе: она так подражает походке души и ее манере держать себя.

Ценность вещи и усилие находятся в такой же зависимости, как тяжесть и тенденция к падению. В очень широком, но истинном значении усилие и есть уже дело само по себе, и только когда вмешиваются обстоятельства практические, наше внимание перемещается с самого дела на вещи случайные. Люди славят не дело, но какой-нибудь кусок мрамора или холст, которые представляют собой лишь площадку -для настоящей работы.

1841 ГОД

26 янв., вторник. У меня ровно столько вещей, сколько мне нужно, со сколькими я могу управиться. Если из-за какого-то недостатка в моем характере я не получаю от них законного дохода, это потому, что мое наследство заложено. Богатство человека не заносится ни в какие реестры. Богатство доставляют не по широким дорогам, его перевозят не по Эри или Пенсильванскому каналу, но по безлюдной дороге, без суеты и конкуренции; оно поступает от мужественного трудолюбия – спокойному уму.

Вчера я видел сон, который связан с одним поступком в моей жизни, когда я был абсолютно честен и следовал велениям своей совести, но все же не смог осуществить своих надежд. Теперь же, по прошествии многих месяцев, в спокойствии сна справедливость восторжествовала. Это было высочайшей наградой. Наяву я не мог и мечтать о подобном воздаянии, ибо сама мысль об этом испортила бы все дело. Но вот мне было позволено стать

даже не предметом, а скорее участником этого возмездия. То был акт высшей справедливости, которая пребудет всегда, которая совершается и сейчас.

Создание хорошего произведения, так же как хорошая игра, всегда послушно голосу совести. В нем не должно быть ни малейшей примеси каприза или прихоти. Если мы умеем слушать, то услышим. Благоговейно прислушиваясь к внутреннему голосу, мы можем вновь утвердить себя на вершине человечности.

3 марта. В этот тихий вечер слышно, как кто-то играет на рожке. Это похоже на плач природы. В звуках, производимых человеком, есть нечто сверхчеловеческое. Кажется, заговорила сама земля. Горизонт отодвигается, открываются величественные дали, и перед великим приходится закидывать голову, чтобы заговорить. То, что я слышу сейчас на Западе, кажется, обращено к Востоку. Звук распространяется вокруг Земли, как в помещении, где слышен каждый шепот. То дух Запада взывает к духу Востока, а может, это дребезжит повозка, которая тащится в обозе дня? Сквозь тишину и тьму до меня доносятся вести о том великом, что происходит где-то там вдалеке. В звуке есть нечто дружественное, как в далеком огоньке, зажженном в жилище отшельника. Когда он вибрирует или колеблется, небо морщится и вибрирует в такт: по нему пробегают волны, догоняя одна другую.

Для нашего разорванного времени звук этот кажется удивительно чистым. Когда слышишь звуки рожков или колокольчиков, доносящихся с полей, где пасутся коровы, испытываешь ощущение здоровья. Теперь я понимаю красоту и глубинное значение слова звук. Природа полна звуков: жужжание насекомых, треск льда, крик петухов поутру, лай собак по ночам – все это говорит о ее здоровье. В чистом звоне колокольчиков слышится голос Бога. Вместе со звуками я пью восхитительный эликсир здоровья. По тому, как на меня действует едва слышный звон колокольчиков где-то там, далеко-далеко, можно судить о моем здоровье. Благодарю Бога за звук: он все время разрастается и заставляет расти и меня. Зачем мне гнаться за богатством, когда можно обогатиться так просто? Здесь я подумываю о том, не заработать ли денег, чтобы обзавестись фермой – тогда я буду иметь собственный участок, где ничто не помешает мне слушать. Все хорошее дешево, все дурное очень дорого.

Что касается коммун, то я считаю так: уж лучше жить в холостяцкой каморке в аду, чем столоваться с другими в раю. Думаете, ваша добродетель попадет туда вместе с вами? Будьте уверены, жить на проценты с вашего капитала она никогда не будет. У постояльца своего дома нет. А я надеюсь и в раю сам печь свой хлеб и стирать свое белье. Единственный пансионат, где обслуживают сразу сотню человек, – это могила. В катакомбах можно обитать сообща и подпирать друг друга, и от этого ни у кого не убудет.

26 апреля. Понедельник. В доме Р. У. Э.23.

Прелесть индейца для меня состоит в том, что в Природе он чувствует себя свободно и естественно; он ее обитатель, а не гость, и носит ее легко и с изяществом. У человека цивилизованного – привычки людей, живущих в домах. Его дом – тюрьма, которая не дает убежища и защиты, но стесняет и подавляет его. Он ходит так, словно подпирает крышу, руки держит так, словно боится, что стены рухнут и раздавят его, а ноги постоянно помнят

о подвале внизу. Мускулы его всегда напряжены. Он очень редко преодолевает власть дома и чувствует себя в нем как дома. Тогда крыша, пол и стены сами поддерживают себя, так же как небо, земля и деревья.

Бродить – великое искусство.

1842 ГОД

26 марта. Суббота. Мудрецы не поддаются доводам мудрости. Ты можешь говорить, но что ты знаешь?

Слава Богу, заурядность, которая является во времени и пространстве, тривиальность всего строя вещей обнаруживаются тогда, когда я сам ощущаю собственную заурядность и незначительность. Я есть время и пространство. Я не требую независимости. Во мне заключены зима и лето, деревенская жизнь и будничность торговли, эпидемии, голод, освежающие ветры, радость и горечь, жизнь и смерть. Вчера – как оно близко! Завтра – как далеко! Я видел гвозди, забитые до моего рождения. Почему они кажутся стертыми и ржавыми? Почему Бог не допустит какой-нибудь ошибки и не покажет нам, что время – лишь иллюзия? Зачем было изобретать время только для того, чтобы уничтожить его?

Помнил ли ты когда-нибудь ту минуту, когда не был мелочным?

Разве не смешно говорить, что жизнь органична?

Куда делось мое сердце? Говорят, люди не могут больше жить, потеряв сердце.

Испытывают ли скуку куры на насесте? Природа очень добра. Интересно, наделила ли она их способностью размышлять? Думают ли они о чем-нибудь в эти долгие мартовские дни, сидя на насесте в углу сеновала, не имея никакого занятия? Спят ли куры на насесте?

Книга должна быть золотой жилой, подобно тому как предложение – бриллиант, найденный в песке, или жемчужина, выловленная в море.

Кто не берет в долг несчастья, тот и не ссужает его.

Должен признаться, я довольно скверно себя чувствую с тех самых пор, как меня спросили, как я собираюсь вести себя по отношению к обществу, что я собираюсь сделать для человечества? Несомненно, мое настроение было не беспричинным, и все же мою праздность можно отчасти оправдать. Я готов отдать людям все богатство своей жизни, я с радостью передам им свой самый ценный дар. Для них я бы выращивал жемчуг вместе с моллюсками, собирал вместе с пчелами мед. Я просеивал бы солнечные лучи ради всеобщего блага. Нет таких богатств, с которыми мне было бы жалко расстаться. У меня нет личной собственности, если не считать моей способности служить людям. Это мое единственное личное достояние. Так каждый может быть богатым, не беря грех на душу. Я кладу жемчужину и пестую ее до тех пор, пока она не вырастет. Я хочу описать те куски

своей жизни, которые с радостью прожил бы еще раз.

Трудно быть хорошим гражданином мира в сколько-нибудь высоком смысле слова, но если мы не отдаем миру проценты и не возвращаем ему с лихвой тот талант, которым наделил нас Бог, мы можем хотя бы сохранить самый принцип. Мы хотели бы выплачивать обществу дивиденды на капитал, который в нас вложен; но хорошо уже и то, что мы чаще всего оказываемся лишь надежным вложением капитала и не добавляем ничего к основным фондам.

В таком письме, какое мне нравится, обязательно будет ничем не прикрашенная и откровенная речь и никаких околичностей.

1850 ГОД

17 нояб. В странное время мы живем, когда империи, королевства и республики попрошайничают у наших дверей и жалуются нам на свои невзгоды. Когда бы я ни взял в руки газету, всегда какое-то жалкое правительство, стоящее на грани банкротства, назойливее итальянского нищего умоляет меня, читателя, проголосовать за него. Сидело бы себе тихо дома, как делаю я. Бедняга президент, которому необходимо поддерживать популярность и выполнять свои обязанности, совсем не знает, что ему делать. Если вы не читаете газет, вас могут обвинить в измене. Газеты – вот правящая нами сила. То, что делает Конгресс, похоже на слабые раскаты грома. Любое другое правительство – всего лишь горстка морских пехотинцев из форта Индепендес. Если вы не читаете Дейли таймс, правительство будет на коленях просить вас одуматься, ведь в наши дни это измена. Газеты отводят часть своих полос политике и правительству по собственной инициативе, а это единственное, что спасает дело. Но я не читаю этих столбцов.

Сегодня днем в поле озимой пшеницы я нашел надтреснутое яйцо горлицы, из которого вылупливался птенец. Оно было белое и овальное, как галька. Приняв его за камень, я нечаянно наступил на него и раздавил. Крошечная горлица совсем сформировалась, у нее был отчетливо виден спинной хребет.

Чесипукский Изгиб есть на карте Уитфлита 159... года.

Даже голланды были готовы заявить свои права на великую канадскую реку. На карте Новой Бельгии в книге Огилби Америка (1670) 24 река Святого Лаврентия также носит название De Groote Rivier van Niew Nederlandt*.

На той же карте, к востоку от озера Шамплейн, называвшегося Lacus Irocoisiensis, или по-голландски Meer der Irocoisen, нанесена горная цепь, называвшаяся Зеленые горы Вермонта. А Irocoisia, или страна ирокезов, находится между этими горами и озером.

- Великая река Новых Нидерландов (голл.).

24 ноября. Сегодня на Медвежьей горе сорвал лютик.

Некоторых из моих друзей я навещаю регулярно, но обычно ухожу от них рано и с каким-то горько-сладким чувством. То, что мы любим друг в друге, настолько перемешано и перепутано с тем, что нам ненавистно, что не расставания, а встречи больше огорчают и разочаровывают нас и даже отчуждают друг от друга. Люди могут быть просто моими знакомыми, но тот, кого я привык идеализировать, о ком мечтал, кого привык считать своим другом и частью себя, никогда не сможет превратиться просто в знакомого. Я должен общаться с ним на этом высоком уровне либо совсем не знаясь с ним. Мы не делаем признаний и не даем объяснений, потому что, как правило, не отделяем себя друг от друга без слов. Наш друг должен обладать широкой душой. Он должен быть подобен атмосфере, одинакового протяжения со Вселенной, в которой мы можем расти и дышать. Мы большей частью подавляем и душим друг друга. Я иду навещать друга и вдыхаю его атмосферу. Если наши атмосферы оказываются несовместимыми, если мы вызываем друг у друга неприязнь, бесполезно продолжать визит.

1851 ГОД

16 фев. Мы, кажется, называем свою страну страной свободы? Но что значит быть свободными от короля Георга IV и продолжать оставаться рабами предрассудка? Что значит родиться свободными и равными и не жить? Какова цена политической свободы, если она не является средством к достижению свободы нравственной? Чем мы, собственно, гордимся – свободой быть рабами или свободой быть свободными? Мы – нация политиков, заботящихся о внешнем облике свободы, о ее методах и об укреплении самых дальних подступов к свободе. Может быть, только наши внуки будут по-настоящему свободными. Мы слишком обременяем себя. Существует частица нас, которая никак не представлена. Получается налогообложение без представительства²⁵. Мы размещаем у себя войска. Что касается достоинства и истинного мужества, то мы глубокие провинциалы, которым далеко до столичных жителей, настоящие Джонатаны²⁶. А провинциальны мы потому, что ищем образцы для подражания не дома, чтим не истину, но отражение ее. Мы поглощены и ограничены торговлей, коммерцией, сельским хозяйством, а ведь они лишь средства, но не цель. Мы глубоко провинциальны, говорю я, но то же можно сказать об английском парламенте. Его члены ведут себя как неотесанные мужланы, когда нужно решать сколько-нибудь важный вопрос. Работа, которую они выполняют, подчиняет себе их характер.

Самые изящные в мире манеры рядом с высоким интеллектом кажутся неуклюжими и бессмысленными. Они похожи на моды прошлого – изысканность, короткие штаны в обтяжку, пряжки у колена. Они плохи тем, что быстро устаревают, это поза и ничего более. Недостаток манер в том, что человек постепенно отказывается от них. Она лишь выброшенная за ненужностью одежда или оболочка, претендующая на уважение, которым пользовалось живое существо. Нам подают оболочку вместо мяса, и тот факт, что у какой-то рыбы чешуя ценнее мяса, вообще не может служить оправданием. Тот, кто навязывает мне свои манеры, похож на человека, пытающегося продемонстрировать собрание дикушинок, в то время как мне интересен он сам. Манеры сознательны, характер – бессознателен.

Мой сосед не так быстро приходит в себя, отвесив мне формальный поклон, как я – от приятной встречи с ним.

27 фев. Видел сегодня на Пайн-Хилле, прямо за домом Джозефа Мерриама, норвежскую сосну, первую, какая мне встретилась в Конкорде. М-р Глисон, который показал мне ее, сказал, что это единственная сосна, названия которой он не знал. То была очень красивая сосна, около двадцати футов в высоту. Э. Вуд считает, что потерял два акра луга из-за льда. Привез пятнадцать повозок наколотого льда с другого луга. На первом лугу появился мятлик там, где он раньше не рос.

Из двух людей, один из которых ничего не знает о данном предмете и, что особенно редко, знает, что ничего не знает, а другой действительно знает о нем нечто, но думает, что знает все, – какое преимущество первый имеет перед вторым? С кем лучше иметь дело? Я не думаю, что это знание сводится к чему-то более определенному, нежели то необычное и прекрасное чувство удивления, которое мы испытываем, когда нам внезапно открывается недостаточность всего того, что мы доселе называли знанием, – бесконечное чувство величия и славы Вселенной. Знание есть озаренный солнечными лучами туман. Невозможно представить, чтобы человек познавал в более высоком смысле (так же как) он не может спокойно и не щурясь смотреть на солнце.

Культура – та, которая предполагает вывоз большого количества перегноя с лугов и унавоживания почвы, а не та, которая делает ставку лишь на теплицы и усовершенствование сельскохозяйственных орудий.

Когда человек покупает вещь, какой решимости он преисполнен завладеть ею и владеть ею, сколько лишних слов, какую цепочку однозначных и близких по значению терминов, выражающих принадлежность, он использует в юридической процедуре! Что мое, то мое. В старинной купчей на маленький участок болотистой земли, который я недавно обмерял, рискуя увязнуть в нем с головой, говорится: ...означенные Сполдинг и наследники и правопреемники его имеют право и могут с этого (?) времени и навечно во все времена в силу сего документа законно, мирно и спокойно иметь, владеть, пользоваться, занимать, обладать и располагать упомянутым болотом и так далее.

Магнитный железняк, еще в древности обнаруженный в магнезии, – отсюда *magnes*, или магнит, – использовался еще Плинием и другими. Похоже, китайцы открыли магнит очень давно, в 121 году н. э. и раньше (?); применяли его в судовождении в 419 году; о нем упоминал некий исландец в 1068 году; он упоминался во французском стихотворении 1181 года²⁷, в Истории Норвегии Торфеуса²⁸ в 1266 году. Использовался да Гамой в 1427 году²⁹ Ведущий камень, он же магнитный железняк.

Обнаружено, что перекись водорода, или озон, который первоначально считался всего лишь химической диковинкой, в природе распространен широко.

Нижеприведенные слова имеют отношение к плавающему льду, который всплыл с низменных частей лугов. Роберт Хант пишет: Вода проводит тепло вниз чрезвычайно медленно. Если на ее поверхности поджечь эфир или другое горючее вещество, масса льда на глубине нескольких дюймов под поверхностью воды не растает. Если бы лед опустился под воду, летнее солнце едва ли могло бы растопить его. Таким образом, наши озера и моря постепенно затвердели бы.

Змеи, грифоны, летающие драконы и другие фантастические существа из арсенала геральдики, восточное представление о мире, который стоит на слоне, слон на черепахе, а она снова на слоне и так далее, относимое обычно к сфере мифологии в общепринятом смысле слова, – все это, как считают некоторые, указывает на смутное знание предшествующего состояния органической жизни, которое отчасти подтверждает геология.

В Азии недавно обнаружили ископаемую черепаху, столь огромную, что она могла бы выдержать слона.

Аммониты, змеиный камень или окаменелых змей находили издавна, часто без голов.

В северной части Великобритании окаменелые морские ежи называются четки св. Катберта. Миф держится на истине.

Рай – в направлении на запад, или лучше, запад находится в направлении рая. Путь в рай лежит с востока на запад вокруг земного шара. Солнце ведет за собой и показывает дорогу. Звезды тоже освещают ее.

Природа и человек: одни люди предпочитают первое, другие – второе; но все это de gustibus*. Не важно, из какого колодца вы напьетесь, при условии, что его питает источник.

- De gustibus non est disputandum (лат.) – о вкусах не спорят.

Когда я гуляю по лесу, над ландшафтом моего ума, может статься, промелькнет тень от крыльев какой-то мысли, и я понимаю, как мало событий в нашей жизни. Что значат все эти войны и слухи о войнах, современные открытия и так называемые улучшения? Просто раздражение на коже. Но эта тень, которая так быстро исчезает и чью суть так трудно уловить, наводит на мысль о том, что есть важные события, промежутки между которыми – для нас настоящая историческая эпоха.

Лекторы обыкновенно говорят о XIX веке, об американце последнего поколения с такой легкостью и таким пафосом превозносят его до небес, распространяя вести о его славных делах с помощью телеграфа или силы пара, перечисляют все деревянные затычки, которые он выстругал. Но кому не ясно, что подобные описания жизни человека или нации неискренни и неуместны. Этот стиль напоминает крики ура! или манеру, в которой изъясняются члены общества взаимного восхваления. Вагоны идут мимо, и их содержимое известно нам так же хорошо, как видна их тень. Они останавливаются, и мы в них садимся. Но те возвышенные мысли, которые пролетают в вышине, не останавливаются, и мы в них никогда не садимся. Их проводник не похож ни на одного из нас.

Я чувствую, что человек, который в разговоре со мной о жизни людей в Новой Англии делает упор на железные дороги, телеграф и тому подобное, видит лишь внешнюю сторону вещей. Он воспринимает преходящее и поверхностное так, будто это – нечто прочное и значительное. XIX век со всеми своими усовершенствованиями, возможно, уже являлся в одном из состояний ума, где-то между сном и пробуждением, во времена какой-то стародавней индийской династии. Ничто не оставляет глубокого и прочного следа, разве только то, что весомо.

Повинуйся закону, который дает откровение, а не закону, который для тебя открыт.

Хотелось бы, чтобы соседи мои были людьми более дикими.

Дикая природа, перед которой бледнеет любое цивилизованное общество.

Тот, кто живет по велениям высшего закона, является в каком-то смысле незаконным. Вряд ли можно назвать счастливым открытие закона, связывающего нас там, где мы до сих пор считали себя несвязанными. Живи свободно, дитя тумана! Тот, для кого созданы законы, кто сам не повинуетя закону, но кому повинуетя закон, возлежит на пуховых подушках и переносится по желанию куда только захочет, потому что человек выше всех законов, небесных и земных, когда осмеливается жить.

Дикие, будто мы живем, питаюсь костным мозгом антилоп, поедая его сырым.

Кажется, есть люди, в чьей жизни важных событий было не больше, чем в жизни жука, который ползет по тропинке у меня под ногами.

30 марта. Весна уже пришла. Я вижу черепах, или, скорее, слышу, как они при моем приближении шлепаются с берега ручья в воду. На ольхе появились сережки. Со дна речки поднимаются листья кувшинок. Слышно пение чибиса и жаворонка.

Только убогие дикари да вырождающиеся бушмены мироздания сотворены устрашающими благодаря тому, что их слабые зубы и крохотные жала источают яд, – муравьи, сороконожки, комары, пауки, осы и скорпионы (Хью Миллер³⁰).

Достигнуть подлинной сердечности в отношениях с одним человеческим существом уже достаточно, чтобы год стал для нас памятным.

Человек, для которого главное – закон, человек, прядущий значение формальностям, консерватор – человек робкого десятка.

Как уводили Симса

Недавно один английский писатель (Де Куинси), пытаясь объяснить зверства Калигулы и Нерона³¹, их чудовищную и противоестественную жестокость, а также всеобщее раболепство и продажность, которую они породили, заметил, как трудно поверить в то, что потомки народа столь сурового, каким были римляне, могли так быстро выродиться; в это время население Рима, свезенное сюда из различных частей света, но особенно из Азии, было, по существу, новой расой. Огромная часть коренных жителей была вырезана, и права гражданства были предоставлены такому большому количеству освобожденных рабов из Азии, что на протяжении жизни одного поколения римское золото почти полностью превратилось в простой металл. Ювенал с горечью писал: Оронт... смешал свои нечистые воды с водами Тибра, а также: Возможно, во времена Нерона меньше чем каждый шестой был римлянином по происхождению. Вместо них, пишет другой автор³², пришли сирийцы,

каппадокийцы, фригийцы и освобожденные рабы из других стран. За полвека они деградировали так быстро, что Тиберий даже назвал сенаторов его (Рима) *homines ad servitutem natos*, то есть людьми, рожденными быть рабами.

Итак, можно сказать, не располагая какими-нибудь генеалогическими данными, что подавляющее большинство жителей Бостона, даже те, кто имеет сенаторское звание, – все эти Кертисы, Ланты, Вудбери и прочие³³, – были не потомками борцов за Революцию (Хэнкоков, Адамсов, Отисов³⁴), но просто сирийцами, каппадокийцами и фригийцами, всего лишь *homines ad servitutem natos*, то есть людьми, рожденными быть рабами. Но, пожалуй, хватит сравнивать нас с нашими предками, так как в целом, думаю, даже они хоть и были несколько храбрее нас и менее продажны, все же не были достаточно великодушными и принципиальными, чтобы встать на защиту людей другой расы, живущих среди них. Я не верю, что скоро настанет то время, когда Север начнет из-за этого войну с Югом. Это значило бы вписать слишком яркую страницу в историю нашей страны.

Существует такая должность – хотя ее не всегда занимает достойный человек, – как губернатор Массачусетса. Что же он делал последние две недели? Трудно ему было, должно быть, сохранять нейтралитет во время этого морального землетрясения. Мне казалось, что нельзя было сочинить на него более злой сатиры, нанести ему большего оскорбления, чем просто не вспомнить о нем в тот критический момент. Казалось, все забыли, что существует такой человек и такая должность. Однако все это время он занимал губернаторское кресло. Настоящий м-р Флюгер, потому что прекрасно держит нос по ветру.

В 1775 году две или три сотни жителей Конкорда собрались на мосту с оружием в руках для того, чтобы отстаивать право трех миллионов людей самим устанавливать налоги и участвовать в делах самоуправления. Около недели тому назад бостонские власти, сторону которых взяли многие жители Конкорда, собрались на рассвете, чтобы с помощью еще большего отряда солдат препроводить в рабство – такое глубокое, какое только знал свет, – ни в чем не повинного человека, зная, что он ни в чем не повинен³¹. Абсолютно неважно – я хочу, чтобы вы подумали над этим, – кем был этот человек, был ли он Иисусом Христом или кем-то другим, ибо как поступаете по отношению к меньшим его братьям, так поступаете по отношению к нему. Неужели вы думаете, что он остался бы здесь на свободе и допустил бы, чтобы чернокожий пошел в рабство вместо него? Они отправили его обратно в рабство, говорю я, чтобы он жил в рабстве вместе с остальными тремя миллионами – заметьте это себе, – которых та же самая рабовладельческая, или рабская, власть на Севере и на Юге держит в этом состоянии. Три миллиона, которые в отличие от прежде упомянутых трех миллионов не отстаивают право на самоуправление, а просто-напросто убегают и держатся подальше от своей тюрьмы.

Неделю спустя жители нашего города, оказавшие в этом деле особенную поддержку бостонским властям, звонили в колокола и стреляли из пушек в честь мужества и свободомыслия тех людей, которые собрались у моста. Можно подумать, что те три миллиона человек бились, чтобы освободиться самим, но держать в рабстве другие три миллиона. Но, господа, даже последовательность, хотя ее часто ругают, бывает иногда добродетелью. Каждый гуманный и разумный житель или жительница Конкорда, слыша эти колокола и пушки, вместо того чтобы думать о событиях 19 апреля 1775 года, вспоминали

12 апреля 1851 года.

Я хочу сказать согражданам, что, каковы бы ни были законы, ни отдельный человек, ни нация не могут, совершив даже малейшую несправедливость, избежать расплаты. Правительство, сознательно творящее несправедливость – и упорствующее в этом! – станет в конце концов посмешищем для всего мира.

О рабстве в Америке говорилось много, но я думаю, что мы не поняли еще, что такое рабство. Если бы я всерьез предложил конгрессу перемолоть человечество на колбасу, не сомневаюсь, что большинство улыбнулось бы на это, а если бы кто-либо отнесся к моему предложению серьезно, то счел бы, что я предлагаю нечто гораздо худшее, чем конгресс когда-нибудь осуществлял. Но, господа, если кто-либо из вас скажет мне, что превратить человека в колбасу гораздо хуже – или просто хуже, – чем сделать его рабом, чем принять закон о беглых рабах, я назову его глупцом, умственно неполноценным человеком, который видит различия там, где их нет. Первое предложение столь же разумно, как и второе.

Когда я читал отчет о поимке беглеца и возвращении его в рабство – а читал я его в воскресенье вечером – и прочел также то, о чем здесь не читали, а именно: человек, который творил молитву на пристани, был Даниелом Фостером из Конкорда, я не мог не почувствовать некоторой гордости, потому что из всех городов республики только Конкорд был назван как участник этого нового чаепития³⁶. Подобно тому как он занял определенное место в первой главе истории Массачусетса, так он займет место и в следующей, может быть, самой важной части истории Массачусетса. Но моим вторым чувством, когда я раздумывал, как недолго этот человек прожил в нашем городе, были сомнение и стыд, так как жители Конкорда за последнее время не сделали ничего для того, чтобы их город упоминали в связи с теми событиями.

Много говорят о том, что этот закон попирается. Делать это вовсе нетрудно. Такой закон не подымается до уровня головы или разума: ему место только в грязи. Он вырос в грязи и пыли, на уровне ног, и каждый свободно идущий человек, если он не прибегает к софизмам и уверткам и не обходит, подобно милосердным индусам, всех ядовитых гадов, непременно на него наступит и будет, таким образом, попирать его ногами.

Дело дошло до того, что друзья свободы, друзья раба содрогнулись при мысли о том, что его судьба находится в руках так называемых законных судов нашей страны. Люди не верят, что с ним поступят по справедливости. Судья решит так или иначе, в лучшем случае это будет случайностью. Ясно, что в столь важном деле он не компетентен. Я не доверил бы жизнь своего друга судьям всех верховных судов мира, вместе взятым, и не хотел бы, чтобы они приносили в жертву или спасали жизнь моего друга, опираясь на прецедент. Я гораздо охотнее положился бы на народ, что уже само по себе было бы прецедентом для потомков. Бго голосование, по крайней мере, представило бы какую-то ценность. Но тут мы имеем всего лишь скованное предрассудками суждение одного человека, в любом случае ничего не значащее.

Думаю, что недавние события поучительны: они отлично показали, как у нас вершится правосудие, вернее, где нужно искать подлинную справедливость в любом обществе. Для

суда может оказаться роковым тот факт, что люди вынуждены обходить суд. Они узнают, что суды пригодны лишь для хорошей погоды и для самых мелких дел.

(Далее две страницы дневника отсутствуют) давайте иметь собственное мнение; давайте будем жителями города, а не пригорода, столь же удаленного от Бостона в этом смысле, как мы были отделены старой дорогой, что вела через Лексингтон; пусть наш город будет местом, где тирания встречает твердый отпор и, потерпев поражение, возвращается на свои корабли.

В Конкорде сохранилось еще несколько подобных мостов, и он собирает налоги на то, чтобы содержать их в порядке. Неужели он не может набрать людей, чтобы защитить их?

В числе необходимых мер я предложил бы аболиционистам, среди прочего, предпринять такой же энергичный, серьезный и решительный поход против прессы, какой они успешно провели против церкви. Церковь за последнюю пару лет стала заметно лучше, да, даже за последние две недели, а пресса почти вся без исключения продажна. Я считаю, что в нашей стране пресса оказывает более сильное и гораздо более пагубное влияние, чем церковь. Мы не отличаемся религиозностью, но мы нация политиков. Мы не очень-то чтим Библию и не читаем ее, но мы чтим газету и читаем ее. Это библия, которую мы читаем каждое утро и каждый вечер, стоя и сидя, в поездке и на ходу. Эту библию каждый носит в кармане, она лежит на каждом столе и прилавке, ее неустанно распространяют почта и тысячи миссионеров. Это единственная книга, которую Америка издала и которая способна оказывать колоссальное влияние – хорошее или плохое. Редактор – это проповедник, которого вы добровольно содержите. Он вам обходится в среднем по центу в день, зато не надо платить за церковную скамью. Но часто ли эти проповедники проповедуют истину? Я повторяю мнение многих просвещенных иностранцев и собственное свое убеждение, когда скажу, что ни в одной стране, вероятно, не было столь гнусных тиранов, какими являются редакторы периодической печати в нашей стране. Почти без исключения наша пресса раболепна и беспринципна. Коммонуэлс, Либереитор, насколько мне известно, единственные газеты, осудившие подлость и трусость городских властей, которые они недавно продемонстрировали. Другие газеты, почта без исключения, – Адвертайзер, Транскрипт, Джорнел, «Таймс, Би, Гералд и так далее – тоном своих статей, касавшихся Закона о беглых рабах и возвращения раба хозяину, оскорбляют здравый смысл нации. Можно подумать, что они пишут так главным образом потому, что желают снискать одобрение своих покровителей, а также потому, что не подозревают о возможности более здорового подхода.

Но возблагодарим судьбу за то, что этот проповедник более уязвим для оружия реформатора, чем священник-отступник. Свободным людям Новой Англии достаточно отказаться покупать и читать эти газеты, им достаточно придержать свои центы, чтобы сразу убить их целую дюжину.

26 апреля. Судья, чьи слова определяют судьбу человека на веки вечные, не тот, кто всего лишь провозглашает решение закона, но тот, кем бы он ни был, кто из любви к истине, без предрассудков, внушенных людскими обычаями и установлениями, высказывает свое подлинное мнение и выносит ему приговор. Именно он приговаривает его. Самая

обыкновенная правда о нем в устах самого скромного человека значит гораздо больше для его доброго имени, чем приговор самого высшего суда в стране.

Вчера нарвал ландышей и болотной калужницы, видел бувардию, фиалки и так далее. Видел цветок одуванчика.

Кто они – американцы? Жители Новой Англии? Жители Конкорда? – все эти Баттрики, Дэвисы, Хосмеры³⁷, которые читают и поддерживают бостонские Гералд¹», Адвертайзер, Трэвеллер, Джорнел, Транскрипт и им подобные, Тайме? Это ли Флаг нашего союза?

Могло ли рабство породить большее раболепство? Можно ли больше пресмыкаться в пыли, своей слюной превращая ее в грязь? Не правда ли, бостонский «Гералд хорошо выполнил свою задачу – преданно служил хозяину? Можно ли было лучше ползать на брюхе? Можно ли опуститься ниже? Сделать больше, чем поместить конечности на место головы? А свою голову превратить в нижнюю конечность? И когда я говорю бостонский Гералд, я имею в виду бостонскую прессу за немногими исключениями, о которых можно было бы и не упоминать. Когда я, заворотив манжету, беру в руки эту газету или бостонскую Тайме, я в каждом ее столбце слышу шум сточных вод. Мне кажется, будто я держу в руках бумагу, вынутую из выгребной ямы, листок из устава игорного дома, трактира и борделя, вполне созвучного евангелию биржи.

Подозреваю, что иные, будучи привязаны к столбу для публичной порки и ухитрившись высвободить одну руку, станут этой рукой звонить в колокола и стрелять из пушек в ознаменование освобождения. Это напомнило мне римские сатурналии, когда даже рабам позволяли кое-что³⁸. Итак, некоторые из вас взяли такую волю, что осмелились даже звонить и стрелять! Но только на это вас и хватило: когда пороховой дым рассеялся, ваша свобода улетучилась вместе с ним. В наше время люди носят дурацкий колпак и называют его фригийским колпаком свободы. Это так же смешно, как если бы арестанты собрали деньги на порох для салютов, наняли тюремщиков, чтобы те за них стреляли и звонили.

(АЕТ. 33)

1 мая. Видел цветущую желтую кувшинку (*Nuphar advena*); недалеко от фермы Уильяма Уилера в Линкольне видел также кусты бензоина (*Laurus Benzoin*), которые по форме напоминают орешник. Любопытно, что этот сильно пахнущий кустарник, хотя и растет вдоль дорог и не прячется от людского глаза, по сути дела не виден, хотя он цветет каждую весну. Его можно видеть только раз во много лет.

Почки персиковых деревьев набухли, отчего сады покрылись легкой розовой дымкой.

Что касается чистоты, не знаю, намного ли я хуже или лучше моих знакомых. Когда я думаю о себе, то кажусь себе – то ли из-за склада ума, то ли из-за образования – безнадежно нечистым, и мои сограждане должны были бы меня избегать, узнай они меня получше. У меня такое чувство, словно во мне объединились два несовместимых начала. Но когда я слышу, как мужчины в массе своей говорят о женщине и о целомудрии – без любви и без

почтительности, – чувствую, что я все же лучше их, хотя и не могу объяснить почему. Думаю, ни один из моих знакомых не ценит и не почитает целомудрия больше меня. Быть может, нужно действительно стоять низко, чтобы с почтением относиться к тому, что высоко в других.

Все далекие пейзажи, открывающиеся с вершины холма, похожи на картины, но путешественник, добравшийся до них, обнаружит нечто совсем другое. И лишь далекое глаз очаровывает наш³⁹. А увидит он лишь голый пейзаж, лишенный той глубины, какую придает ему атмосфера. Река вон там вдали, на севере, которая видна с Линкольн-Хилла, похожа на морское течение на щите Гомера⁴⁰, волны и рябь на ее поверхности отражают свет, но вблизи она совсем иная. Между мной и объектом моего созерцания вторгается небо. Прибегая к поэтической вольности, я называю эту реку Конкорд. Видеть так – значит спасти репутацию рек. Выходит, они не зря украшали щит Гомера.

Когда я смотрел сегодня с горы Табор в Линкольне на Уолтамский холм, я видел все ту же обманчивую покатость склона; ближние холмы незаметно сливались с дальними и становились неразличимыми. Они представляли собой один ровный склон от основания ближайшего холма до вершины самого дальнего, где одна рощица сменялась другой. Но я звал, это между ними есть долина в две или три мили шириной, в которой разбросаны домики и сады, где протекает довольно широкая речка. Когда тень от облака упала на ближайший холм, я смог различить его темную вершину на фоне другого холма.

Я представил себе тихое, мрачное озеро, которое видел прошлым летом в горах (на Лысой горе). Глубоко в воде там стояли полузасохшие ели: они были окутаны пеленой тумана, словно лишайником, сотканным из росы. Здесь купался дух горы. Дао его находилось выше поверхности других озер. Ели, чьи мертвые ветки больше гармонировали с окутывавшим их туманом.

В то утро, когда я переехал в свой дом, несчастный хромым старик, у которого были отморожены ноги, ковыляя, сошел с дороги, подошел к моей двери, заглянул внутрь и попросил глоток воды. Я знал, что единственный напиток, который он признает, – ром или что-нибудь в этом роде. Но я дал ему ковш теплой воды из пруда, потому что у меня ничего другого не было, и, к моему удивлению, он осушил его – в силу привычки к питью.

Говорят о народах, а что такое народы? Татары! Гунны! Китайцы! Они живут роями, как насекомые. Историки тщетно пытаются запечатлеть их в нашей памяти. Так много народа стало потому, что нет личностей. А ведь именно они – население мира.

“ Дух Лодина

Смотрю с вышины на народы,
Они кажутся мне прахом.
Моя обитель в облаках приятна,
Тиха просторная опочивальня.
Человек столь же исключителен, как и Бог.

Есть скептики, которые иногда спрашивают меня, действительно ли я способен питаться только растительной пищей. Чтобы сразу в корне пресечь расспросы, я обычно отвечаю: Да, я могу питаться гвоздями. Если они этого не поймут, едва ли они поймут меня вообще. И нечего терять времени на объяснения. А я с удовольствием слышу о подобных опытах» например о юноше, который пробовал в течение двух недель питаться сырыми зернами кукурузы, перетирая их зубами. Беличье племя проделывает это с успехом. Человеческий род проявляет интерес к этим экспериментам, хотя они тревожат некоторых старых дам, владеющих третьей частью акций в мукомольной промышленности⁴¹.

Халед⁴² не давал своим усталым воинам расслабиться, боясь ночного нападения противника. Пусть никто не спит, – сказал он. – У нас будет достаточно времени для этого после смерти. Интересно, поняли бы эти слова солдаты-янки?

Омар отвечал умирающему Абу-Бекру⁴³: О, преемник апостола Бога! Избавь меня от этого бремени. Мне не нужен халифат. – Но ты нужен халифату! – отвечал умирающий Абу-Бекр.

Гераклий слышал о простой одежде халифа Омара⁴⁴ и спросил, почему, захватив такие богатства, он не ходит в роскошных одеяниях, подобно другим знатым людям. Ему ответили, что этот мир ему безразличен, его мысли – о мире грядущем и он ищет милости у одного лишь Бога. В каком дворце он живет? – спросил император. В глинобитном доме. – Кто его слуги? – Нищие и бедняки. – На каких коврах он сидит? – На коврах справедливости и беспристрастия. – Что представляет собой его трон? – Воздержание и истинное знание. – Каковы его сокровища? – Вера в Бога. – А кто его охраняет? – Храбрейшие из унитариев⁴⁵.

Зейяд, бывший некогда губернатором Бассоры, где бы ни управлял, приказывал обычно всем жителям держать ночью двери домов открытыми, оставляя у входа загородку, чтобы не заходил скот. Он обещал возместить любую вещь в случае кражи. Охрана порядка при нем была столь эффективной, что кражи прекратились.

Абдулла⁴⁶ стоял так неподвижно, погруженный в молитву, что однажды ему на голову сел голубь, приняв его за статую.

7 июля. Мне кажется, откровения ночи божественны. Встречаясь утром, люди могут обмениваться новостями ночи, тем, какие божественные указания были им даны. Я обнаружил, что часто наяву сохраняю в памяти слова, услышанные от богов, испытываю такие побуждения к чистоте, героизму, литературному труду, какие никогда не рождаются днем.

Один из тех дней, когда вслед за утром идет не день, а скорее бесконечное утро, длительная утренняя пора, когда благодаря облакам рассвет длится целый день.

Сейчас одни цветы уже отцвели, другие еще не начали цвести. Такой же перерыв у певчих птиц. Редко слышны малиновка, рисовый трупиял и другие.

Я радуюсь, когда вижу во сне, что был исполнен добродетели и благородства.

Где же греческая история? Она являет себя, когда утром я вспоминаю откровения ночи.

Луна сейчас находится в третьей четверти. Когда я проходил по поселку в десять часов холодным, как в мае, вечером, я любовался густыми тенями вязов на земле, их ажурным узором и думал о том, что люди получили больше, чем могли надеяться: деревья не только растут, но и отбрасывают узорчатую тень на землю. Вечером тени ложатся на землю. Они высатся, изгибаются и свисают над улицами, как светильники темноты. Недавно во время дневной прогулки я видел, как солнце освещало глубину густого соснового леса, отбрасывая на землю блики, подобные лунному свету. Оно высвечивало покрытую лишайником кору большой сосны, от которой отражалось, освещая заросли вокруг, вроде второго солнца. Это было глубоко в лесу, и вы бы, пожалуй, сказали, что туда не может проникнуть солнце.

Сегодня вечером второй раз ходил с Энтони Райтом посмотреть в телескоп Переса Блада. С десяток соседей было захвачено волной нашего любопытства. Один из них, который живет в полумиле отсюда, сказал, что Блад был здесь день-два тому назад с дневной подзорной трубой; он смотрел на восток, в сторону холмов у Биллерики, Берлингтона и Уоберна. Забавно было наблюдать, с каким почтением соседи относятся к этому человеку с телескопом. Примерно с тем же чувством дикари встречают обитателя цивилизованного мира, хотя в этом случае дистанция между ними была совсем невелика. М-р Блад с его приземистой североευропейской фигурой, в маленькой шапочке, напоминал мне Тихо Браге⁴⁷. Сегодня вечером он не пригласил нас в дом – ни мужчин, ни женщин. Насколько мне известно, он не делал этого и раньше. Я до сих пор довольствуюсь тем, что смотрю на звезды невооруженным глазом. М-р Райт спросил его, сколько стоит его инструмент. Тот ответил: Ну, этого я не хотел бы говорить. – При этом он, как обычно, заикался и запинаясь. – Но вопрос ваш мне вполне понятен. – Да-а, – сказал я, – и вы думаете, что дали нам убедительный ответ.

На обратном пути мой спутник Райт, могильщик, сказал, что сегодня утром ему было очень трудно рыть могилу, – могилу для того, кто некогда был моим учеником. Несмотря на дождь, сказал он, земля на глубине двух футов сухая, как зола.

Часто с некоторым смущением и не без содрогания – от сознания возможной опасности – я ловлю себя на том, что чуть было не допустил в свой ум подробности какого-нибудь пустячного дела, вроде случая из судебной практики. Я с удивлением замечая, как охотно люди загружают свой ум этой чепухой и позволяют пустым слухам, различным рассказам и мелким случайностям вторгаться в ту сферу, которая должна быть священна для мысли. Разве храм нашего ума – поприще, куда сходятся, чтобы обсуждать сплетни, услышанные за чайным столом, или рыночные новости? Что это – шумное, пыльное и банальное место? Или часть самого неба, храм, освященный и предназначенный для богослужений? Мне трудно разобраться с теми немногими фактами, которые важны для меня, поэтому я не тороплюсь занимать свое внимание вещами незначительными, которые может прояснить лишь Божественная мудрость. Таковы, в основном, новости, содержащиеся в газетах и разговорах. В отношении них важно сохранять чистоту ума. Стоит лишь допустить в свои мысли детали одного-единственного судебного дела, дать им проникнуть в наш *sanctum sanctorum** на час, на много часов! – и сокровеннейшая область разума превратится в распивочную, как если бы на мгновение вас заинтересовала уличная пыль, и сама улица с ее движением, суетой и грязью осквернила святыню ваших мыслей! Разве это не было бы

интеллектуальным самоубийством? С помощью всяких уловок и вывесок, грозящих нарушителям карой Господней, нам следует соблюдать чистоту и святость ума. Как трудно забыть то, что совершенно бесполезно помнить! Если мне суждено стать каналом или руслом, я предпочту, чтобы по нему протекали воды горных источников, а не городских сточных канав. Существует вдохновение, эта ведущаяся при дворе Бога беседа, достигающая чуткого слуха нашего ума; а есть нечестивое и затхлое откровение пивной и полицейского участка. Одно и то же ухо способно воспринимать и то и другое. И только характер человека определяет, какому источнику его слух будет открыт, а какому закрыт. Я верю, что ум может быть осквернен постоянным вниманием к вещам обыденным, так что и все наши мысли принимают оттенок обыденности. Они становятся пыльными, как камни мостовой. Самый ум наш становится похожим на мостовую, его основание разбивают на куски, по которым могут ездить экипажи. Уж если мы так себя осквернили, помочь делу можно лишь одним путем: осмотрительностью и осторожностью, желанием и сосредоточенностью вернуть уму его святость и превратить его в храм. Мы должны относиться к уму, как к невинному и бесхитростному ребенку, чьим опекуном мы являемся, и быть очень осторожными в выборе тем и предметов, на которые мы стараемся обратить его внимание. Даже научные факты могут засорить мозги, если каждое утро не стирать с них пыль этих фактов и не смачивать росой свежей и живой истины, чтобы заставить их плодоносить. Каждая мысль, приходящая нам в голову, изнашивает ум, пробивает в нем колеи, которые, как на улицах Помпеи, говорят о том, как много ими пользовались. Есть многое (решаем мы после длительного размышления), что стоит знать!⁴⁸ Рутину, условности, обычаи и т. д. – как незаметно развращает и обедняет ум преувеличенное внимание к ним, крадет у него простоту и силу, выхолащивает его!

- святая святых (лат.).

Мы получаем знание не по крупницам, но in Lieferungen*, ниспосланными нам богами. Что же оно, как не омовение и очищение? Условности – не лучше нечистот. Только та мысль, которую ум выражает в состоянии покоя, так сказать, лежа на спине и созерцая небеса, бывает выражена верно и полно. Что такое брошенные искоса полувзгляды, случайные и мимолетные? Писатель, формулирующий свою мысль, должен сидеть так же прочно, как астроном, созерцающий небеса; он не должен сидеть в неудобной позе. Факты, опыт – они придают нам равновесие, сосредоточивают внимание!

Чувства детей не опошлены. Все их тело – одно сплошное чувство. Им физически приятно съезжать по поручням, они любят кататься на качелях. Так и неискушенный, неиспорченный ум получает невыразимое удовольствие от простых упражнений мысли.

Я способен хорошо выразить только ту мысль, которую мне правит-ел выражать. При этом все способности находятся в покое, кроме одной; на ней сконцентрирована вся энергия. Пусть и вас ничто не отвлекает, мысли ваши будут в таком же порядке, дела так же немногочисленны, внимание так же свободно, жизнь ваша такая же земная, чтобы везде и всегда мы могли слышать песнь сверчка, когда ему положено петь. Если человек слышит этот звук – на улицах городов и в полях, – то это говорит о безмятежности и здоровье его ума. Некоторые люди не слышат этих звуков никогда – их называют глухими. Не потому ли это, что они слишком долго прислушивались к иным звукам?

19 июля. Вот мне и тридцать четыре года⁴⁹, а жизнь моя еще далеко не достигла расцвета. Как много заключено в завязи! Во многих отношениях между идеальной жизнью, как я ее представляю, и жизнью реальной такая пропасть, что можно сказать, я еще не родился. Я чувствую склонность к обществу, но самого общества еще нет. Жизнь недостаточно продолжительна, чтобы добиться чего-то одного. В следующие тридцать четыре года это чудо едва ли произойдет. Мне кажется, что времена года в моей жизни сменяют друг друга медленнее, чем в природе: я иначе устроен. Я вполне доволен. Почему быстрая смена явлений в природе, даже природы во мне самом, должна торопить меня? Пусть человек шагает под ту музыку, какая ему слышится, в каком бы ритме она ни звучала. Разве обязательно, чтобы я достиг полного роста в тот же срок, что и яблоня? Или дуб? Разве моя жизнь на природе не может быть лишь весной, периодом младенчества моего духа? Зачем мне превращать свою весну в лето? И разве я не в состоянии пожертвовать торопливой и мелкой завершенностью здесь ради совершенной полноты там? Если я двигаюсь по большой дуге, зачем сжимать ее до меньшего размера? Развитие моего духа не подчиняется законам природы. Общество, для которого я создан, еще не созрело. Что же мне делать – заменить представление о нем этой унылой реальностью? Я бы предпочел этой реальности ничем не замутненное ожидание его. Если жизнь – лишь ожидание, так тому и быть. Мне незачем разбиваться о действительность, пустую и бессмысленную. Какой действительностью могу я заменить ее? Зачем трудиться над возведением небесного купола из голубого стекла, если я все равно по-прежнему буду созерцать истинное небо, как будто купола вовсе нет, то далекое пространство высоко над головой, свод которого обрамляет голубое небесное око? Я влюблен в голубоглазый свод неба.

Не я требовал более глубокого чувства. Не я болен этой болезнью, нет у меня этой идиосинкразии. Тот, кто требовал этого, сам должен выполнить это требование.

Моя кровь течет медленно, как воды родного Маскетаквида, на берегах которого я родился, и все же они достигают океана быстрее, чем воды Нашуа.

Уже расцвел золотарник, но некогда пойти посмотреть на него.

- выпусками (нем.).

2 часа дня. Погода стоит сухая и теплая, многие листья свернулись. На юго-западе виднеется грозное облако. Фермеры не решаются раскидывать сено для просушки, и оно стоит в стогах. Когда идешь по лесу в эти дни, летящие насекомые ударяются о шляпу со звуком, похожим на звук дождевых капель. Изгороди из пней на углу Корнерроуд напоминают извлеченные из земли окаменелые останки мастодонтов, побелевшие под воздействием дождя и солнца. Сегодня видел первый оранжевый осенний цветок. Что значит этот жгучий, этот бенгальский оттенок? Желтый цвет уже вобрал в себя много солнца, но этот – результат самых жарких летних дней. Понадобится целый год, чтобы создать его. Расцвел бодяк полевой, на него садятся бабочки и пчелы. Последние дни бабочки летают роями, особенно вокруг растений, выделяющих млечный сок. Болотная жимолость еще наполняет своим ароматом воздух над болотами и вдоль дорог, хотя она уже начинает вянуть. Шиповник еще осыпает лепестки на листья соседних растений. Дикий вьюнок, или ипомея, – у него изящные алые и белые цветы. Он напоминает мне кубок,

наполненный чистейшим утренним воздухом, искрящимся от росы (он указывает на точку росы); вьется вокруг себя самого, когда нет другой опоры. Растет он на насыпи возле Хаббардова моста, рядом с дягилем. Посвистывая, пролетают мимо свиристели. Они очень быстро находят вишневые деревья. А за мостом начал цвести золотарник. Вчера была весна, завтра будет осень, а когда же лето? Сначала расцвел зверобой, теперь золотарник, напоминая нам о приближении осени. Я опять слышу, как поет сверчок где-то среди камней, между стеблей куманики, словно наступила осень. Все больше становится спелых ягод куманики. На тропинке видел крохотные красные точки ягод купены. Я заметил, что на сгнившем конце дубового бревна сохранились серебристые чешуйки коры, они держатся тонкими слоями, чередуясь с трухлявыми частями, так что бревно стало похоже на соты. Такой сугубо земной предмет, что даже ласточке приходится спускаться, чтобы сесть на него, – сухой стебель коровяка. Я вижу, что куры держатся рядом с пасущимися возле дома коровами, подобно коровьему трупялу и с той же самой целью. Им непросто отыскать для себя насекомых. Для коровьей птицы, охотящейся за насекомыми, корова – что-то. вроде собаки, поднимающей дичь. Я вижу пары желтых бабочек, которые гоняются друг за другом на высоте 15—30 футов. Вот одна, будто почуяв опасность стать добычей пролетающей птицы, зигзагами опускается на землю, и вторая следует за ней. На черничнике уже много черных ягод среди еще незрелых, и теперь не боишься, что они порченые.

Когда я подыскивал себе источник заработка – при этом печальный опыт неудач, постигших меня, когда я поступал по желанию друзей, еще не изгладившийся из моей памяти, удерживал меня от откровений, – я часто всерьез подумывал заняться сбором черники; я знал, что сумею это делать и что мне хватит этого скромного дохода: тут не нужно капитала и не придется, как я наивно думал, надолго отрываться от любимых мною занятий. Мои знакомцы без колебаний избирали торговлю ила свободные профессии, и я думал, что мой промысел такой же: все лето проводить на холмах, собирая ягоды, а потом сбывать их без хлопот – и таким образом пасти стада царя Адмета⁵⁰. Самым большим моим талантом всегда были малые потребности. Мечтал я также собирать лекарственные травы или продавать вечнозеленые растения тем поселянам, которые любят напоминание о лесах, и так зарабатывать себе на жизнь. Но с тех пор я узнал, что торговля налагает проклятие на все, к чему прикасается: хоть бы вы торговали посланиями небес, над вами тяготеет то же проклятие.

Ветер крепчает. Река и пруд чернее грозовой тучи на юге. Вдали глухо грохочет гром. Поверхность воды покрыта легкой рябью. Там, где растут водяные лилии, видна светло-зеленая полоса. Лес гудит. Белые облачка быстро перемещаются на фоне темно-синего неба. Гроза надвигается с юга, она захватила весь лес на горизонте. Но дождя все нет, вот уже несколько часов: облака словно рассеиваются, едва достигнув наших мест.. На кусте барбариса висит желтовато-зеленый плод. Какое прекрасное укрытие представляет собой этот густой куст, такой большой, широкий и развесистый! FringUla juncorun* все еще поет, несмотря на приближающуюся грозу, которая, может быть, только пугает.

Сурук – исконный обитатель этих мест. На склоне далекого холма, на пшеничных полях и выпасах виднеются желто-белые пятна свежей земли в тех местах, где он рыл норы; эти кучки земли сохраняются годами. Вот здесь, среди свежескошенного клевера, обнажился холмик земли – посмотри, какая она желтая!

На лугах тяжело склоняет голову обычная желтая лилия (*Lilium Canadense*). В густых зарослях ольхи вдоль насыпи я нашел *Lysimachia hybrida***. А вот и *Lactuca sanguinea**** с его изрезанными листьями, высоким чьеблем и бледно-малиновым ободком. А то растение с зеленым стеблем, выше моего роста, напоминающее последнее листьями, возможно, высокий латук, или кипрей. Красивое растение с белыми цветами и листьями такой формы – может быть, это василистник?

- Вьюрок (лат.).

**Вербейник гибридный (лат.).

***Молокан красный (лат.).

17 авг. День или два было довольно прохладно. Прохлада чувствовалась даже утром, когда я сидел в тонком сюртуке перед открытым окном, выходящим на запад. Но в этот час, естественно, хочется посидеть на солнышке. Однако прохлада помогала сосредоточиться. Поскольку я не мог устроиться возле открытого окна на солнечной стороне, я вышел из дома утром 15-го и лежал в поле в своем тонком сюртуке, хотя было довольно прохладно. У меня такое чувство, что эта прохлада мне полезна. Если бы она придала моему существованию больше задумчивости! Почему задумчивость должна быть сродни грусти? Бывает особая, благодатная грусть, которой я не стал бы противиться, но, напротив, стремился бы к ней. Мне она определенно кажется радостной. Она спасает мою жизнь от обыденности, и жизнь моя обретает более глубокое течение: это уже не шумный мелководный поток, превратившийся от летней жары в ручеек. Благодаря прохладе выпадает роса и воздух становится чище. Тишина кажется более глубокой и значительной. Каждый звук в природе, похоже, рождается из большой задумчивости, словно природа обрела характер и ум. Сверчок, бурлящий поток, ветер, сгибающий деревья, – все это сдержанно, но радостно говорит мне о постоянном поступательном движении вселенной. Мое сердце замирает, когда я слышу завывание ветра в лесу. Я, чья жизнь еще вчера была столь ничтожна и бесцельна, вдруг снова прихожу в хорошее расположение духа, восстанавливаю свой душевный покой, – и все это благодаря слуху. В тихий пасмурный день я наблюдал, как пел щегол, и это напоминало мне гомон птичьих стай, которые скоро возвестят наступление задумчивой поры. Эх, если бы я только мог жить так, чтобы во всей жизни моей не было ни единой бесцельно потраченной минуты! Чтобы в положенное время, когда созревают первые плоды, мои плоды созревали бы тоже! Если бы я мог сделать так, чтобы природа всегда соответствовала моему настроению, чтобы в каждое время, года, когда расцветает какая-то часть природы, обязательно расцветала бы и соответствующая часть меня! Эх, я бы гулял, сидел бы и спал, испытывая чувство благоговения перед природой! Если бы я только мог молиться – вслух или про себя, – когда брожу вдоль ручья, молиться так же радостно, как поют птицы! Я, кажется, обнял бы землю от радости; меня радует, что я буду в ней похоронен. Л потом думать о тех, кого я люблю, кто будет знать, что я его люблю, хотя я этого и не открою! Иногда мне кажется, что меня вознаградили просто за то, что я с надеждой ожидал лучших времен. Я не переставал надеяться на лучшее, и вот сейчас у меня есть основание исполниться благодарности за тот поток жизни, который захватил меня. Я не так уж беден, я могу ощущать запах спелых яблок, а осенние цветы, *Trichostema dichotomum*, – не только ярко-синие цветы над песком, но и сильный

полынный аромат, характерный для этого времени года, – укрепляют мой дух, вселяют любовь к земле, заставляют ценить себя и радоваться жизни; взмахи голубиных крыльев напоминают мне о плотной ткани воздуха, которую они разрезают. Слава тебе, Господи! Я не заслуживаю ничего, не стою твоего внимания, и все же я создан, чтобы радоваться. Я нечист и ничтожен, но мир украшен на радость мне, для меня уготованы праздники, и путь мой усыпан цветами. Но невозможно благодарить Дающего; я не могу даже шепотом сказать спасибо друзьям, которые у меня есть среди людей. Мне кажется, я вознагражден больше за свои надежды, чем за то, что я сделал или смогу сделать. Нет, ни за что на свете я не раздавил бы сверчка, чья песня – откровение, ласкающее и радующее слух. О, сохрани мои чувства в чистоте! Зачем мне говорить с друзьями? Ведь я так редко бываю самим собой, а значит, и они – не они? Значит, мы встретимся далеко отсюда. Летние семена высыхают и падают из тысяч кивающих головок. Не доведись мне знать тебя в трудные времена, как бы вообще я риал тебя? Да, даже ручьи кажутся богаче отражениями, чем раньше. О, какие это интригующие, пророческие предложения! Самое мелкое из них – в то же время и самое непостижимое. Как можно измерить глубину в том месте, где человек смотрится в воду и видит свое отражение? Из ручейка, у которого я остановился напиться воды, я выпил больше, чем хотел. Я утолил жажду и в то же время возбудил жажду более высокую. Было это у ручья Нат-Медоу в том месте, где он пересекает дорогу за домом Дженни Дуган. Я выпил воды не зря. У того ручья я словно проглотил водяную змею, которая живет теперь в моих внутренностях. Я проглотил нечто важное. День мне кажется совсем другим, чем до того, как я наклонился выпить воды. О-о, этот глоток я надолго запомню. Я его сделал не напрасно: я проглотил наконечник стрелы. А вода эта течет оттуда, где берут начало все источники.

Сколько же я проглотил икринок? Кто знает, что во мне теперь вылупится? В той воде, мне кажется, плавали семена мысли, которые сейчас набухают во мне. Человек, не готовый к тому, чтобы вся природа возродилась в нем вновь, не должен пить из рек и проточных вод, чтобы не вскормить чудовищ. Змея, живущая у меня внутри, поднимает голову при звуке текущей воды. Когда же это я проглотил ее? Наконец я избавился от змеи, жившей у меня внутри с тех пор, как я однажды выпил застойной воды. Я схватил ее за горло и вытащил, после чего прекрасно провел день. Разве нельзя избавиться от змеи, которую вы проглотили в юности, когда бездумно нагнулись и выпили стоячей воды? С тех пор она мешает вам и во сне и наяву; она завладела жизнью, которая некогда принадлежала вам. Неужели она не высунет голову при звуке текущей воды? Смело хватайте ее за горло и тяните, хоть вам и будет казаться, что хвост ее скрутил ваши жизненно важные органы.

Фермеры только закончили уборку сена (сегодня воскресенье). Те, у кого поспел ранний картофель, по-видимому, уже выкапывают его или делают другую работу, отложенную из-за сенокоса. Последние полтора-два месяца фермеры только тем и занимаются, что дочиста выкашивают поля и луга. И это делается повсюду. По всей стране люди проходят бритвой по щекам природы. Этот тринадцатый подвиг, наверное, оказался бы не под силу Гераклу: он бы изрядно попотел, работая косой с утра до ночи. Я знал юношу, который надорвался на этой работе. Во время сенокоса иные зарабатывают вдвое больше обычного, и с ними заключают договоры уже с весны. Выкосить наголо все поля и луга Новой Англии! Если бы это делалось лишь однажды, а не каждый год, нам бы не уставали твердить об этом подвиге; для каждого фермера он был бы значительнее перехода Бонапарта через

Симплонский перевал. А где о нем пишут, кроме правдивого Фермерского альманаха⁵²? Если вы полагаете, что эта работа не требует особых усилий, спросите, где делают и продают лезвия для кос, а заодно и ружья. В косьбе есть нечто сходное с войной – в орудиях и в приемах. Чтобы завоевать Мексику, понадобилось меньше напряжения и подлинного мужества, чем нужно для одного сенокоса в Новой Англии. Мексику завоевали лентяи, те, кто сбежал, отлынивая от косьбы в Новой Англии. Мексиканцев скосили с большей легкостью, чем летние травы на многих фермерских угодьях. Неужели жители Новой Англии не способны на достойную работу? Косьба – дело неподходящее для морских пехотинцев и для дезертиров, для так называемых войск США или для курсантов Вест-Пойнта⁵³. Скорее всего, она бы их подкосила и они бы дезертировали. А разве они не дезертировали и не сбежали в Вест-Пойнт? Для косца каждое поле – поле боя. Он с яростью набрасывается на врага, и целые ряды убитых покрывают землю в течение лета. На заре и в сумерки фермер идет вперед, вооруженный грозной косой, оружием времени, косой Времени, и завоевывает землю дюйм за дюймом. Косьба – летняя кампания, и будь мы народом более поэтическим, мы бы трубили в рога в честь ее окончания. Можно было бы даже отмечать День косца. Мирные битвы Новой Англии! В битве при Банкер-хилле участвовали люди, которые стояли у ограды, за валками скошенного сена. Они и сейчас еще не покинули поля. Они все еще стоят там. Только они и не отступили.

Polygala sanguinea, или рано сбрасывающий листья истод, с красными и фиолетовыми цветами. Растет в сырых местах. Одуванчики все еще цветут и люпин тоже – необычно поздно.

Сегодня ходил на Тарбеллово болото – через второй участок – и вышел на Мальборо-роуд.

Целый день собирался дождь, было облачно, тихо и довольно прохладно, время от времени падало несколько капель, но дождь так и не пошел. Пейзаж приобрел неяркий, осенний вид. На мою шляпу упало несколько капель дождя. Надел теплые пальто. Птицы, похоже, знают, что сейчас дождя еще не будет. Ласточки-вилохвостки летают очень низко над землей; я слышу их щебет, когда они стремглав проносятся мимо меня, словно я специально для них вспугнул насекомых. Видел место, где белка ела орех на пне.

Тарбеллово болото заросло низкими, ровными и густыми кустами *Andromeda calyculata*, или карликовой андромеды, которая цветет ранней весной. Тут и там среди них можно видеть водяную (?) андромеду; растут здесь также сосна болотная, береза, ольха обыкновенная (*Alnus serrulata*), а в отдельных низких местах – клюква; можно, наверное, найти и *Rhodora Canadensis**.

Ягоды *Viburnum dentatum*** сейчас приобрели свинцовый оттенок. Клевер и индигоноска все еще цветут вдоль сухих лесных тропинок, а также норвежская лапчатка. На Мальборо-роуд в густом лесу я по запаху нашел дикую яблоню; ствол у нее четырех дюймов в диаметре, ветви опущены или расходятся лучами во все стороны, плоды белые, чистые, самые спелые из них желтоватого цвета, с приятной кислинкой. Земля там была усыпана яблоками. В таком густом лесу редко попадаются дикие яблони с ранними плодами. Они были очень хороши на вкус. Один из самых прекрасных плодов. Под кожицей зеленые пятнышки.

Prenanthes alba, или косогорник белоцветный, с его странной алебардой и листьями разной формы; неоттия и зверобой.

- Рододендрон канадский (лат.).

**Калина зубчатая (лат.).

11 часов вечера. Я слышу, как льет дождь, смачивая траву и листья. Он был так нужен дыням. Листья у них свернулись, плодам не хватало воды.

В прохладное время года мне меньше хочется спать. Я бодрствую, и день для меня длится круглый год.

Косцы закончили работу, но я не слышу ни бахвальства, ни стрельбы из пушек, ни колокольного звона. Они празднуют это событие иначе: берутся за дела, отложенные до окончания сенокоса. Если бы с таким же упорством и доблестью делать еще более достойное дело!!

Все человеческие занятия, все профессии и ремесла по-своему привлекательны. Я знал парнишку, который, попробовав сидра у одного священника, решил сам стать священником и делать сидр; совсем еще мальчишка, он не подумал о том, как мало интересного в жизни священника, и был готов получить желаемое любой ценой. На днях, когда я смотрел на плотников, чинивших Хаббардов мост, – их верстак стоял на свежем настиле, который они положили над водой, и никакие перила не мешали им обозревать окрестности, – я чуть было не решил стать плотником и работать на починке мостов и таким образом обеспечить себе приятное рабочее место. У одного из рабочих в руках была леска, которую он перекинул через бревно и время от времени поглядывал на нее.

Джон Поттер сказал мне, что этим изгородям из выкорчеванных пней на углу Корнер-роуд по крайней мере лет шестьдесят – семьдесят*. Иногда я вижу щеглов, живущих поодиночке.

19 авг. После полудня. Ходил на Мальборо-роуд через Клемшельский холм, мимо дома Дженни Дуган, Круглый пруд, Кану-берч-роуд (дома дьякона Дейкинза) и Белый пруд.

Как многое удерживает человека дома, мешает ему отдаться своей склонности к бродяжничеству! Если я хочу пройти сотню миль, я должен нести с собой палатку для ночевки или на случай дождя или, по крайней мере, теплое пальто на случай непогоды. Таким образом, нужна некоторая решимость, а также силы и предусмотрительность, чтобы предпринять даже небольшое путешествие. Человек передвигается не так легко, как совершают свои перелеты птицы. Он не везде чувствует себя дома, в отличие от мух. Когда я размышляю над тем, сколько вещей я смогу нести, не испытывая при этом большого неудобства, я обычно прихожу к мысли, что удобнее всего оставаться дома. Итак, мой дом – в определенном смысле место, где я держу теплое пальто, палатку, книги, которые не могу унести, место, где я могу рассчитывать увидеть своих друзей и где, наконец, я, даже я, основал свое дело. Но это последнее обстоятельство в моем случае – наименее существенное определение дома.

Поэту надлежит постоянно наблюдать за сменой настроений ума, подобно тому как астроном наблюдает за звездным небом. От долгой жизни, проведенной в столь упорных трудах, можно ожидать многого. Самый скромный наблюдатель когда-нибудь обязательно увидит падающие звезды. Скрупулезное описание – это описание объективным пером мыслей, которые посетили чей-то ум за семьдесят лет, равно как и запись количества и вида экипажей, прошедших через определенную точку. Путешественники огибают земной шар и затем рассказывают об увиденных ими природных объектах и явлениях; но кто-то остается дома – пусть и он расскажет о явлениях своей собственной жизни, пусть составит каталог звезд – тех мыслей, чьи орбиты вычисляются так же редко, как и орбиты комет. Неважно, приходят ли они в голову мне или вам, падает ли метеор на мое или на ваше поле, – важно то, что он падает с неба. (Я не собираюсь выражать ту истину, которую выразила Природа. Кто знает, быть может, и я кое-что подскажу ей? Некогда она получала такие советы из другой сферы, как показывает ее современное развитие. Я имею дело с истинами, которые открываются мне, с которыми мне угодно иметь дело, а не с теми, которые решила признать какая-то политическая система.) Метеорологический дневник ума. Вы будете наблюдать, что происходит в ваших широтах, а я – в своих.

- Некоторые из них были выкорчеваны из болота за домом Абиеля Уиллера. Старая жена Поттера говорила мне, что не может вспомнить того времени, когда их там не было.

Некоторые институты – большинство институтов – имели божественное происхождение. Но от большинства из тех, что существуют в обществе сейчас, осталась лишь форма, оболочка, а жизнь ушла; в них нет ничего божественного. Вот тогда появляется реформатор, готовый вернуть им жизнь. Но что бы он ни делал – сам или с помощью других, – все сводится к одному: вернуть им прежний или похожий на прежний божественный характер. Но некоторые люди, никогда не задумывавшиеся над значением этих инстинктов, в результате какого-то ложного другого инстинкта цепляются за пустую оболочку. Те, кто не имеют ни малейшего представления о божественном, объявляют себя защитниками божественного, вроде наших сторонников церкви, и так далее. Я был поражен, когда увидел, как долго люди могут слушать человека, который не знает ровным счетом ничего о предмете, скажем о религии; как некто, начисто лишенный слуха, отнимал время у собравшейся в музыкальном салоне аудитории, излагая свои взгляды на музыку. Сей молодой человек, один из столпов некоего института божественного происхождения, – знает ли он, сколько на себя взял? Если бы святые вернулись на землю, пустил бы он их в свой дом? Удостоил бы своего одобрения? *Ne suttor ultra crepidam**. Тот, кто наделен лишь одной способностью – вести дела, всегда стремится высказать свое мнение. Дело о праведности Христа рассматривает римский воин⁵⁴. Человечество вскоре осознаёт подобные ошибки, но они совершаются каждый день. Недалекие и трусливые фермеры склонны держаться обычаев своих отцов. Ведь жить им осталось не так уж много, говорят они, и пусть не тревожат их сон; блаженны миротворцы; пусть чаша сия минует меня, и так далее.

Бесполезно садиться писать, если ты не имел мужества стоять на своем и жить! Мне думается, стоит ногам начать двигаться, как к голове начинают приливать мысли, будто дал волю потоку, устремившемуся к голове. Начинают бить сотни родников, которые берут начало у истоков мысли, и обогащают мой ум. Нужно увеличить поток внизу, говорят

владельцы лугов вдоль реки Конкорд, при этом они имеют в виду дамбу у Биллерики. У нас хорошее кровообращение только тогда, когда мы в движении. Труды, написанные в результате сидячей жизни, представляют собой нечто механическое, безжизненное, и читать их скучно.

Трава высоко на пастбищах высохла и превратилась в сено. Времена года не прекращают ни на минуту свое круговращение, поэтому Природа отдыхает в точке апогея не дольше, чем в какой-нибудь другой. Если вы не выйдете на свежий воздух в нужный момент, лето может пройти, а вы и не увидите его. Как много времени занимают весна и осень! И сколь краток тот промежуток, который можно назвать летом! Трава только выросла и уже начинает жухнуть. Природа сама очень страдает от засухи. Кажется, она потратила все силы, чтобы дать этим хлебам вызреть.

Самый невнимательный человек, гуляя, способен понять, как зародилась геология. Округлые склоны удаленных от моря холмов и мысов с такой очевидностью свидетельствуют о воздействии воды, словно эта работа завершилась лишь вчера. Он замечает это краем глаза во время прогулки и вновь забывает эти мысли. И еще: равнины прерий и луга более позднего происхождения, морские раковины, которые находят на вершинах гор. Геологи тщательно и упорно исследуют все эти свидетельства и создают свои тонко разработанные теории.

- Пусть сапожник судит не выше сапога (лат.).

Сейчас развелось очень много щеглов, хотя летают они поодиночке.

Что, если бы человек всерьез решил вспомнить и сохранить мысли, которые ему приходили в голову, и сделал бы это разумно? А как многих из них сейчас уже не вернуть! Вот и приходится призывать на помощь соседей.

Мне не нравится, когда названия штатов дают птицам, цветам, встречающимся в каждом из них, к примеру мэрилендский соловей, и так далее и так далее. Слова *Canadenses* и *Virginicas* все-таки большей частью приемлемы, поскольку, по крайней мере, имеют исторические и природные причины на существование. Некоторые растения произрастают только в Канаде, но гораздо большее их число распространено к югу от нее. А Виргиния, как называлось первоначально все атлантическое побережье, имеет некоторое право представлять Юг.

Плоды восковника у ручья Нат-Медоу уже желтовато-зеленые, но еще не маслянистые на ощупь.

Я пока еще не нашел специального названия для небольших наростов на дубе, с красными полосками и пятнышками.

Сейчас пойду за красивыми красными коробочками, или стручками *Hypericum Canadense**.

Вдоль Мальборо-роуд готовится расцвести белый золотарник.

Синицы и сойки поют без умолку. Пение сверчка не слишком приятно для слуха. Его нелегко увидеть.

Я чувствую, что мои знания становятся год от года все более четкими и научными, а поле зрения, широкое, как небесный свод, сузилось до пределов видимости микроскопа. Я вижу детали, но не целое или тень целого. Я считаю части и говорю: Я знаю. Сейчас сухой воздух над полями возле сосновых лесов наполнен стрекотанием сверчков.

Сегодня мы сняли первый арбуз. У Мальборо-роуд видел покрытые многочисленными прожилками листья *Neottia pubescens*, или гудайеры пушистой. Мне очень нравится это последнее название, хотя человека скучного или любителя софизмов нелегко было бы убедить в его точности**. Нам нужно название, которое выразило бы загадочный характер его удивительных листьев. Такой рисунок, которому люди подражают в вышивках, неизъяснимо приятен для глаз, как будто он отвечает своему назначению только тогда, когда попадет на глаза человеку. Лист, покрытый сеткой прожилок и видимый лишь с одной стороны, неприметные мелочи, заставляющие нас остановиться во время прогулки по лесу, пленяют наш взгляд.

На откосе дороги, в осыпающемся песке нашел пчелиное или осиное гнездо диаметром четыре дюйма. Оно словно слеплено из чешуек, сделанных из оберточной бумаги в полоску. Неужели человек сперва изобрел бумагу, а затем обнаружил, что нечто подобное делают осы, а не позаимствовал у них эту идею?

Бумажные березы вдоль дороги к ферме Дейкинза. Береста ободрана, кора омертвела и отделяется от ствола; растет новая кора.

На купене уже есть плоды – ягоды, все в мелких красных точечках.

Я знаю одно необычное имя, очень удачно выбранное, – Бастер Кендал. Возле озер и рек воздух напоен ароматом клетры. Трава в низинах, которые зимой затопляются, короткая, густая и все еще зеленая; тут и там видны пучки травы, как будто их выщипали коровы.

Маленький лохматый подсолнух на обочине дороги между бумажной березой и Белым прудом – *Helianthus divahcatus*.

- Зверобой канадский (лат.).

** Гудайера пушистая – rattlesnake-plantain (буке, гремучая змея + подорожник).

6 сент. На днях встретил Сэма Х.58, который шел по железнодорожной колее между станцией и проселочной дорогой. Это что-то новое: раньше я не видел, чтобы он проходил там, хотя по железной дороге можно намного сократить путь. Потом мне пришло в голову, что я вообще не встречал м-ра Х. на железнодорожном пути, а ходит он каждый день; более того, он такой педант, что даже представить себе невозможно, чтобы он шел по полотну. Так люди сами готовят для себя смиренные рубашки. Он не смог бы сделать ничего такого, что не было бы санкционировано давней традицией, а поскольку люди на своих сходах испокон веку голосовали за то, чтобы ходить по общественным дорогам, он этого

неизменно и придерживается. Наверняка он считает неподобающим для себя, а то и просто неприличным ходить по железнодорожному пути, к тому же это запрещено железнодорожными компаниями! Я уверен, что он шел не по железнодорожному полотну, а лишь по тому пути, который проложили до него тысячи пионеров. Я остановился посмотреть, что он будет дальше делать. Он свернул с полотна прямо на проселочную дорогу и продолжал свой путь. Проходящий мимо поезд никогда не застигнет его на дороге. Какую часть жизни люди тратят на то, чтобы поддержать общественные институты и внушить к ним уважение. Они-то и платят самые большие налоги. По-видимому, некоторые из наших бесценных институтов держатся лишь благодаря чрезвычайным усилиям некоторых добровольцев-спартанцев. Всегда можно найти людей – особенно среди тех, кого породили теперешние наши институты, – обладающих врожденным инстинктом понимать их. Они, по сути дела, живут за счет денег, которые для этой цели собирает общество, или получают пособие, и жизнь их кажется синекурой – но не является таковой. Неписанные законы – самые строгие правила. А они требуют, чтобы эти люди носили определенную одежду. Сколько у нас развелось господ, чье единственное занятие – а это далеко не синекура – состоит в том, чтобы удерживать свой высокий пост и одновременно поддерживать незыблемость многочисленных институтов, без которых нам просто не обойтись!

Применение в пищу многих дикорастущих растений, о чем пишут ботаники, например, Кальм из Кап-оз-Уэкса на реке Святого Лаврентия, а именно, подорожника, ночной фиалки, растущей по берегам рек, восковника и так далее, и тому подобное, поначалу заставляет нас почувствовать себя несколько обделенными, потому что мы никогда их не ели, но в действительности открывает нам наши исключительные возможности и показывает, до каких крайностей может довести человека голод. Никто ведь не будет выкапывать эти растения на морском берегу, если он живет так же хорошо, как мы.

1 окт. 5 часов дня. Только что посадил в поезд, идущий в Канаду, беглого раба, который взял себе имя Генри Уильяме. Он бежал из Стэффордского графства, штат Виргиния, в Бостон в октябре прошлого года, а последнее время скрывался на ферме Шадраха близ корн-хиллской харчевни. Через посредника он писал своему хозяину, который является его отцом, прося о выкупе. Хозяин запрашивал шестьсот долларов, он же смог достать лишь пятьсот. Слышал о том, что есть судебные предписания на поимку двух Уильямсов, беглых рабов. Его знакомые – один слуга, как и он, другой – человек, у которого он работал, – сообщили ему, что в его отсутствие о нем спрашивали Огерхоул Бернс и еще кто-то из полиции. Вчера вечером он отправился в Конкорд пешком и принес письмо, адресованное нашей семье от м-ра Лавджоя из Кембриджа, и еще одно, которое раньше по какому-то случаю дал ему Гаррисон. Он жил у нас, пока мы собирали деньги, чтобы можно было переправить его дальше. Я собирался отправить его через Берлингтон, но когда пошел покупать билет, увидел на станции типа, похожего на полицейского из Бостона, и не решился. Очень умный, приятный человек, мулат.

Делать жгут из прутьев – целое искусство: нужно не только выбрать подходящий материал, но и уметь скрутить его. Берзовые прутья скручивают, думаю, для того, чтобы они не ломались. А может быть, это делают просто так?

Беглый раб сказал, что может держать путь не только по Полярной звезде, но и по многим другим звездам, время восхода и захода которых он знал. Они держались Полярной звезды даже тогда, когда она, казалось, меняла свое положение и словно перемещалась на юг. Часто они шли вдоль линии телеграфных столбов, если поблизости не было железной дороги. Рабы привезли с собой из Африки много суеверий: беглецы иногда кладут в шапки кусочки торфа, считая, что от этого зависит успех их предприятия.

За последние дни деревья оделись в осенний наряд. Это самая праздничная пора, когда даже листья яркой окраской напоминают цветы. Теперь самое время для ежегодного праздника – сельскохозяйственной ярмарки.

При свете свечи. Ходил к Конантуму.

Луна еще ущербная. Сумерки сейчас короче, чем месяц тому назад, возможно потому, что воздух чище и в нем меньше частиц, отражающих свет. Воздух прохладен, и идти по земле холодно; идешь, словно по росистой траве, хотя росы сейчас нет. В сумерках шел по кукурузному полю Уиллера. Стебли кажутся совсем белыми, а початки свалены в кучи по краям поля. Луна стоит невысоко над горизонтом, на юго-западе. Если в этот час смотреть на запад, земля покажется сплошным темным фоном, на котором ничего невозможно различить, резким контрастом к закатному небу. Впечатление такое, словно идешь по горло в ночи. Не чувствуется ни малейшего ветерка. Дуб на выпасе, принадлежащем Хаббарду, стоит абсолютно недвижно, темнея на фоне неба. В эту нору пение сверчков доносится как бы издалека, словно они ушли поглубже в землю, спасаясь от холода. В ольховнике вдоль насыпи сверчков почти не слышно. Лунное отражение в воде кажется холоднее; но жуки-водомеры все еще активны. Эта моя прогулка при луне очень не похожа на предыдущую. Я чувствую приятную теплоту, когда подхожу с южной стороны к сухому лесу: он задерживает прохладный воздух и в то же время сохраняет часть дневного тепла. Голоса путников на дороге разносятся далеко над полями, их слышно даже у дома Конан-тума. Звезды сияют ярче прежнего. Луна находится далеко на западе, поэтому не видно ее отражения в водах реки возле скалы Тьюпело, но в воде отражаются звезды. Река похожа на черное зеркало, на котором слабо колышутся яркие точки. Когда я сижу на бурых скалах на берегу, то чувствую запах сбитой конской мяты, хотя и не вижу ее. Под влажной скалой видел светлячка. Сегодня вечером не слышно голоса козодоя, да и голоса других птиц почти не слышны. В восемь часов пал туман. В свете низко висящего месяца он похож на паутину или тонкие белые покрывала, раскинутые по земле. Это мечты или грезы луга.

Вторая поросль желтой сосны, по-видимому, мягче и красивее, чем бывает в девственном лесу. Девственный лес с голыми, покрытыми мхом стволами деревьев и мохнатыми ветвями гораздо более величествен, но в нем нет столько зеленой хвои, дрожащей на свету.

Вязы сейчас большей частью грязно-желтого или коричневого цвета.

1852 ГОД

28 янв. Вероятно, мне не найти лучшего обрамления для моих мыслей, если изъять их из дневника⁵⁶. Хрусталь сверкает ярче всего в пещере. Люди всегда любили басни с моралью. Дети могли читать только басню, взрослые – и то и другое. Истина, высказанная в такой форме, убедительнее самого абстрактного утверждения, поскольку она при этом не менее универсальна. Где еще найти подходящий цемент для своих мыслей? Как соединить их вместе, не оставляя следов пилы? Вот Плутарх так не делал. И Монтень тоже. Люди писали о путешествиях, используя эту форму, но вряд ли жизнь у кого-нибудь столь богата событиями, чтобы каждый день описывать ее в дневнике.

Наша жизнь должна быть активной и все время обновляться, чтобы походить на путешествие. Пищей нам должны служить маисовые лепешки и мучной пудинг. Мы должны быть все время начеку, видеть, как восходит солнце, а не вставать в привычное для всех время, входить в дом так, как хан входит в караван-сарай. В полдень я не обедал, съел только маисовую лепешку и утолил жажду из ручья. Когда я сидел за столом, радушие было столь полным, трапеза столь обильной, что казалось, будто я завтракаю на берегу реки в середине трудного пути. Вода была живым источником, трава – салфеткой, разговор – свободным, как ветер, а слугами, готовыми угождать нам, были наши простые желания.

Выкиньте мораль из басен Пилпая⁵⁷ и Эзопа, и что останется?

Больше не будет прогулок по лесным просекам, откуда иногда открывается вид на пруд.

Размышляя над тем, как честно заработать на жизнь и при этом не лишиться себя свободы для своего истинного призвания, – раньше этот вопрос тревожил меня еще больше, чем сейчас, – я часто поглядывал на большой ларь у железнодорожного полотна, шесть футов на три, куда рабочие убрали на ночь свой инструмент, и думал, что каждый, кому приходится туго, мог бы приобрести за доллар такой ящик, просверлить в нем несколько отверстий для воздуха и забираться туда в дождь и ночью; стоит захлопнуть за собой крышку и закрыть ее на крючок, чтобы свободу мысли обрести и дух освободить. Это казалось мне далеко не худшей из возможностей, и ею не следовало пренебрегать. Можешь ложиться спать, когда вздумается, а выходя утром, не бояться, что кредитор потребует с тебя квартирную плату. Зачем ставить себя в трудное положение? А сколько людей укорачивают себе жизнь, чтобы платить за больший и более роскошный ящик, а ведь они не замерзли бы и в таком. Не хотел бы я оказаться в таком незавидном положении, в какое попали сейчас многие люди.

Если вы понимаете под тяжелыми временами не такое время, когда нет хлеба, но такое, когда нет пирогов, то мне вас нисколько не жаль.

Экономические вопросы допускают легкомысленное к себе отношение, но шутками от них не отделаешься.

Почему вы не надеваете комбинезон? – Но это все, что у меня есть. Я надеваю его и наверх и вниз.

Сегодня мне показали Джонни Риордана. В такой холод он ходит в одной рубашонке, поверх которой надета какая-то старая тряпка; в башмаках у него огромные дыры, в которые, по

его словам, попадает снег, пальто вовсе нет – и так ему приходится ходить каждый день пешком в школу около мили по открытой всем ветрам железнодорожной насыпи. Одежда его, в бесчисленных заплатках, ведет свое происхождение, или претендует на родство, или некогда составляла одно целое с моими штанами, которые сели так, будто его мать укрывала ими чайник для заварки. Это маленькое человеческое существо – хрупкая игрушка судеб, брошенная в холодный и равнодушный мир, а наготу его прикрывает лишь рваная тряпица. Лучше услышать, что все первенцы Америки перебиты, чем знать, что у него мерзнут руки и ноги, в то время как мне тепло. Неужели человек настолько ничтожен, что не достоин носить ничего лучшего, чем одежда из мешковины или тряпья, и не заслуживает лучшей еды, чем холодные объедки, которые ему бросают? Есть ли такие люди, которым мы оставляем наши обноски, отдаем старое платье и башмаки, когда они больше не могут служить нам самим? Пусть уж лучше богачи ходят в лохмотьях, а дети бедняков носят пурпур и тонкое белье. Меня охватывает дрожь, когда я думаю о судьбе невинных детей. Наши благотворительные учреждения – оскорбление для человечества. Что это за благотворительность, которая раздает крошки с ломящихся от яств столов, оставшихся после ее пиров!

3 часа пополудни. Шел кружным путем через Таттл-роуд и Уолден-ский пруд.

В эти теплые дни кажется, что дело у лесоруба спорится быстрее, чем тогда, когда сок в деревьях схвачен морозом, хоть колоть и труднее. Лесоруб чувствует любые перемены погоды и по-своему приветствует их. Нам нужно больше интересоваться жизнью лесоруба, его опытом и привычками. То, что происходит с ним – больше, чем с кем-нибудь другим, – знаменует собой этапы зимнего дня. Теперь, когда индейцы истреблены, ближе всего к природе стоит он. А написал ли кто-нибудь историю его дня? Да-а, как еще далек тот, кто пишет книги, от человека, возможно, его товарища по детским играм, который рубит в лесу деревья. Между ними пролегли века. Гомер говорит, что по успехам лесоруба можно судить о времени суток в долине Трои. Из этих слов обычно делают вывод о том, что он жил в более примитивном человеческом обществе, чем нынешнее. Но я думаю, что это неверно. Вещи подобные сходны во все времена, и тот факт, что я сам нахожу удовольствие в описании именно такого мирного, простого труда, которому нет конца; тот факт, что сам контраст обычно привлекает живущего в условиях цивилизации поэта к тому, что кажется наиболее грубым и примитивным в его современниках, – все это говорит, скорее, о некотором расстоянии, разделяющем поэта и лесоруба, о чьем труде он пишет, чем о необычной близости к нему, – по принципу: вблизи изъяны виднее. К Гомеру следует подходить с иной критической меркой, чем до сих пор делалось.

Глубже всего понимает поэта и получает от его произведений наибольшее удовольствие тот читатель, который сам ведет во многом такой же образ жизни, как и поэт.

Вокруг Бристерова источника еще зеленеет трава и папоротник, виднеющийся из-под снега. В воде уже пророс аронник, и в его покрывале я различаю розоватый початок цветов размером с горошину.

Плохо, что у нас не учат детей различать цвета. Я сам не знаю названий многих.

АЕТ. 34

1 февр. Когда мне говорят, что друг, в котором я был совершенно уверен, отзывался обо мне не то чтобы в холодно-сдержанных выражениях, но с холодным и безразличным видом, я воспринимаю это как настоящее предательство – худшее из преступлений против человечества. Друг может сколько угодно подозревать меня, его подозрения, скорее всего, выражают не что иное, как веру и надежду, но высказывать их вслух – это уже бессердечно.

Если я не был счастлив в друзьях, так это потому, что требовал от них гораздо большего и не довольствовался тем, что мог получить, и не получал больше отчасти потому, что сам давал так мало.

Я, должно быть, кажусь тупым тем, кто оценивает мои действия, не зная их мотивов.

В то время как мы проповедуем покорность законам человеческим и тем Божественным законам, которые запечатлены в Новом завете, мы не проповедуем естественных законов таланта, любви и дружбы и не настаиваем на необходимости им следовать. Как много кажущихся жестокостей можно объяснить тем, что сердце человека исполнено любви! Как много отчаянных, на первый взгляд, поступков, даже эгоизм можно объяснить тем, что человек повинуетя Божественным законам! Очевидно, что в роли покупателей или продавцов мы лодчиняемся совсем другим законам, чем в роли любовников и друзей. Индуса не следует судить, исходя из христианских представлений, а христианина – исходя из представлений индуизма. Сколько преданности закону, который не все понимают, сколько душевной щедрости может быть напрасно истрачено на человечество! Это равносильно метанию бисера перед свиньями! Герой следует своему закону, христианин – своему, любовник и друг – своим. Все эти законы в какой-то степени различаются. Как трагичны отношения двух друзей, один из которых повинуетя кодексу дружбы, а другой – кодексу филантропии! Так же, как различны наши организмы, фигуры, таланты, различаются и наши критерии, и мы послушны разным законам. Мой сосед понапрасну тратит силы, призывая меня быть таким же доброжелательным, как он сам. Мне следует быть таким доброжелательным, каким меня сотворила природа, будь я язычником или христианином. Трудно следовать сразу законам всех. Христианин так же следует моральному закону язычника, как и язычник – закону христианина. Маловерный надеется на воздаяние в ином мире; разуверившись в этом, он и ведет себя соответствующим образом. Другой считает настоящее достойной для себя ареной, идет ради него на жертвы и рассчитывает услышать слова одобрения. Человек, уверовавший в мир иной и потерявший веру в этот, обычно вызывает у меня неприязнь к христианской вере. Для него важнее загробный мир, чем настоящее мгновение, когда мы ведем с ним разговор. Полагают, что чем меньше мы знаем, тем больше надеемся. Все это несбыточные надежды. Даже одна крупица знания, одно мгновение жизни сейчас, здесь, жизни, дарованной нам, равны акрам надежды, расплющенной так, чтобы ею можно было позолотить будущее. Надежда ослабляет наше зрение, она покрывает золотым налетом истины все, на что мы смотрим. Встречаться с героем нужно на почве героического. Одни племена живут высоко в горах, другие населяют равнины. Мы мешаем друг другу. Мы следуем разным законам.

Разве полночь не кажется большинству людей чем-то вроде Центральной Африки? Разве нас не соблазняет перспектива исследовать ее, проникнуть до берегов ее озера Чад, открыть истоки ее Нила, которые, может статься, находятся где-то в районе Лунных гор? Кто знает, какие плодородные земли, какие красоты животного и растительного мира можно найти там, какую первобытную простоту, какие отблески истины можно обнаружить среди ее смуглых обитателей?

Мы освещаем лишь первые часы ночи. Свет за циферблатом часов на филадельфийской ратуше гасят ровно в одиннадцать часов вечера, чтобы не жечь зря масло. В городах эти часы отданы на откуп нескольким сторожам, которым надлежит следить, чтобы не случилось никаких безобразий. Неужто у нас никогда не будет сторожей другого рода, которые на зеленых холмах будут ожидать появления Божественного сияния? Высматривайте врага с городских стен, но не друга – с сельских холмов!

В Лунных горах, в ночной Центральной Африке – вот где скрываются истоки всех Нилов. Экспедиции, снаряженные вверх по течению Нила, доходят лишь до порогов, минуют развалины Фив и, возможно, достигнут устья Белого Нила, но нас-то интересует Черный Нил. Люди лишь строят догадки относительно того, где берут свое начало некоторые великие реки, такие, как Нил и Ориноко (?).

Неужели нужно высовывать голову из окна и просить сторожей, этих ночных блюстителей порядка, рассказать нам о ночи – каковы приметы ее прекрасного облика? Разве такие вопросы задают сторожам? А кому же тогда задавать их? Неужели нет никого, кто мог бы дать на них ответ?

Все вещи притягивают друг друга и стремятся слиться, подобно каплям воды. Пальцы соединены перепонкой. Законы света таковы, что когда я держу их против света близко друг к другу и свожу вместе, то, прежде чем они коснутся друг друга, кажется, будто вырастает перепонка и соединяет их. Так же бывает с предметами, которые мы рассматриваем через стекло с дефектами.

Имеет ли человек право лечь в постель, зависит от того, как он провел день. Проведите несколько часов так, чтобы получить право спать на солнышке.

Друзья, друзья! Меня не радуют встречи с ними. Им не хватает веры в меня, веры в человечество. Их самая жестокая, самая бессердечная мысль является, наконец, облеченная в вежливые и непринужденные слова. Я не отвечаю на их приглашения, потому как не чувствую, что меня приглашают; а того, что мы не делаем, и объяснять не нужно. Один из них говорит: Люби меня, но не в этой грязи. А другой: Кончай с этим, и будешь так мил. Тот, кто свысока относится к другим, заслуживает лишь презрения.

Зимой ботаник может изучать лишайники.

Недавняя золотая лихорадка в Калифорнии⁵⁸ и отношение к ней всех, даже философов и пророков, кажется мне свидетельством величайшего позора, постигшего человечество. Подумать только, что многие готовы добывать себе средства к существованию, купив билеты лотереи золото-искательства, не внося при этом собственного вклада в

общественное богатство! А подавляющее большинство тех, кто остается на месте, оправдывают их, дополняя наставление личным примером. Это похоже на фанатизм, который заставлял индусов бросаться под колесницу Джаггернаута⁵⁹. Я просто не знаю более поразительного свидетельства аморальности торговли и всех способов зарабатывать деньги, чем золотая лихорадка в Калифорнии. Что значат философия, поэзия и религия этих людей, которые, едва заслышав новость, сломя голову кидаются принять участие в лотерее, разыгрываемой на золотых рудниках Калифорнии, чтобы жить милостью Фортуны и получать возможность распоряжаться трудом менее удачливых, иначе говоря, владеть рабами, не внося собственного вклада в общественное богатство? И это называют предприимчивостью! Пожалуй, только дьявол несколько более предприимчив! Философия, поэзия и религия этих людей не стоят и выеденного яйца. Боров, роющий землю рылом и так добывающий себе пропитание и дающий навоз, постыдился бы подобной компании. Если бы я мог, пошевелив лишь пальцем, распоряжаться всеми богатствами мира, я не стал бы платить за них такую цену. Как будто Бог – богатый джентльмен, который разбрасывает пригоршни монет для того, чтобы посмотреть, как человечество бросится их поднимать, расталкивая друг друга локтями. Отправляются в Калифорнию. Да она всего лишь на три тысячи миль ближе к аду. Я лучше расстанусь с жизнью, чем отдам себя на волю случая. Всемирная лотерея! Как можно добывать пропитание в царстве природы с помощью лотереи? Неудивительно, что там играют в азартные игры. Я просто не слышал, чтобы там занимались чем-нибудь другим. Какое горькое толкование, какая сатира на наши общественные институты! Кончится тем, что человечество повесится на дереве. И никто не придет, чтобы снять его. Разве все заповеди всех библий учили нас только этому? И разве последним и самым удивительным изобретением янки являются лишь грабли для навоза (кстати сказать, запатентованные)? Если бы некто стал продавать лотерейные билеты, на которые можно было бы выиграть место в раю, и принес бы соответствующие бумаги, то все билеты тотчас бы расхватили.

Разве Бог велел нам добывать себе средства к существованию, копая там, где мы не сеяли, в надежде, что Он, быть может, наградит нас слитками золота?

Вот вам тема для проповеди – увы! – Ионам нашего поколения⁶⁰, но с церковных кафедр не раздается ни звука, они так же молчат, как бессмертная Греция, молчат, потому что проповедник сам отправился в Калифорнию. Золото Калифорнии – вот тот пробный камень, который обнажил гнилость и подлость человечества. Сатана с одного из своих наблюдательных постов показал человечеству царство Калифорнии⁶¹, и оно тотчас заключило с ним сделку.

Бог выдал одному человеку бумагу, удостоверяющую его добродетельность, которая обеспечивала ему пищу и одежду, но это вызвало недовольство остальных, и они исполнились зависти. Но, по последним сообщениям, кто-то обнаружил место, в котором хранятся подобные бумаги для выдачи людям добродетельным в будущем, и поднялся крик во всех землях, и грешники ринулись туда отовсюду и присвоили их.

Бог выдал праведнику бумагу, обеспечивающую его пищей и одеждой, а неправедный: нашел в сундуках Бога ее факсимиле и, присвоив его, получает пищу и одежду наравне с первым.

Есть вещи, глядя на которые Бог может позволить себе улыбнуться, но не человек.

26 июля. Из-за моей близости к природе я отдалился от людского общества. Интерес к солнцу и луне, утру и вечеру вынуждает меня к одиночеству.

Самая величественная картина в мире – небо во время заката. Когда испытываешь душевный подъем, зачем с кем-то встречаться? Поневоле будешь один. В этот момент ум, ясно постигающий любые проявления природной красоты, далек от человеческого общества. Мое желание жить в обществе бесконечно возросло, а моя способность жить в реальном обществе уменьшилась.

Сегодня ездил в Бостон и Кембридж. Д-р Харрис сказал, что большая ночная бабочка, которую я поймал, – *Attacus luna*; можно считать, что это одна из разновидностей павлиньего глаза. Они встречаются довольно редко, потому что их поедают птицы. Как-то д-р Харрис шел через университетский двор и увидел, что прямо ему под ноги опустились крылышки такой бабочки. Как это трагично: ведь упавшие на землю крылышки – единственное доказательство того, что существо это взмывало ввысь; большие и удивительно красивые, они словно созданы для того, чтобы нести на себе драгоценную ношу высоко в небе. Нечто похожее происходит и со стихотворениями и даже эпическими сказаниями: как крылышки бабочки, она падает на землю, а поэта, о чьем наполненном приключениями полете они говорят нам, съедает голодный хищник этого мира. Если ночная бабочка осмелится летать днем, какая-нибудь птица схватит на лету драгоценный груз, а паруса и оснастку бросит на произвол судьбы. Так матрос, видя плывущую мачту, и парус, сообщает о судне, потерпевшем аварию на такой-то широте и долготе. Зачем же созданы такие нежные и беззащитные организмы? Я посадил бабочку в коробку, и она билась там всю ночь, пытаясь выбраться наружу, истрепала все крылья и даже отложила яйца на стенки своей тюрьмы. Возможно, мой знакомый энтомолог никогда и не видел живой бабочки этой разновидности, но однажды во время прогулки он увидел, как на землю плавно опустились крылышки бабочки гораздо большего размера, чем ему до того приходилось встречать. Кораблекрушение в воздухе.

Он сказал мне, что светлячков можно наблюдать начиная со второй половины августа и что здесь можно видеть большого и очень яркого светлячка, более дюйма в длину (он показал мне его размеры на пальце), но это бывает редко.

Быть может, зарево заката разливается по небу тем стремительнее, чем больше изрезаны края облаков, когда солнце достигает, наконец, такой точки, в которой его лучи могут от них отражаться.

Около десяти часов вечера видел высокие столбы тумана, упавшего на долины и освещенного луной; он как бы готовился захватить более возвышенные места. Кажется, что небо здесь касается земли, так как леса совсем не видно.

23 окт. После полудня. Ходил в направлении Конантума.

Сегодня выдался день бабьего лета. Довольно туманно, гор совсем не видно. Заметил, что цвет шандры стал голубым или стальным с красноватым отливом. Листья желтых кувшинок

в Хаббардовой канаве совсем зеленые, словно только что распустились. На реке еще видны листья белых кувшинок, но желтых почти нет. На полях у Конантума пустил ростки полевой осот, но они еще совсем маленькие. Поля кажутся красновато-коричневыми. Видел полосатую землю. Истод (*Syriza*) быстро увядает. Ланцетовидные коробочки лопнули, и семена высыпаются из них при малейшем прикосновении, когда подсыхают на солнце; они образуют колышущуюся на ветру белую шелковистую массу, или пучок, причем каждое семечко держится на конце тонкой нити, пока сильный порыв ветра не оборвет ее. Очень интересно они рассеивают семена. Листья на липах облетели. Видел место, где мальчишки собирали орехи, хотя они еще не совсем спели. В зарослях грецкого ореха верещит рыжая белка. С дерева на дерево перелетают синицы, следуя за мной на расстоянии нескольких десятков метров, издавая при этом шелестящие, звенящие звуки. Движимые любопытством, они пролетают всего в нескольких футах от меня и садятся на ветки сосен вниз головой. Желтые сосны уже скинули часть хвои, которая покрыла землю цветным ковром. Болотная сосна еще наполовину зеленая. Интересно, цветет ли еще на Лиевой скале ползучая вероника (*Veronica agrestis*)? Листья ее не имеют обычной сердцевидной формы, и размером они больше черешков. Побеги гамамелиса, вырастая, закручиваются в обратную сторону. Болотная мята на выступе скалы пожухла и высохла, но все еще сохраняет свой аромат. Листья на вязах на нашей улице почти облетели.

Октябрь всегда богат осенними красками. Первого числа почти все деревья пожелтели после первых заморозков. И хотя задолго до этого можно было видеть тут и там яркие краски, все же только после заморозков лес оделся в яркий осенний наряд. К концу месяца листья либо опадут, либо пожелтеют и засохнут, главным образом благодаря морозам. А еще в октябре созревают барбарис и каштаны.

Друг – это человек, с которым я встречаюсь и который принимает меня за того, кто я есть. Чужой человек принимает меня за кого-то другого. Мы не можем говорить, не можем общаться, пока не почувствуем, что признали друг друга. Чужой видит вместо нас третьего, с кем мы даже не знакомы, поэтому мы оставляем его беседовать с ним. Помочь кому-то неверно понять самого себя равносильно самоубийству. Подозревая, вы теряете друга и вместо него приобретаете чуждого вам человека. Я не могу быть ничьим пособником в превратном понимании себя.

То, что принято называть общественными добродетелями и приятельскими отношениями, есть по сути дела добродетель свиней одного помета, которые лежат рядом, чтобы согреть друг друга. Это чувство заставляет людей собираться вместе в трактирах и тому подобных местах, оно превращает их в толпу, но оно не заслуживает того, чтобы называться добродетелью.

1853 ГОД

3 янв. Ходил вдоль железной дороги к Линкольнову мосту.

Вечнозеленые растения, похоже, быстрее всего освобождаются от ледяной корки, возможно, из-за того, что их листья отражают свет. Деревья ветвистые, подобно клену и

пекану, особенно красивы в ледяном уборе. Сегодня днем шел снег, он ложился на обледеневшие ветви. Чем больше деревья покрываются ледяной коркой и становятся похожими не на деревья, а на призраки деревьев, тем лучше. Вместо того чтобы смотреть на искусные морозные узоры на стекле, видишь целый лес серебристых веток. Я имею в виду последние два дня. Треск льда – по-моему, подходящее слово. Вдоль дорог и изгородей на лугу деревья стали похожи на серебряные метелки. Я не видел ни одного темного пятна, только серебристый блеск, как если бы все дерево – ствол, ветки, сучья – превратилось в начищенное до блеска серебро. Перед каждой живой изгородью из груди невольно вырываются радостные восклицания. Иногда встречаются группы таких раскидистых берез, словно перед тобой пучок страусовых перьев, расходящихся из единого центра. Перебираешься через ветки, как муравей в траве. Красивый рисунок тающего льда в колеях, там, где уже проступила вода, похож на богатый узор на хрустале. Внезапно все превращается в хрусталь. Мир – настоящий хрустальный дворец. Одетые в лед деревья, оцепеневшие, с опущенными ветвями, выглядят так, словно их выточили из мрамора, особенно вечнозеленые.

Я люблю Природу отчасти потому, что она – противоположность человеку, убежище, где можно от него укрыться. Ни один из его институтов не проникает сюда и не имеет над ней силы. Здесь царит иное право. Среди природы я могу дышать полной грудью. Если бы мир был только царством человека, я не смог бы распрямиться во весь рост и потерял бы всякую надежду. Мир человека для меня – оковы; мир природы – свобода. Человек заставляет меня стремиться в мир иной, она – примиряет с этим. Ни одна радость, которую дает нам природа, неподвластна его законам и порядкам. К чему бы человек ни прикоснулся, на всем остается его грязный след. Он морализатор в мыслях своих. Можно подумать, для него вообще невозможен свободный, радостный труд. Сколь бесконечно велика и чиста даже малейшая радость, которую дарует нам Природа, по сравнению с одобрением общества! Счастье, которое дарит вам Природа, сравнимо лишь с тем, которое доставляют искренние слова любимого нами человека.

Человек – вот дьявол,

Источник всякого зла.

Мне кажется, что все эти скучные люди с их прописной мудростью и их законами даже не представляют себе, что такое радость. Какая мудрость, какие наставления могут победить радость? Нет такого закона, который не преступила бы даже маленькая радость. Я один в целой комнате, и комната эта – природа. Это то место, которое не подлежит юрисдикции человеческих правительств. Сложите в кучу ваши мудрые изречения, ваши законы и ваши книги – свидетельства печали. Природа же исполнена радости, и ее черви живо подроят эту кучу, и весь этот хлам рухнет наземь. Прерии неподвластны вашим законам. Природа – прерия для отверженных. Есть два мира – мир природы и мир почты. Я знаком с обоими. Я то и дело забываю о существовании людского общества и его институтов, как я забываю о существовании банков.

Да, сегодня днем снег запорошил весь лед. Я нашел на снегу насекомое с шестью ногами, вытянутым, цилиндрическим телом длиной в шестую часть дюйма, двумя узкими

крылышками, длиннее тела на треть, и с двумя усиками. Неужели это зимний комар? Уолден еще не замерз.

Зяблики все еще здесь. Она, похоже, давно уже наведываются в одну березовую рощу: снег там усеян семенами, которые они выклевали, в других же местах я этого не видел. Некоторые из них, выклеывая семена из сережек, цепляются за ветки, другие подбирают то, что падает на свет. Они постоянно прыгают с ветки на ветку со звонким щебетом, а иногда с каким-то мяукающим звуком или вдруг, испуганные чем-то, взлетают с громким шумом, похожим на звук высыпавшихся из мешка грецких орехов.

Воздух густ и темен от падающего снега, который окутывает лес белой пеленой. Зима. Лес надевает зимнее пальто. Лесная дорога ослепительно бела.

Цвет пруда зависит от освещения. Теперь, в бурную погоду, он кажется темным. В соответствии со своей природой (он лежит между небом и землей) он бывает и синим и зеленым. В тихую ясную погоду, когда видно на большую глубину, он зеленый. Но стоит подняться ветру и возмутить волны на его поверхности, он становится синим, как небо.

5 марта. Секретарь общества по распространению естественно-научных знаний попросил меня – как, вероятно, и тысячи других – в письме, отправленном из Вашингтона, заполнить анкету и ответить на некоторые вопросы. Самым важным из них был вопрос о том, какая область науки меня особенно интересует, причем термин наука был употреблен в самом широком смысле. Ну так вот, хотя я мог бы ответить немногим избранным, какая сфера человеческого знания меня занимает, и был бы рад возможности сделать это, но мне казалось, что я выставлю себя на посмешище перед ученой публикой, если попытаюсь описать ту область науки, которая особенно меня занимает, – ведь они не верят в науку, предмет которой высший закон. Поэтому я вынужден был опуститься до их уровня и описать им ту ничтожно малую часть себя, которую они только и способны понять. Дело в том, что я мистик, трансценденталист и вдобавок к тому философ природы. Теперь, когда я вспоминаю об этом случае, я понимаю, что нужно было сразу сказать, что я трансценденталист. Это был бы самый простой способ объяснить им, что они не поймут меня.

24 мая. После полудня. Говорил, вернее, пытался говорить с Р. У. Э. Только потерял время – чуть не потерял терпение. Ему показалось, будто я ему противоречу, хотя наши мнения не расходились, и он говорил на ветер – говорил то, что мне известно, – и я только потерял время, пытаюсь вообразить себя кем-то другим, чтобы только поспорить с ним.

1854 ГОД 17 июня, суббота. 5 часов утра. Ходил на Холм.

Стоит холодный, сырой туман. По утрам нельзя пройти по траве, чтобы не вымочить ноги по колено. Вся земля промокла насквозь. Вода удивительно теплая по сравнению с холодным, промозглым воздухом. Лягушкам, похоже, нравится погружаться в неё. Сегодня утром много паутины. Покрытая росой, она похожа на маленькие салфетки, расстеленные на траве феями. Мутовчатая пузырьчатка. Неподалеку от фермы Додда видел рдест с такими изящными нитевидными листьями и стеблями (несколько утолщенными) и маленькими

шаровидными колосьями соцветий, которые появились, возможно, уже несколько дней тому назад. *Ranunculus reptans*, возможно, расцвел уже день или два тому назад. Видел утку, скорее всего – лесную утку, которая здесь гнездится. Когда я был на Холме, мне вспомнились другие ранние утра, когда на востоке видны темные силуэты деревьев в низинах, частично окутанных сверкающим белым туманом, освещенным лучами восходящего солнца. Клубы тумана быстро перемещаются к востоку, а верхушки деревьев прочерчивают полосы в тумане и делят его на долины. Л позади них залитая водой неведомая страна – кажется, что деревья стоят на берегу моря. Почему это туман обычно перемещается в сторону солнца? Его можно видеть на востоке после того, как он исчез на западе. Воды туманного моря расступаются перед нами⁶² и текут вспять, чтобы мы, сыны Израилевы сегодняшнего дня, могли пройти сквозь него. Слышал, как рыжая белка на дереве издавала приглушенные, гортанные звуки, а потом какой-то резкий, лающий звук.

Рабство не дает благоуханных цветов, наподобие цветов белой кувшинки: ведь его цветок должен пахнуть так же, как оно само. Цветок, пахнущий мертвечиной.

Видел, как солнечные лучи, отражаясь от поверхности Ассабета, освещали вершину холма, пронизывая расступающийся туман. От них поверхность воды казалась рябой. Она приобрела какой-то бледно-золотистый оттенок – бледный поток золота алхимией небесной.

Судей и адвокатов и всех сторонников целесообразности беспокоит не то, справедлив ли закон о беглых рабах, но – как они выражаются – конституционен ли он. В данном случае они применяют весьма низкое и негодное мерило. Скажите на милость, а конституционна ли добродетель? Или порок? Так что же конституционно – законность или беззаконие? В важных нравственных вопросах, подобных этому, так же неуместно спрашивать, конституционен ли закон, как и спрашивать, выгоден ли он или нет. Они упорно служат людям, худшим из людей, но не Богу. Вопрос не в том, сэр, заключили ли вы или ваши предки договор с дьяволом семьдесят лет тому назад и требуется ли поэтому сейчас его выполнять; вопрос в том, намерены ли вы – несмотря на прошлое отступничество ваше или ваших предков – наконец-то послужить Богу и жить в соответствии с вечной и единственно справедливой Конституцией, которую составил для вас Он, а не Джефферсон или Адаме⁶³. Следует ли нам жить в соответствии с конституцией? Или умирать в соответствии с ней? Нет, пока мы живы, мы о ней забываем, а когда умрем, она нам больше будет не нужна. Единственное, на что она может пригодиться, так это молшъся на нее. В то время когда ведут распинать Христа, правитель решает, что не может вмешаться и спасти его в соответствии с конституцией⁶⁴. Христиане – ныне и во все времена – это те, кто живут в соответствии с высшим законом и знают, что, если они вмешаются, это будет в согласии с их собственной природой. Они, по крайней мере, отказываются быть пособниками насилия, в то время когда другие кладут в карман тридцать сребреников. Это похуже, чем распять Христа: ведь он мог бы лучше распорядиться собой.

После полудня. Ходил на Уолден и на скалы мимо богадельни. *Rumex obtusifolius* (?) * цветет уже, возможно, несколько дней. Видел лесную птицу опять на старом месте, на желтой сосне и на верхушках дубов, что на вершине Бристерова холма, справа. Кажется, у нее черные крылья с белыми полосками. Может быть, это черногорлая древесная славка? В полдень на дубах можно видеть танагра, которого ни с кем другим не спутаешь; поет он

хрипло, и голос его чем-то напоминает голос виреона: прюит, привии, приваа, приаа и так далее, причем некоторые ноты получаются чище, без звука р. Но поет он не так продолжительно, как виреон, и после небольшой паузы повторяет эти несколько нот. Iris Virgmica** расцвел на Пелтандровом лугу, может быть, день-два тому назад, но на Арумском лугу еще нет. Поля, поросшие щавелем, приобретают бурый оттенок.

- Щавель туполистный (лат.).

** Ирис виргинский (лат.).

Еще один прекрасный день – все подернуто легкой дымкой, горизонт кажется совсем близким, гор не видно. Различить можно лишь близкие предметы. Если посмотреть вдаль, то на расстоянии четырех-пяти миль видны лишь силуэты лесистых холмов и долины, над которыми клубится туман. Стоят сухие июньские дни. В такие дни мы ближе к земле и дальше от неба. Мы обитаем в более грубой стихии. Мы погружаемся глубже в туманы земли. Даже птицы уже не поют так радостно и громко. Пора надежд и обещаний прошла, наступила ягодная пора. Индейцы знали: если созрели ягоды, значит, наступила середина лета. Мы испытываем легкую грусть, потому что начинаем сознавать разрыв между нашими надеждами и их воплощением. Надежда на небесное блаженство оказывается тщетной, и все, что у нас остается, – это пригоршня мелких ягод. Солнце еще не зашло, когда я добрался до холма Фейр-Хэвен и пособираю там землянику. На вырубках мне иногда попадается земляничник, в котором крупные, сильные кусты дают мало ягод, по-видимому, они идут в листья; они тратят все свои силы на листья до наступления сухой погоды. Ранние ягоды созревают как раз на ранних кустиках, с меньшим количеством листьев, и растут они на сухих пригорках: ягоды на них завязываются до наступления засушливых дней. А на лугах они дают и листья и плоды.

Я уже видел издали цветущий папоротник в пойменных лугах. Лягушка вот-вот расцветет, это дело нескольких дней. Одна или две уже раскрылись, но остальные не торопятся. Собирается распуститься теф-розия. У люпинов уже есть семена. Вьюнок пурпурный, по-видимому, расцвел вчера. Удачно его назвали. Его широкие цветки в форме колокольчика или трубы, слегка красноватые, напоминают цветом зарю. Кое-где появились свежие листья кувшиночника, но теперь на них нет насекомых. Погония распустилась, возможно, вчера или позавчера.

Сегодня снова яркий закат. Солнце похоже на ярко-красный летний цветок. Подобно тому как на смену белым и желтым весенним цветам приходят розы, потом красные лилии и так далее, так и желтое весеннее солнце превращается в красное в засушливые июньские дни, оно круглое и красное, как летний цветок, плод знойных, жарких дней.

<...> Массачусетс ждет его решения, будто преступление еще не совершилось⁶⁵.

Преступление прежде всего и главным образом в том, что Массачусетс допустил, что судят невинного человека, причем речь идет не просто о его жизни, но о его свободе. Те, кто рассуждает о решении м-ра Лоринга⁶⁶, а не о своем собственном решении и не о том, что штат позволил этому человеку быть арбитром в таком деле, попусту теряют время. Они не только малодушны, но и слабоумны.

9 июня (продолжение). Словом, если большинство проголосует за то, чтобы Богом был дьявол, меньшинство станет жить и вести себя соответственно, будет повиноваться победившему кандидату, надеясь, что, когда-нибудь, с перевесом в один голос, председательский, Бог будет восстановлен в правах. Некоторые ведут себя так, словно верят, что можно катиться под гору – немного или сколько угодно – и наверняка достичь места, откуда можно будет покатиться вверх. Это и есть целесообразность, выбор пути, на котором всего меньше препятствий (для спускающегося). Невозможно добиться моральной реформы с помощью политических действий и принципа целесообразности. Никому еще не удавалось катиться вверх, в гору. В области нравственной скатиться можно только к отступничеству.

Пусть судья и присяжные, шериф и тюремщик перестанут служить несправедливому правительству, перестанут быть пешками и станут людьми.

Конечно, рабство, подобно пороку и несправедливости, до сих пор еще не давало цветов, которые ежегодно радовали бы людей, ибо в нем нет жизни Оно всегда лишь гниение и смерть, оскорбляющие всякое здоровое обоняние. Неизменные законы Вселенной, которым отчасти подчиняется даже порок и таким образом преуспевает, всегда на стороне справедливости и добра. Именно немногие хорошие качества рабовладельца, соединенные с его дурными качествами, заставляют бояться его потому что он в каких-то отношениях лучше нас.

Так кто же истинные противники рабства? Это знают рабовладельцы, знаю и я. Неужели это губернаторы, судьи, адвокаты, политические деятели? Или это Гаррисон, Филлипс, Паркер и К°?67 Политики – теперь, да и всегда – инстинктивно предпочитают держаться подальше от таких, как они.

Как раз в это время с улицы до меня донеслась барабанная дробь-мужчины или подростки упражнялись в игре на барабане. Но для чего? Я мог бы, пожалуй, простить петухам то, что они все еще поют – ведь их не перебили в то утро, – но я не могу простить этого людям.

1855 ГОД

5 нояб. Мне глубоко ненавистен образ жизни некоторых людей и то, как теперь добывают средства к существованию. Работа на ферме, торговля, занятие ремеслом или профессиональная деятельность – все это претит мне. Я бы предпочел добывать средства к существованию самым простым и примитивным способом. Та жизнь, которой общество предлагает мне жить, настолько искусственна и сложна, поставлена на столько слабых опор, что грозит в конце концов рухнуть; она никого не может вдохновить, а хвалят ее разве что старомодные чудаки. В лучшем случае жить такой жизнью люди считают своим долгом. Я испытываю безграничную радость и удовлетворение от того, что помогаю себе и другим в меру своих возможностей. Но какой смысл пытаться жить просто, самому выращивать свой хлеб, ткать себе одежду, строить дом, топить печь дровами, которые сам заготовил, если люди, с которыми ты связан, в своем безрассудстве хотят иметь и получают тысячу других вещей, которых ни ты, ни они не могут произвести и никто не сможет оплатить? Человек, с

которым ты связан родственными узами, подобно быку, постоянно тянет совсем в другую сторону.

Однажды человеку, который возмущался последствиями нашей расточительности, я сказал: Вы ведь могли бы сами выращивать картофель и так далее и так далее. В нашей семье это делалось регулярно, причем оставался даже картофель на продажу. Но он отнесся к моему предложению с сомнением. Тогда я сказал, назвав самую высокую цифру: Вы могли бы вырастить двадцать бушелей. – Да, но мне нужно тридцать пять. – А велика ли ваша семья? – Жена и трое маленьких детей. И это одна лишь семья, не говоря уже о тех, кого он нанял помогать есть картофель, то есть тратить его понапрасну. Так что ему пришлось нанять человека, чтобы вырастить картофель.

Так люди впускают дьявола в каждую щелку, а потом болтают о райских кущах и грехопадении человека.

У меня есть несколько знакомых детей, которым я с удовольствием подарил бы что-нибудь на день рождения. Но они так избалованы подарками – дома у них целые музеи дорогих подарков, – что мне пришлось бы трудиться целый год, чтобы купить им подарок, на который они соизволили бы взглянуть. <...>

1856 ГОД

19 марта. Случай у миссис Брукс. Утром 17-го прислуга миссис Брукс, девочка-ирландка по имени Джейн, упала, спускаясь по лестнице в подвал. Хозяйка обнаружила ее на полу без видимых признаков жизни. Миссис Брукс побежала к входной двери, чтобы позвать кого-нибудь помочь ей поднять Джейн наверх. Она попросила некую мисс Фармер, которая как раз шла мимо, сходить за кузнецом, жившим неподалеку. Та повернулась и не мешкая побежала через дорогу выполнять поручение, но поскользнулась и упала в талую воду. В мокрой одежде, со ссадинами на руках она вернулась и попросила миссис Брукс сделать ей примочку. Тогда миссис Брукс снова побежала к двери и крикнула Джорджу Биглоу, чтобы он сходил за кузнецом. Он бросился выполнять поручение и упал в снежницу почти на том же месте. Но так как он был половчее, то поднялся и – не думая о примочках – отправился за кузнецом. Он сообщил о случившемся проходившему мимо Джеймсу Бэрку и поспешил на помощь, но в темноте свалился с лестницы, ведущей в подвал. Когда наконец они подняли девушку, та очнулась и начала бредить, а потом с ней случился припадок. Поспешишь, людей насмешишь. Пришла беда – отворяй ворота. Я знаю эту историю от тех, кто слышал ее от миссис Брукс, видел девушку, лестницу и снежницы.

Когда вскрывается река и образуется полынья размером в один квадратный род в том месте, где в реку впадает ручеек или ключ, здесь собираются мелкие рыбки, привлеченные светом и теплом. Так уже ранней весной они могут стать добычей скопы. Можно видеть рябь на воде, когда они бросаются врассыпную при вашем приближении.

18-го я заметил на берегу озера место, где бьют ключи. Это рядом с железнодорожным мостом, там, где растет ясень. Почти целый месяц проталина была диаметром в 2—3 фута, а

теперь увеличилась до 8—9 футов. В других местах на низком берегу, например возле устья Нат-Медоу, я видел большие проталины в глубоком снегу, диаметром в 8 или 10 футов: там бьют ключи. В этих местах появились побеги водяной лилии (Nuphar) и кресса, видел я и рыбу чешую, оставленную ондатрой. В широкой канаве на Корнер-роуд против Беар-Гарден наст местами осел и проломился, а там, где мост исправный, снег лежит еще толстым слоем, фута в два. Мелкие водяные жуки кружат по гладкой поверхности волн, но их еще единицы.

Удивительно, как резко изменился вид Уолденского льда за последние пять дней. Если сейчас сделать лунку, то вынешь из нее не твердые, сухие и прозрачные льдинки, а белый снег, мокрый и липкий, с отдельными кусочками льда. Лед подтаял на всю глубину в 26 дюймов, но больше всего, пожалуй, сверху. Трудно сказать точно, где начинается лед под двухдюймовым слоем снега.

3 дек. Сегодня ночью выпало столько же снега, сколько 29 ноября, и так бесшумно, что мы заметили это, лишь выглянув в окно. На рамах снега нет, и о том, что он выпал, я догадался, когда увидел, что старые колеи запылило, а крыши побелели. Сейчас немного туманно, видимо, начинается небольшой дождь.

Гораздо меньше растений можно увидеть сейчас над снежным покровом. Совсем скрыт под снегом ладанник. Многие поля похожи на чистую, белую тетрадь. Но Большие луга еще не совсем побелели. Когда я смотрю на них сбоку, то вижу целые акры желто-бурой травы. Все пастбища окрашены в ровный белый цвет, а луга приобрели насыщенный желто-бурый цвет, но в тех местах, где трава пореже, они белые. Они напоминают нам об осени, о том, что внизу вода.

Пар от локомотива тянется низко над землей, окутывая вагоны.

Луга, поросшие осокой и еще не покрытые снегом, в то время как распаханное поле и пастбища представляют собой сплошное белое пространство, – это болотистые места, которые способны дольше противостоять наступлению зимы! В этом году траву не косили, поэтому лишь глубокий снег может скрыть следы лета.

Целый день моросит дождь. Все развезло, и обувь наша приходит в негодность. Купил себе пару кожаных башмаков, чтобы было в чем ходить зимой. Сапожник расхваливал их, ведь они сделаны год тому назад. Теперь я чувствую себя готовым к бою. Тот, кто приобрел башмаки, чувствует себя, словно человек, запасшийся на зиму дровами. Вон они стоят рядом со мной в комнате, в ожидании прогулок по далеким лесным тропинкам, мечтают о схваченных морозцем дорогах и о распутице, или о том, чтобы к ним прикрутили коньки и на подошвы налип снег.

Многие годы мой аппетит был так силен, что я питался – я лакомился – силуэтом соснового леса на фоне зимнего неба. И сейчас я все так же неприхотлив в еде! Сухой песок, который просыпался на железнодорожное полотно и попал на снег внизу, – приправа к моей прогулке. Я бродил вокруг, словно серый лось, смотрел на уходящие в небо верхушки деревьев, и они питали мое воображение – далекие, идеальные деревья, которых не касался

топор дровосека, – они чем-то похожи на бахрому, на ресницы вокруг моих глаз. В чем же заключалась ценность леса для меня – его соков, его плодов, – как не в этой линии, где силуэт его выделяется ярким рельефом на фоне неба? Вот что было моим участком леса, моей участью в лесу. Серебристые иглы сосен, через которые просачивается свет.

Человек, в которого стреляли на роковом для многих мосту Линкольна, скончался в поселке вчера вечером. Единственные слова, которые он произнес в бреду, – Все в порядке. Возможно, то были последние слова, которые он произнес до того, как на него напали, – смелые, пророческие слова человека, покидающего этот мир. Они ничем не хуже слов: Я еще жив, хотя их и не пишут на бритвах.

Как я люблю простых, сдержанных деревенских жителей, моих соседей, которые занимаются своим делом и не досаждают мне, которые, насколько я знаю, никогда не подкарауливали и не стреляли в меня, когда я проходил их полями, хотя дома у них у всех есть ружья! Почти сорок лет я знаком – хотя и издали – с этими кроткими людьми, с которыми никогда не заговаривал и которые не заговаривали со мной, а теперь я испытываю к ним какую-то нежность, словно наше долгое знакомство

– лишь прелюдия к вечной дружбе. Мы выдержали долгий испытательный срок, и насколько же мы ближе друг к другу, чем если бы спали вместе! Я благодарен не только за то, что жили Вейас⁶⁹, Гомер, Христос и Шекспир, я благодарен также Миютту, Раису, Мелвину, Гудвину и даже Пафферу. Я вижу, что Мелвин в своей домотканой одежде один заполняет сферу, которую никто другой занять не может. В природе ему принадлежит не меньше места, чем самым большим знаменитостям.

Полтора месяца тому назад я заметил, что прилетели синицы, и наблюдал за их зимними повадками. Когда идешь по лесной опушке, видишь беспокойные их стайки, а голоса их слышны уже на расстоянии. Они словно говорят: Ах, вон он идет! Давайте его поприветствуем! Они порхают с ветки на ветку совсем близко от вас, клюют что-то на ближайшем сучке, делая вид, будто настолько поглощены своим делом, что им совершенно не до вас.

5 дек. Ясная, холодная зимняя погода. Какой контраст между этой неделей и прошлой, когда я говорил о том, чтобы высаживать яблони!

После полудня. Ходил на Холм. Индейцы, наконец, запасли дрова на зиму. Странно выглядит эта куча хороших дубовых поленьев рядом с их тонкими парусиновыми палатками на снегу: приготовленная для очага куча гораздо больше самого дома. Индейцы, кажется, совсем не боятся холода: одна палатка приоткрыта, и все они ходят ходуном на ветру, а еще в одной – большой ребенок. На снегу перед ними играют дети, как и перед более прочными домами.

Река повсюду покрылась слоем льда, но ходить по нему еще опасно – в широких местах, там, где течение тихое или где меньше ветра, например, у мостов. Вчера ночью ледяное кольцо сомкнулось.

Когда шел по склону Холма, видел, как пролетели два поползня к кусту карий. Летели они низко над землей, а затем взлетели и сели на дерево. Слышу слабое попискивание (тат-тат или на-на) самца. Его, без сомнения, издалека улавливает самочка, перелетевшая на соседнее дерево, ори этом она прыгает вверх по стволу или ветвям карий зигзагами, толчками, заглядывая в трещины коры. Вот нашла лакомый кусочек и остановилась, чтобы склевать его, затем летит на другую ветку. Это кругленькая белая птичка, с серыми и черными перышками.

Сегодня совершенно безоблачное зимнее небо. На бледном, тускло-голубом небесном фоне видна половинка луны; белизна, словно отражение от снега, опоясывает все небо вокруг на высоте в четверть расстояния от линии горизонта до зенита. Я даже могу представить, как это белое свечение разливается по небу, словно утренняя заря. И это в четыре часа дня. Вокруг солнца оно еще белее и чуть-чуть отливает желтым.

На деревьях много орехов: на фоне неба они кажутся черными. Ветер раскидал их по насту. Сейчас их, пожалуй, легче собирать, чем когда-либо.

На снегу виднеются стебли зверобоя и крупного ладанника. Отдельные желтые былинки, нежные, как пушок на щеках юноши, все еще возвышаются над снежным настом, вокруг них даже подтаял снег и образовались небольшие ямки.

Солнце садится, но на небе нет ни одного розового облачка.

Сегодня утром видел, как петух, принадлежащий Риордану, выскочил через окно на улицу в поисках пищи, а когда шел мимо вечером, видел, что он стоял на крыльце и ждал, чтобы его впустили.

Мои темы не должны быть абстрактными. Я хочу говорить о простых, будничных вещах и происшествиях. Друзья! Общество! Мне кажется, и того и другого у меня предостаточно, столько, что я радуюсь этому и сочувствую людям, с которыми я даже не перемолвился и словом, которых просто знаю и о которых думаю. То, что для вас бедность и нищета, для меня простота. Бог не смог бы мне причинить зла, даже если бы захотел. Я люблю зиму с ее снежным пленом и морозами: она вынуждает искать новые сферы деятельности и новые ресурсы. Мне нравится, когда река на какое-то время покрывается льдом и я не могу больше плавать на лодке и вынужден убирать ее в сарай. Весной я снова спущу ее на воду с еще большим удовольствием. В этой умеренности и воздержании есть своя прелесть, которую не испытал тот, кто живет у моря круглый год и держит лодку на берегу. Мне больше нравится, когда всему приходит свой черед, тогда находишь удовольствие в тон, чтобы обходиться без необходимой тебе вещи некоторое время. Величайшее из всех преимуществ – не иметь преимуществ вообще. Я верю в неизменную истину: чем я беднее, тем богаче. Я вижу свое счастье в том, за что вы готовы меня жалеть. Вы находите удовольствие в том, чтобы овладеть разнообразными знаниями и культурой, я же с радостью думаю, что мне удастся от них избавляться. Неизменно удивляюсь тому, как мне повезло родиться в самом подходящем месте в мире, да к тому же в самое подходящее время.

1857 ГОД

7 янв. После полудня. Ходил на Уолден по железной дороге, вернулся через Скалы.

Я бы не возражал, чтоб на моем гербе был изображен кустарниковый дуб.

Очень холодно. Дует пронизывающий северо-западный ветер. Пруд превратился в гладкое снежное поле. Следов рыбаков не видно: для них слишком холодно. Снежный наст на пруду представляет собой волнистую поверхность, состоящую из крупных кристаллов, что придает ему слоистость. Так обычно выглядит сухой твердый снег, нанесенный ветром. Все живое замерло. Вот уже пятый день стоит холодная, ветреная погода. Следы замечает за какой-нибудь час-другой. Приходится расчищать тропинки два-три раза в день. Рыбаков не видно: лески у них просто вмерзли бы в лед.

Шел через лес к Скалам по краю поля Уэлл-Медоу.

Нет ничего более поэтического и целебного, чем прогулка по лесу или по полю даже сейчас, когда никто уже не гуляет ради удовольствия. Ничто так не вдохновляет меня и не наводит на такие ясные и полезные мысли. Эти предметы возвышают. На улице и в обществе я почти всегда рассеян и чувствую себя неловко; жизнь моя кажется мне невыразимо убогой. Никакое золото, никакая респектабельность не спасут ее, отобедай я даже с самим губернатором или членом конгресса!! Но один в лесу или далеко в поле, среди неброской красоты полянки или луга, на котором видны заячьи следы, даже в такой серенький день, как сегодня, который многим показался бы безрадостным, когда поселянин предпочитает посидеть в трактире, – я прихожу в себя и вновь ощущаю свое высокое родство, и холод и одиночество мне друзья. Кажется, я нахожу здесь то, что другие находят в молитвах и посещении церкви. Я отправляюсь на свою одинокую лесную прогулку с таким чувством, с каким истосковавшийся по дому человек возвращается домой. Так я избавляюсь от всего лишнего и вижу вещи такими, какие они есть, величественными и красивыми. Многим я говорил, что почти половину светлого времени дня провожу в прогулках, но думаю, мне просто не верят. Хочется выбросить из головы Конкорд, Массачусетс, Америку и чувствовать себя здоровым хотя бы несколько часов в день. Если существуют миссионеры, которые обращают в свою веру язычников, то почему бы не послать их ко мне? Я хочу знать, хочу, чтобы меня сделали лучше.

Каждый день большую часть времени я хочу забыть и не вспоминать всех этих низких, ограниченных, пошлых людей (а для этого нужно отказаться от всех личных отношений и забыть их на время). Поэтому-то я и выбираюсь в эти пустынные места, где проблемы существования гораздо проще. Я удаляюсь на расстояние одной-двух миль от города, в тишину и безлюдие природы, где вокруг лишь камни, деревья и былинки на снегу. Я попадаю на какую-нибудь прогалину в лесу, где на снегу виднеется лишь несколько травинок и сухих листьев, а впечатление такое, словно подошел к открытому окну. Выглядываю и смотрю вокруг. Вот так далеко от излюбленных людьми мест отдыха находятся наши дома с верхним светом. Я не довольствуюсь обычными окнами, мне нужен настоящий верхний свет. Я нахожу его за околицей. Когда я провожу время в людской

компании, то не испытываю такого чувства подъема, окрыленности, обновления. Получается, что человеческое общение – в городе, округе, фермерском клубе – не дает мне верхнего света. В таком окружении я, как правило, не чувствую душевного подъема. Мне в нем скучно. Разговор с человеком, с которым я знакомлюсь, зачастую менее поучителен, чем молчание, которое он нарушает. Безмолвная, безлюдная, дикая природа – что-то вроде посконника для моего ума. Вот чего я ищу, когда выхожу из дома. Я испытываю такое чувство, словно всегда там встречаю возвышенного, безмятежного, бессмертного и бесконечно вдохновляющего, хотя и невидимого спутника, и мы с ним гуляем. Тогда наконец у меня успокаиваются нервы, а чувства и ум начинают повиноваться мне. Я знаю, что большинство моих соседей сочли бы себя несчастными, если бы им пришлось провести здесь хотя бы час, особенно в такой серый день, а я от этого получаю неизъяснимое удовольствие. Это самое приятное из того, что я делаю. Поистине, мы говорим на разных языках.

Я люблю природу и воспеваю ее, каждую мелочь в ней, просто потому, что люблю пейзаж, на фоне которого происходят мои беседы с Богом, и дух мой возносится ввысь. Я люблю вспоминать каждую тварь, которую встретил в этом клубе. Здесь, образно говоря, я стряхиваю с себя общественную перхоть и смягчаю загрубевшую кожу. Я не считаю, что животные – несмышленные твари в том смысле, который обычно вкладывают в эти слова. Меня, очевидно, тянет к ним потому, что от них я не слыхал еще никакого вздора. Не было случая, чтобы я уличил их в безрассудстве, тщеславии, самомнении или глупости по отношению ко мне. Их пороки, по крайней мере, мне не мешают. Мои добрые феи неизменно спасаются бегством, когда на моем горизонте появляется человек. Насколько я знаю, на предвыборном собрании в молитвенном доме, в лицее или клубе не бывает ничего подобного. Но за городом, на участке Брауна, где растет карликовый дуб (недавно его распродали по шесть долларов за акр), я нахожу такую компанию, которую Англия не в состоянии купить: она ей не по карману. Это то общество, для которого я живу, ради которого работаю землемером. Для него мне не жалко жертвовать ни деньги – все, что я имею, – ни самого себя.

Там, в поле Уэлл-Медоу, я снова чувствую себя в своей стихии, как рыба в воде. Там я смываю с себя все горести. Все идет гладко, как гладко вращается ось вселенной. Помню, когда я был маленьким, мне каждую ночь снился еон, который можно назвать Превратности судьбы. Вся моя жизнь, все радости и беды, всякое событие шли под-этим знаком. Мне снилось, например, что я лежу на какой-то ужасно грубой поверхности и беспокоюсь верчусь во сне. Это должно было означать, что мой смертный час пробил, но даже во сне я понимал, что это был лишь символ моих мучений; но вот мне начинало сниться, что я лежу на изумительно гладкой поверхности, похожей на гладь летнего моря, или на легкую паутину, или пух, или мягкий плюш, и жизнь моя – сплошное удовольствие. Наяву мое существование всегда было таким чередованием невзгод и радостей, другими словами, болезни и здоровья.

Могу ли я надеяться воспеть скромную нимфу – Природу? Я должен быть скромным, вроде нее.

Выпавший в прошлую субботу снег был такой мокрый и тяжелый, а теперь удивительно сухой, пушистый и рассыпчатый. Лесную тропинку между полем Уэлл-Медоу и Скалой занесло снегом, а на нем видны следы листьев, унесенных ветром. Не всякий догадается, от чего остались эти едва приметные следы, потому что вокруг – голо, и лишь лист-другой виднеется на занесенной снегом тропе. Мириады их, пронесшиеся здесь в стремительном беге, лежат сейчас, наверное, где-нибудь на краю поля далеко отсюда. Я так долго прислушивался к шороху сухих листьев, что думаю, услышал все то, что они хотели мне сказать.

На вершине Холма я снова стоял на пронизывающем ветру. Он сдул почти весь снег с окружающих холмов, и тот сбился в плотные сугробы, похожие на длинные кряжи или крупные складки, которые намело за заборами. Мелкий сухой снег, образовавший сугробы, достаточно тверд, чтобы можно было ходить по нему не проваливаясь. Плоские камни особенно обнажились, ведь снегу на них труднее удержаться.

Когда я шел по тропе к источнику, то обнаружил место, где по снегу прошла (очевидно) лиса; во всю ширину тропинки снег безукоризненно бел и гладок, и только ее следы оказались ловушкой для листьев; они лежат там, аккуратно сложенные, от трех-четырех до восьми – десяти, повторяя отпечаток лисьей лапы.

8 февр. Возбудить чувства, утомленные и пресыщенные, может лишь резкое звучание инструмента. Но здоровые и все еще свежие чувства, не изнеженные роскошью, слышат музыку в шуме ветра, дождя и текущей воды. Читая критику, можно подумать, что музыка – нечто повторяющееся, как весна в пустыне, что зависит она от какого-нибудь Паганини или Моцарта и что слышно ее лишь тогда, когда поклонники муз, поклонники Евтерпы⁷⁰ проезжают через поселки. Однако музыка звучит постоянно, а вот восприятие ее – прерывисто. Я слышу ее в мягком воздухе первых теплых февральских дней, которые сломили хребет зиме.

В течение двух прошлых ночей мороза не было, но над землей висел густой туман, так что, просыпаясь, видишь необычную и приятную картину: на улице вода. С сугробов стаяло несколько слоев снега, обнажился черный слой, на который осела пыль с распаханых полей.

Одиноким петух, принадлежащий Риордану, стоит на обледенелой куче снега; под воздействием мягкого воздуха и испарений, поднимающихся над отдельными участками обнажившейся земли, он вновь обрел голос. Теплый воздух растопил застывшую музыку в его горле, и он громко, без устали кукарекает, и при этом его голос поднимается до самых высоких нот. Вчера утром наш кот Томас, который тоже чувствует весну, прошел крадучись вдоль заборов и изгородей, благодаря чему не замочил лап, и вернулся лишь под утро; от него сильно пахло мокрой шерстью. Поев, он встал на задние лапы и задумчиво смотрел в окно, а когда дверь немного отворилась, выскочил на улицу несмотря на дождь.

Я вновь и вновь радуюсь моей так называемой бедности. Вчера даже огорчился было, когда нашел в столе тридцать долларов, о которых совсем забыл, правда, сейчас мне было бы жаль потерять их. Неделя, когда мне приходится выступать с лекциями – сколько бы я за

них ни получал, – для меня совершенно испорчена. Дни до и после лекции похожи на спуск с горы и подъем вверх.

В многолюдном обществе, посреди того, что называют успехом, жизнь моя кажется мне незначительной, и настроение мое резко падает. Я не хотел бы получать подачки от царей: лучше быть бесплодной землей, оставленной под паром, чем выжженной, проклятой Богом пустыней, где некогда стоял Вавилон. И если во время зимней прогулки я вдруг слышу шелест дубового листа и звонкий голос воробья, моя жизнь становится чистой и сладкой, как ядро ореха. Я предпочту услышать, как шелестит при моем приближении один-единственный дубовый лист в конце зимней просеки, чем получить целый груз звезд и подвязок от чужеземных царей и народов.

Под воздействием бедности, то есть жизни простой и бедной событиями, я затвердел, перешел в кристаллическое состояние. Так холод действует на пар или жидкость. Это совершенно необыкновенный сгусток силы, энергии, обладающий особым букетом. Простота – это постоянное знакомство со всем. Моя рассеянная, парообразная жизнь становится похожей на покрытые инеем листья и блестящие колоски, на алмазы на траве и жнивье зимним утром. Вы думаете, что, избегая людского общества, я обкрадываю себя, но в своем одиночестве я соткал себе шелковую паутину, или кокон, и, подобно куколке, скоро вырвусь оттуда более совершенным созданием, которому пристало возвращаться в более высоком обществе. Благодаря простоте, которую некоторые называют бедностью, жизнь моя – прежде какая-то неорганическая и бесформенная – сгустилась, стала органической, неким kosmoV.*

Выдра, верно, проходит большие расстояния, так как я редко вижу свежие следы в тех же местах вторично той же зимой, хотя старые следы могут сохраняться всю зиму. Не удивлюсь, если она проходит вдоль всей реки, от устья до истоков.

Хейден-старший (шестидесяти восьми лет от роду) сказал мне, что регулярно, почти каждый день нынешней зимой выходит на работу вместе со своей бригадой, несмотря на заносы и мороз. Даже в ту холодную пятницу, две недели тому назад, он находился на морозе без перерыва с раннего утра до ночи. Термометр показывал – 9°, даже в 12.45 пополудни. Можно сказать, был настоящий арктический день с сильным северо-западным ветром. Хейден таскал бревна на мельницу, и ему приходилось прокладывать тропу через сугробы, а расчищал дорогу он один. И несмотря на это, он все же в ту пятницу отморозил себе уши. Говорит, что не помнит таких холодов, какие стояли в прошлом месяце. У него за домом растет прекрасный вяз, он густо ветвится довольно низко над землей. Еще неизвестно, что ценнее – его дом или это дерево. В жаркие летние дни оно укрывает своей тенью весь дом. Хейден собирается построить вокруг вяза навес и закрыть большую часть ствола.

- космос (греч.).

После полудня. Ходил к Хаббардовой купальне.

Еще один очень теплый день, теплее, думаю, чем вчерашний. Солнце, кажется, вот-вот пробьется сквозь туман, но снова прячется. Повсюду от земли и от снега поднимается густой пар. Он-то, очевидно, и образует облака, которые скрывают солнце, поскольку воздух намного теплее. Ночью снег очень быстро сошел, и обнажились большие участки земли. Местами оттаял верхний слой земли. Как хорошо идти по мокрым голым лугам и вновь видеть зеленый мох, хотя ноги и уходят в грязь на четыре-пять дюймов. Испарения от земли настолько густы, что на расстоянии четверти мили почти ничего не видно. Туман, сгущаясь, превращается в капли дождя, и я ощущаю их на лице. Вода в реке поднялась и залила луга. Если такая погода продержится день-другой, река окончательно вскрыется.

Видел один из тех серых дождевиков с лиловым оттенком, он дюйма четыре в диаметре, открытый, как чашка. Сверху он совершенно белый, как будто его отбеливали. Хотя он только что показался на свет из-под глубокого снега – а последние два дня было туманно, дождливо, солнца не было, – он такой же сухой и словно покрытый пылью, как всегда, а на нем капельки воды сначала не приметны, потому что покрыты его пылью и похожи на необработанный жемчуг. Я принес его домой и положил в таз с водой. Удивительно, что под водой он был похож на слиток серебра или на расплавленный свинец, настолько плотно был покрыт пузырьками воздуха. А когда я отпустил его, и он всплыл (его приходилось удерживать под водой), он не только не казался тяжелым, как напитавшаяся водой губка, но, напротив, был легким, как перышко, а поверхность его была совершенно сухой. Когда я дотронулся до него, из него пошла пыль, как обычно. Намочить его было невозможно; казалось, он находится в футляре из серебристой воздушной пленки, которая не пропускает воду. Внутри его вода не проникла, она скатилась с него, стоило лишь поднять гриб над головой. Он был сухим и при малейшем толчке выпускал облачко пыли, что повисало над моей головой.

Земля настолько оголилась, что я нашел даже несколько предметов индейского быта.

Вот и еще одной дружбе пришел конец⁷¹. Не знаю, что заставило друга усомниться во мне, но знаю: любовь никогда не ошибается, и каждая размолвка имеет причину. Но в результате этого горизонты моей судьбы не сузятся, но, если это возможно, раздвинутся. Небеса отступают, и свод небесный становится круче. Я испытываю не только нравственную, но и физическую боль, какую, может быть, ощущают боги, боль в голове, груди, тупую боль и чувство тяжести. Порвались связывавшие нас узы, но тому виной не ты и не я. Это не случайность, но приговор судьбы. Для меня не существует ни вечностей, ни эпох, ни жизни, ни смерти, но лишь наши встречи и расставания. Жизнь моя подобна потоку, который внезапно перегородили, чтобы ему не было выхода. Но он все равно поднимается выше холмов, которые окружают его и превращают в глубокое, спокойное озеро. Конечно, нет ничего такого, что могло бы сравниться по величественности с вечным расставанием – если только это возможно себе представить – с человеком, которого вы знали. Я в какой-то степени начинаю понимать смысл конечного и бесконечного. О, какое огромное значение приобретает слово никогда! Мы больше никогда не сможем общаться с человеком, с которым нас связывали возвышенные отношения, на иной, прозаической основе. Столько лет в общении друг с другом мы пытались достичь этих заоблачных высот, но потерпели неудачу. Несомненно, наши добрые гении убедились в том, что материал для этого непригоден. До сих пор мы расточали друг другу самые высокие похвалы, видели друг в

друге божественное начало, давали друг другу возможность жить так, как не может позволить себе жить никто другой, наделенный и богатством и добротой. И вот теперь, по причине, неясной нам самим, мы не можем больше оказывать друг другу эту взаимную поддержку. Рядом, наверное, нет никого, кто бы увидел в нас бога или в ком бы увидели бога мы. Каждый мужчина и женщина – подлинный бог или богиня, но для большинства окружающих сущность их скрыта. И есть лишь один человек, который может разглядеть эту скрытую сущность. Тот, кто стоит далеко и не видит в ближнем своем божественной сути, по-настоящему одинок. Мне очень грустно расставаться с тобой. Пусть лучше земля разверзнется у меня под ногами, чем я перестану думать о тебе. Временами мне кажется, что в той смертельной обиде, которую мне нанесли, отчасти повинен ты, но потом я начинаю думать, что ты не имеешь к этому отношения. Боюсь, в ситуации, когда относишься к человеку, как к богу, а он к тебе совсем иначе, – источник бесконечных трагедий. Сейчас я, можно сказать, впервые боюсь этого. И все же верю, что в конце концов такого неравенства не будет.

Здесь, в американской глуши, мы повторяем еврейские молитвы и псалмы, в которых встречаются слова, вроде *атеп* и *selah*, значение которых мы не совсем понимаем. Они напоминают мне мусульманские молитвы, в которых, кажется, используются те же самые или подобные слова. Как это похоже на мормонов⁷².

1858 ГОД

9 авг. Эдуард Бартлетт показал мне сегодня утром гнездо, которое он нашел вчера. Оно прикреплено к самой нижней горизонтальной ветке яблони в саду Абея Хейвуда, там, где от нее отходит небольшой сучок. Оно похоже на гнездо щегла, как его описывает Наттал⁷³. Весьма вероятно, что это и есть гнездо щегла. Там было пять яиц, совершенно белых, а также слегка голубоватых и зеленоватых. В них только-только начали развиваться зародыши. Самого щегла я не видел.

Когда тебе показывают гнездо и яйца птицы, то о самой птице узнаешь очень мало. Гораздо лучше увидеть щегла в полете над холмами, когда он щебечет что-то своей скромно окрашенной самочке, летящей рядом с ним!

Удивительно, до какой степени миром правят группировки. Те, кто составляет общество в Новой Англии или Нью-Йорке, или, по крайней мере, по мнению многих, находятся во главе его, – всего лишь клика, люди нашего времени, светские люди, великолепно идущие в упряжке, в которую их впрягли. Почти все институты, таким образом, носят сектантский, узкопартийный характер. Газеты, журналы, колледжи, все виды правительственных и церковных учреждений отражают лишь видимость деятельности немногих людей, массы же – либо подчиняются, либо не обращают на них внимания. Газеты только что оправились от чувства пресыщения и тяжести, которые возникают после ежегодных выпускных церемоний и выступлений в клубах филоматов и перед студенческими обществами. Ни те, кто произносит эти речи, ни те, кто их слушает, не выражают духа нашего времени. А студенты верят, что все эти ежегодные церемонии являются неотъемлемой чертой механизма нашей системы. Есть у нас еще регаты, фейерверки, вечеринки с приглашением знаменитостей,

выставки лошадей. Когда я встречаю человека (или мне говорят о таком человеке), который даже не слышал обо всем этом, который не признает наших лидеров, я испытываю чувство радости. Так, я обрадовался на днях, когда услышал, что в Тамворте, штат Нью-Гемпшир, два человека с мая занимаются ловлей форели, но очень огорчился, узнав, что пойманную рыбу они отправляют в Бостон, удовлетворяя потребности немногих избранных. Редакторы газет, священники, пользующиеся популярностью у прихожан, нынешние наши политики и ораторы, а также чиновники – хоть мы и думаем, что они придерживаются разных политических и религиозных взглядов, – по сути дела представляют собой некое однородное целое, ибо они лишь частички той пены, что собирается на поверхности общества.

Сегодня днем в Ассабете видел сомика. Он лежал на дне, недалеко от берега, очевидно, больной. Лодку он подпустил фута на два. Почти полголовы у него, начиная ото рта и наискосок назад, покрыто черной проказой, похожей на ракообразный лишай. Длинный ус с этой стороны головы, похоже, отмирает и рядом растет новый, прямой, в дюйм высотой; этот маленький черный ус, или шип, похож на дерево, разветвляющееся вверх. Передвигается он с трудом.

Эдит Эмерсон⁷⁴ дала мне *Asclepias tuberosa** из Наушона. Она считает, что там он сейчас в полном цвету.

Удивительно, из каких пустяков и нелепостей состоят наши ежедневные новости. На одно интересное событие приходится девятьсот девяносто девять незначительных, однако и тем и другим уделяется одинаковое внимание. Я только что узнал из газет, что по дну Атлантического океана проложен кабель⁷⁵. Это, конечно, важное событие, но газеты не ограничиваются простым сообщением. Они пишут еще и о том, как приняли эту новость в каждом мало-мальски значительном городе Соединенных Штатов, из скольких орудий был дан салют и какова была при этом отдача у орудий в Нью-Йорке, Милуоки, Шибойгане; на улицах парни и девушки, старики и молодежь читают все это, не упуская ни малейшей подробности из того, что делалось в Нью-Рошеле и Эвансвилле, и глаза их блестят. Газеты поместили все речи, сказанные по этому поводу, а некоторые люди хотели бы даже собрать их в отдельный том!!!

Вы говорите, что много путешествовали. А сколько людей вы встретили, которые не принадлежат ни к какой секте, партии или группировке? Смогли ли вы проникнуть дальше, туда, где рекомендательные письма уже бесполезны?

Гнездо щегла, которое я видел сегодня днем, лежит на горизонтальном сучке яблони на высоте семи футов над землей, диаметр его – треть дюйма, с одной стороны его подпирает другой сучок – поменьше, оно чуть-чуть касается третьего. Снаружи ширина его три с половиной дюйма, а внутри – один дюйм и три четверти, высота его – два с половиной дюйма от верхнего края до нижнего или чуть пониже сучка, а внутри – полтора дюйма. Гнездо очень плотное, с толстыми утепленными стенками и слегка загнутыми внутрь краями. Оно построено из тонких кусочков коры – виноградной лозы и других деревьев – и одного кусочка стебля, а ближе к поверхности – из большого количества светло-коричневых тонких сережек дуба (?) или пекана (?), перемешанных с увядшими цветками яблони и

черешками яблоневых листьев; там можно различить полусгнившие листья нынешнего года, головки прошлогодней леспедецы и других трав и дикорастущих растений; снаружи все это покрыто белой шелковой паутиной, сплетенной пауком или гусеницей. Гнездо выложено толстым, теплым слоем пушка от семян чертополоха (очевидно), с которым смешаны кусочки коры виноградной лозы, а край состоит из таких же кусочков коры, сережек и каких-то тонких волокнистых стебельков и двух-трех (конских) волосков вместе с шерстью (?); углубление выложено более редким и менее цепким пушком чертополоха. Гнездо это сделано с большим искусством.

Ум воспринимает лишь немногие ароматы в течение года. Нас посещает мало мыслей, которые чего-то стоят, и мы бесконечно пережевываем эту жвачку. Наш ум – вроде жвачного животного. Я хорошо помню вкус сухарика, который купил в Нью-Йорке месяца два или три тому назад и ел на ужин, сидя в вагоне. Мой попутчик делал вид, что ему тоже нравятся эти сухари, но при этом – о, маловерный! – он регулярно ужинал в Спрингфилде. В Бостоне таких не делают. Жизнь оставляет нам большей частью лишь аромат, молву и воспоминание о ней. Если мне приходит в голову мысль, я пережевываю ее, как жвачку, каждое утро, покуда она совсем не потеряет вкуса, до тех пор, пока мои хозяева не подкинут мне свежего корма. Гений подобен кисти, которую лишь однажды в течение многих месяцев окунают в краску. Она настолько высыхает, что, хотя мы и водим ею, пытаюсь раскрасить нашу землю и небо, из этого ничего не получается. Если без конца проводить кистью по одному и тому же месту, она все равно не добавит ему цвета.

- Ваточник клубневой (лат.).

16 нояб. Днем ходил к Хаббардову выпасу.

День холодный, дует порывистый ветер, небо почти все заволочло тучами.

Лудон⁷⁶ называет *Comus Canadensis** лиственным травянистым растением, а грушанки – вечнозелеными травянистыми растениями. Листья огнецвета почти совсем свежие, но немного обвисли; четыре листика у него собраны вместе, как у *Sericea*** и *florida****, и так далее. Это многолетнее растение каждый год умирает, но корень его сохраняется, и каждую весну появляются новые ростки. Сейчас уже, можно видеть хорошо развитый розовый бутон. Но в этом году огнецвет держится долго, думаю, многие листья останутся зелеными всю зиму под слоем снега. Сейчас они большей частью приобрели красноватый оттенок. Нужно понаблюдать, в каком именно отношении грушанки более морозоустойчивы. Новая почка формируется у них между двумя листьями, когда отмирают старые листья, растущие ниже на стебле или лозе.

Сейчас в лесу валяется много больших веток, сломанных во время бури сильным юго-западным ветром. На них сохранилась густая листва, поскольку мертвое дерево не может скинуть увядшие листья, и эти умершие столь преждевременно листья отличаются цветом от тех, которые остались на деревьях и превратились в желто-бурые (например, на дубах и каштанах) и лишь кое-где сохранили более или менее зеленый оттенок.

Видел серую белку метрах в сорока – пятидесяти от большого Хаббардова леса. Она прыгала по листьям на земле, потом взобралась на дуб, а с него перебралась на верхушку высокой желтой сосны и там затаилась, так что я ее больше не видел.

Земля, слегка припорошенная снежком, отчего стала как бы седой, теперь больше похожа на голые серые ветки дубов. Земля и дубовые рощи производят еще более сильное впечатление своим однообразием.

Мне думается, зеленеющая зимой пипсиссева – самое красивее из наших вечнозеленых растений. Ее глянцеви́то-зеленые листья кажутся влажными; она встречается повсюду в наших лесах. Также очень интересны кальмия широколистная, *Lycopodium dendroideum*, *complanatum* и *lutidulum**, а также верхушечный щитовник.

- Дёрен канадский (лат.).

** Шелковистый (лат.).

***Цветущий (лат.).

Вы хотите слушать проповеди, лекции... А зачем они вам нужны? И что вы, хныкающие младенцы, хотите в них услышать? Трубный глас, который подготовил бы вас к взрослой жизни, или колыбельную? Проповедникам и лекторам приходится иметь дело с ничтожными людьми, такими же ничтожными, как они сами. Ну, а если свободный человек, со здоровыми легкими вздохнет полной грудью, то ваши прогнившие институты рухнут в результате образовавшегося вакуума. Ваша церковь похожа на игрушечный домик из кубиков, да и государство тоже. Было бы прекрасно, если бы иногда можно было свободно вздохнуть в людском обществе. Если бы у вас было хоть сколько-нибудь великодушия, душевного величия, если бы не было группировок и партий, покровительственно относящихся к Богу и пытающихся держать разум в границах, – как часто мы могли бы вдохновлять друг друга и помогать, свободно проявляя свои чувства! Я никогда не позволю надеть на себя намордник, разве что взбешусь, и мои укусы станут опасными для людей, ибо могут заразить их водобоязнью.

Свобода слова! Да вам в голову не приходило, что эти слова могут значить. Если ваша секта позволяет мне сказать то или другое – разве это свобода? Свобода – это когда самой вашей секте разрешено удалиться. Церковь, государство, школа, пресса – все они думают, что свободны и лишены предрассудков! Хороша свобода, если находишься во дворе тюрьмы! Я прошу только одного: чтобы четверть моих подлинных мыслей можно было высказать вслух. К чему вы ныне проявляете терпимость, чему молитесь? Не истине, а лицемерию, которое сопутствует вам всю жизнь. Давайте обзаведемся такими институтами, основой которых будет не человеческая испорченность, а человеческое здоровье. Фальшивая набожность подобна черствому прянику. Я бы сказал, что человечество – скопище трусов и глупцов. Меня хотят заставить затаить дыхание рядом с их бумажными замками. Стоит мне глубоко вздохнуть поблизости от их институтов, как слабые, шатающиеся стенки разойдутся, так как после моего вдоха воздух вокруг них станет разреженным. А церковь? Это учреждение известно своей робостью, а его столпы, его главы – и по характеру и по принципам – самые

большие трусы среди прихожан. Голос, который возносится ввысь во время ежемесячных собраний, не так мужествен и радостен, как тот, что звучит над лягушачьими болотами нашей страны. Лучшим из так называемых проповедников не хватает мужественности. Самые смелые их мысли носят юбки. Если в них есть хоть капля мужества, они неизбежно придут к тому, чтобы снять с себя сан, даже если им придется заняться бейсболом. А посмотрите на редакторов популярных журналов! Мне приходилось иметь дело с двумя-тремя из наиболее либерально мыслящих. Они боятся напечатать целое предложение, завершённое предложение, откровенное предложение. Им нужно набрать тридцать тысяч подписчиков, и они сделают все, чтобы их заполучить. Прежде чем напечатать предложение, они отдадут его на суд докторов богословия и разных других докторов. Мне случалось бывать во многих из этих тихих новоанглийских городков, где исповедуют христианство – меня приглашали выступать там, – их малодушных обитателей бросало в дрожь при мысли, что я могу сказать что-нибудь не то, словно они сознавали собственную слабость, заключающуюся в том, что они непоследовательны в вере своей. Дьявол, в сговор с которым они вступили, робкого десятка. Оставь они свои болячки в покое, те могли бы зарубцеваться, а сами они смогли бы отправиться на войну, сак подобает мужчинам, но вместо этого они собираются в подвалах молитвенных домов и срывают повязки, а молитвы им служат вместо припарок.

- Плаун древовидный, сплюснутый, светлый (лат.).

Христианский дух одного из наших новоанглийских городов похож на плотно запечатанную бочку с патокой, из щелей которой выступают сладкие капельки, но и их довольно, чтобы вымазаться; немногие либерально мыслящие и равнодушные к религии жители похожи на мух, которые с жужжанием выются вокруг. Их христианство подобно закупоренной бочке: я вижу, как из самого центра отверстия для втулки смотрят страшные глаза. Сомневаюсь, чтобы обитатели этой бочки могли быть членами того же духовного братства, к которому принадлежу я.

Думаю, что чем дальше в глубь страны, тем дела обстоят хуже, тем больше косности. С одной стороны, вы встретите таверну, в которой можно увидеть так называемых хулителей религии, а с другой – помещение церковной общины, прихожане которой собираются раз в месяц для совместной молитвы. Меня не вдохновляет ни та ни другая компания. И может быть, как раз истина и добродетель таверны спасают город. Не существует ничего, что в моих глазах могло бы искупить ханжество и моральную трусость граждан Новой Англии. Бывает так, что на мысу, который вдаётся в море миль на шесть, нет ни одного человека, обладающего нравственным мужеством. То, что обычно именуется верой, по сути дела лишь глубоко укрепившийся предрассудок. Подобно индусам и русским (?), подобно жителям Сандвичевых островов (в прошлом), обитатели Новой Англии являются порождениями общественных институтов. Думать им не нужно, они, как ракушки, прочно прирастают к тому, чего держались ещё их отцы и деды. Часто ли бывает, чтобы сапожнику, размышляющему о своей судьбе, пришла в голову мысль, имеющая такую же ценность, как и тот башмак, что он шьёт?

Получив приглашение выступить перед жителями города, я побывал там, не ознакомившись даже с катехизисом конгрегации, который не могу принимать всерьёз. Я пытался

расшевелить собравшихся рассказом о самом лучшем из того, что мне довелось пережить. В зале воцарилась зловещая тишина, и я видел, как священник испуганно озирается, словно готов провалиться сквозь землю: ведь это он пригласил меня. Они думают, что больше никогда не пригласят меня, однако не все семена упали на места каменистые, где не много было земли.

У нас растут следующие вечнозеленые кустарниковые растения (не считая Coniferae*: *Mitchella repens***, линнея, *Andromeda Polifolia*, *Cassandra calyculata****, печеночница благородная, гаультерия лежащая, рододендрон, кальмия, *Kalmia glauca*****, багульник гренландский, клюква обыкновенная, клюква болотная. Добавлю к ним еще и вечнозеленые травянистые: *Chimaphila umbellata*, *Chimaphila maculata******.

Листья *Robus hispidus****** держатся всю зиму, они приобретают красноватый оттенок.

- Хвойные (лат.).

**Мителла ползучая (лат.).

*** Подбел многолистный, хамаедафне карликовая (лат.).

****Кальмия голая (лат.).

*****Зимолюбка зонтичная, пятнистая (лат.).

***** Ежевика (лат.).

Ничего нет лестного в том, что тебя приглашают читать лекции перед богатыми обществами и лицами. Постоянные лекторы столь же скучны, как и прочно обосновавшиеся на одном месте священники. Людям, собравшимся послушать лекцию, не нужны пророки. Они хотят, чтобы их развлекали, а не поучали и не вдохновляли. Для них самих, их жен и дочек лекции в Лицее – всего лишь забава. Пилюля, которую они там принимают, обязательно должна быть подслащена. Они слышат там не реформатора, а слабое, робкое эхо его речей. Хотят они только одного: приятно провести время. Самые мощные орудия для них – деревянные пушки, а самые великие ораторы – отдаленные их подобию, люди, гладко читающие по бумажке. Слабый огонек, едва тлеющий в их груди, они украли у пророков, от чьих речей сердца их исполнились бы страха. Им нужны ораторы, которые развлекают, не пытаются затронуть души. Чтение пользующихся успехом лекций о Вашингтоне – или о ком-нибудь другом – очень напоминает чесание спин, что приносит лекторам, может статься, немалый доход – тысяч пятьдесят долларов. Лентяи, которые требуют, чтобы им пели колыбельную песню! Увы, карлики, подобные тем, что я описал, вызывают больше всего интереса в лицах и в Конгрессе (но сколь поверхностен этот интерес!). Они хотят, чтобы лекарство не мешало им регулярно принимать пищу.

Правилами Лоуэлловского института предусмотрено, что лекторы должны быть людьми верующими. Но может ли какой-нибудь свободомыслящий человек принять подобные условия? Это все равно как если бы вы решили, что не притронетесь к устрице, если она не исповедует какой-то определенной веры, скажем, не верит в тридцать девять догматов

англиканской церкви, – ибо вера устрицы столь же ценна, как и та, о которой упоминается в завещании м-ра Лоуэлла. Все эти наши популярные лекторы, проповедники и журналы ориентируются – не в лучшем значении этого слова – на женщин и детей.

В списки лекторов кураторы лицеев включают имена людей, которые уже выступали в соседнем большом городе, где их выступления прошли вполне благополучно, иначе говоря, оставили все *in status quo**, в результате чего все прекрасно спали; они утвердили слушателей в их греховности, замолвили словечко за Бога, подняли настроение священников, этого скучного сословия, а подросткам велели быть пай-мальчиками. Если человек не стучит кулаком по столу и не мечет громы и молнии в спертой атмосфере – это еще не значит, что ему нечего сказать.

Им нужно, чтобы человек принадлежал им целиком, но им ни к чему его правда, независимость, мужество.

Стоит кому-либо заговорить об их жизни, как они сделают кислую мину и не преминут отомстить ему, выставив его вон или заткнув себе уши.

В результате холодной погоды, которая установилась двенадцатого числа, а также снега, выпавшего тринадцатого и в последующие дни, почти все без исключения листья замерзли. Большая часть завезенных к нам растений скинула всю листву одновременно, даже те, у которых она была очень густая, но на бирючине листьев еще довольно много. В некоторых местах многоножки обыкновенные все еще зеленые, гораздо зеленее местных деревьев и кустарников, но большая часть листьев на них (многоножках) облетела и увяла. Возможно, лиственница вот-вот скинет хвою.

- в прежнем положении (лат.).

26 дек. Днем ходил к ферме Джении Дуган.

Шел над лугом по железнодорожному мосту. Внизу сухая трава возвышалась надо льдом; вода в реке стоит низко. Я заметил, что вода сочилась из-под кромки льда на этом краю луга, а таске на дальнем его краю, с западной стороны, но вода эта не речная, она, очевидно, поступает из родничков, которые бьют на берегу. Этот тонкий слой воды превратился в массу сверкающих кристаллов, густую, как известковый раствор. Вскоре она совсем замерзнет.

В воскресенье днем зашел к одному фермеру. Хозяев дома, людей не без достатка, застал в совершенно затрапезном виде (за что они сочли нужным извиниться), один из них накрывал на стол (и пригласил в конце концов меня разделить с ними трапезу); он принес из погреба вареное мясо и кусок масла на кончике ножа, а к тому времени, как мать вернулась из церкви, приготовил чай. Приятно сознавать, что настоящая жизнь этих граждан Новой Англии столь праведна и проста: дома они ходят в обносках, которых постыдился бы даже нищий (но разве тот, кто стыдится такой одежды, не бедняк и не нищий?), и делают всю необходимую работу, какой бы грязной она ни была. Насколько это лучше и человечней, чем если бы они привезли из-за океана и установили посреди своих пенатов какой-нибудь

безголовый торс, найденный среди руин Ирландии! Я рад, что жизнь в Новой Англии имеет здоровую сердцевину, что в ней мало притворства и бахвальства: они мне кажутся даже хуже пьянства и скандалов, которые у нас совсем не редкость. В старом некрашеном доме мужчина средних лет в поношенной куртке помогает по дому старухе матери, когда он не занят в поле.

1859 ГОД

28 марта (Отрывок).

Время вскоре разрушит творения художников и скульпторов, но наконечник индейской стрелы посрамит все его усилия, и ему придется звать на помощь Вечность. Наконечники стрел – не ископаемые кости, а, так сказать, окаменелость мысли; они всегда напоминают мне о том, кто их создал. Я даже готов поверить, что иду по следу человеческой дичи, отслеживаю человеческий ум, а эти небольшие предметы напоминают мне о том, что я не сбился со следа. Увидев такой знак, я знаю: неуловимый дух, что создал их, витает где-то поблизости, он может принять любые обличья. Что, если вы пашете или мотыжите землю среди этих духов и клянетесь, что не тронете лежащих камней? В таком случае эти духи будут более благосклонны к вам. Когда вы переворачиваете один слой земли, то погребаете под ним другой – еще более надежно. А наконечники спокойно лежат в земле и ржавеют. Этот предмет индейского быта переживет многие другие. Гораздо большие по размерам пестики и топоры, возможно, расколются и станут большой редкостью, но наконечник стрелы никогда не закончит свой крылатый полет через столетия в вечность. Он был сделан, чтобы совершить короткий полет, но в моем воображении он все еще продолжает свой путь через века, неся с собой послание той руки, что метнула его. Множество наконечников лежит, затаившись, в коже вращающейся вокруг своей оси земли, а метеоры совершают вращение в космосе. Следы самых древних людей – отпечатки их ума. Если какой-нибудь вождь вандалов сровняет с землей Британский музей, если случится так, что станут неразличимыми – частично или полностью – очертания крылатых быков из Ниневии, наконечники стрел из коллекции музея могут вновь оказаться в родной среде, в пыли, и будут вновь блеснуть весной на голой земле, пока их не поднимет в тысячный раз какой-нибудь забредший в те края пастух или дикарь, и тогда они вновь поведают свою историю.

5 дек. Днем ходил мимо заставы к Смитовой горе. По снегу идти трудно. В воздухе небольшой туман, и его капельки блестят на сучьях и листьях. Так из бабьего лета мы вдруг попали в зиму. Совершенно поразительны полная тишина – словно землю (ее ось) укутали, так что не слышно ни скрипа, ни шороха – и неподвижность веток и даже растений и сухих былинки (они не шелхнутся, словно выточены из мрамора). Впечатление такое, будто ступил из осеннего сада во двор мастерской скульптора или каменотеса, где стоит множество тонко сделанных скульптур редкостной красоты. Я заметил в полумиле отсюда высокую и тонкую болотную сосну в темно-сером тумане, удивительно монументальную. Видел также несколько невысоких белых дубов у дороги, сохранивших листья; они очень необычные и красивые. Листья на них сухие, узкие и сильно изрезанные, с обратной стороны они блестящие и более светлые, чем с лицевой; висят они почти вертикально и одинаково повернуты на северо-запад, подобно тому как путник поворачивается спиной к ветру. На их

фоне, правда, многие листья выделяются красноватым и более теплым оттенком. Этот дуб был похож на искусственное дерево, увешанное перчатками. Расположение листьев у него такое, что все они находились в одной плоскости, и дуб был похож на засохшую тую.

Видел четырех перепелов, перебежавших дорогу у заставы. Должно быть, они трудно переносят переход от тепла к холоду, когда земля вдруг исчезает под сплошным снежным покровом.

Возвращаясь с почты, когда только что зажглись в домах свечи, я впервые за эту осень обратил внимание на то, что огни в конторах и лавках отбрасывают на заснеженные улицы совершенно особенный свет. Это навело меня на мысль о том, насколько замкнута и скрытна жизнь в конторах и как открыта посторонним взорам – в лавках.

В последние дни – я имею в виду последние полтора месяца – он, подобно метеору, рассек темноту, в которую мы погружены. Я не знаю ничего более удивительного во всей истории.

Чего только не предпринимали его враги! Но все это оборачивалось в его пользу, на благо его дела. Его повесили не сразу, а подождали до тех пор, пока он не прочел им проповедь. Еще одна большая ошибка, которую они допустили, состояла в том, что вместе с ним не повесили четырех его соратников – это еще только произойдет – и тем самым продлили его победу.

Ни один театральный постановщик не смог бы сделать так, чтобы его слова и действия произвели такое впечатление. А кто, по-вашему, был Режиссером? Кто поместил негритянку с ребенком между тюрьмой и виселицей?

Проповедники, знатоки Библии, те, кто говорит о принципе: как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, – как они не видят, что перед ними величайший из проповедников – с Библией на устах и в деяниях своих – воплощение принципа, тот, кто по сути дела претворил в жизнь это золотое правило? Все, чье моральное чувство возмущено, кто является проповедником по повелению свыше, приняли его сторону. Может оказаться, что среди нас образуется – если еще не образовалась – новая секта – браунистов⁷⁷.

Теперь я вижу, как видел он, что люди не в силах были спасти или освободить его. Это значило бы разоружить его, вернуть ему оружие материальное – винтовку Шарпа – в то время когда он поднял меч духовный, меч, с помощью которого он одержал самые замечательные из своих побед. Сейчас меч его не отброшен в сторону. Сам Браун – чистый дух, и меч его – чисто духовный.

Я, конечно, слышал, что в день казни его повесили, но не знал, что это значит, поэтому и не испытал горечи. Прошел день, другой, но я не слышал, чтобы он умер. Сколько бы дней ни прошло, я никогда этому не поверю. Из всех людей, которые считаются моими современниками, Джон Браун – единственный, кто не умер. Я встречаю его на каждом шагу. Сейчас он более живой, чем когда-либо раньше. Он принадлежит не только Северной Эльбе или Канзасу. Его деятельность перестала быть тайной. Он заслужил бессмертие.

До сих пор на Юге вешали людей за то, что они пытались спасти рабов, но северян это не слишком трогало. Почему же произошла такая удивительная перемена? Мы не были уверены в их преданности принципу. Но теперь мы стали лучше видеть, презрели человеческие законы и боремся за идею. Север внезапно проникся духом трансцендентализма. Он меняет свое отношение к человеческому закону, меняет отношение к мнимому поражению Брауна и признает вечную справедливость и славу.

Его дух более высок, чем тот, что вел в бой наших предков, ибо эта революция совершается ради защиты другого – угнетенного – народа.

Примечания

Перевод осуществлен Э. Ф. Осиповой по первому полному изданию дневников в кн.: The Writings of Henry David Thoreau. Ed. by B. Torrey. Vols. 7—10, 12, 14—15, 18 (Walden edition). Boston and N. Y., 1906.

В настоящем издании текст русского перевода воспроизводится по: Сделать прекрасным наш день... (Публицистика американского романтизма) (М.: Прогресс, 1990).

1 Маскетаквид – индейское название реки Конкорд.

2 Селден Джон (1584—1654) – английский ученый и политический деятель. Г. Торо вкратце излагает сюжет одного из рассказов, посмертно опубликованных в книге Селдена Разговоры за столом (1689), о которой высоко отзывались многие английские писатели, в частности С. Джонсон, Колридж и др.

3 ...подобно оракулам в Дельфах и Додоне... – В древнегреческом городе Дельфы, который греки считали центром Земли, находился главный храм бога Аполлона, жрецы которого занимались предсказаниями. Додана – древнее святилище Зевса в Эпире. Об оракулах Додоны упоминается в поэмах Гомера: Илиада XVI, 234 и Одиссея XIV, 327; XIX, 296.

4 Грей Томас (1716—1771) – английский поэт. Приводится цитата из Элегии, написанной на сельском кладбище.

5 От службы освобождается не тот, кто обеспечивает себе замену, чтобы не ехать во Флориду. – Речь идет о так называемых Семинольских войнах (1835—1842) – боевых действиях американской армии, направленных на окончательное подавление индейского племени семинолов во Флориде, купленной США у Испании в 1819 г.

6 Банкер-хилл – возвышенность близ Чарлстауна (ныне – район Бостона), где 17 июня 1775 г. произошло сражение между ополчением колонистов и воинскими частями английской регулярной армии под командованием генерала Гейд-жа. Английские войска, имевшие почти двукратное численное превосходство при поддержке артиллерии из Бостона и с английской эскадры, после многочисленных атак с большими потерями преодолели сопротивление американцев, занимавших высоту, и принудили их отступить. Это сражение

показало возможность успешного сопротивления повстанцев регулярным войскам и содействовало подъему морального духа американской армии.

7 Марафон – местность, где 12 сентября 490 г. до н. э. произошло первое крупное сражение между объединенными войсками нескольких древнегреческих городов-полисов и персидской армией, вторгшейся на территорию Древней Греции.

8 С тех самых пор, как стены Иерихона пали от звуков труб... – Имеется в виду ветхозаветный эпизод, воспроизводящий историю Древней Палестины. Богатый, сильно укрепленный город Иерихон был расположен в Иорданской долине и играл роль форта, запиравшего вход в Палестину. Поэтому он первым подвергся нападению сынов Израиля, возвращавшихся в землю обетованную. Укрепления Иерихона были столь мощны, что древнееврейское войско не смогло бы взять города, если бы его стены не разрушились сами собой от звуков священных труб (Книга Иисуса Навина, гл. 6).

9 Возьмите металлическую тарелку... – цитата из книги Сэмюэла Тейлора Колриджа (1772—1834) Поводы для размышления (Лондон, 1825).

10 Музыка, этот источник соразмерности и гармонии... – Торо цитирует сочинение Плутарха О суеверии // Плутарх. Сочинения. М.: Художественная литература, 1983. С 393.

11 Гомер знакомит нас с тем... – там же. С. 396.

12 Как только кормчий замечает... – там же.

13 Гесиод советует земледельцу... – там же.

14 Если хотите, каждый корабль может везти Цезаря и его счастье.

– Торо цитирует текст предания, записанный Плутархом (Сравнительные жизнеописания. Цезарь. Глава XXXVIII). Согласно этому преданию, когда Цезарь возвращался из Аполлония в Брундизий, разыгралась буря, и кормчий приказал повернуть корабль назад. Услышав это, Цезарь, облаченный для маскировки в одежду раба, выступил вперед и сказал пораженному кормчему: Вперед, любезный, смелей, не бойся ничего: ты везешь Цезаря и его счастье.

15 На щите Тидея... – Речь идет о легендарном древнегреческом герое – отце Диомеда, одном из союзников Полиника в походе против Фив. Торо, несомненно, имел в виду художественную деталь из трагедии Эсхила Семеро против Фив, которая приводится в тексте в переводе С. Апта.

16 Стейт-стрит – одна из центральных улиц Бостона, имеющая множество учреждений и офисов, – символ деловой жизни и административно-политической власти штата Массачусетс.

17 Я могу приплыть в Патагонию и найти там свой Бробдинггег, а Лилипутию найти в Лапландии. – Патагония – региональное название части Южной Америки, расположенной южнее 39° ю. ш.; Лапландия – т. е. земля лаппов (саамов)

– территория севера Норвегии, Швеции, Финляндия и западной части Мурманской области севернее 64—66° с. ш.; Бробдингнег и Лилипутия – названия вымышленных государств в Путешествиях Гулливера (1726) Джонатана Свифта.

18 Ганнон – карфагенский мореплаватель V в. до н. э., автор Перилла – описания путешествия вдоль побережья Африки, дошедшего до нас в древнегреческом переводе.

19 Мандевилль Джон (ок. 1300—1372) – автор популярной в эпоху Возрождения книги Путешествия и походы сэра Джона Мандевилля, рыцаря (1356). Современные филологические исследования, однако, доказали, что самый знаменитый путешественник средних веков Мандевилль мог вообще не покидать Британских островов, так как его сочинение представляет собой очень сильно переработанную компиляцию из произведений различных авторов, прежде всего из Путешествия (1336) Вильгельма Болденсея и Форли Юлия.

20 Линия Мейсона – Диксона – граница, разделяющая штаты Мэриленд и Пенсильванию (39*43» с. ш.), обследованная и утвержденная в 1763—1767 гг. специальными уполномоченными Чарлзом Мейсоном и Иеремией Диксоном, представлявшими соответственно интересы семейств Балтиморов и Пеанов. В период, предшествовавший Гражданской войне в США, линия Мейсона – Диксона обозначала границу между рабовладельческими и свободными штатами, а позднее – северную границу американского Юга.

21 Великий Могол – название, данное европейцами представителям тюркской династии, основанной в конце XV в. Султаном Бабуром и около 300 лет властвовавшей в Индии. Сами бабуриды этого названия не употребляли, поскольку никакого отношения к монголам они не имели. Ошибка была вызвана тем, что Европа впервые узнала о бабуридах из персидских источников, где джагатайские турки назывались могулами, т. е. монголами. Так и родился этот искаженный этноним.

22 Фалес из города Милета в Малой Азии (конец УП – начало VI в. до н. э.) – древнегреческий ученый и мыслитель, входящий в число так называемых семи мудрецов.

23 В доме Р. У. Э. – то есть у Ралфа Уолдо Эмерсона, в доме которого в 1841—1843 гг. Торо жил на правах младшего по возрасту друга и ученика, помогая по хозяйству и редактируя журнал трансценденталистов Дайел.

24 На карте Новой Бельгии в книге Огилби Америка (1670) ... – Речь идет об английском поэте, театральном деятеле, переводчике и типографе Джоне Огилби (1600—1676), специализировавшемся в издании дорожных карт. Упомянутая книга Америка является дорожным Атласом британских владений в Северной Америке.

25 Получается налогообложение без представительства. – Одно из главных требований, выдвигавшихся американскими колонистами в период обострения отношений между Великобританией и ее северо-американскими колониями, заключалось в отказе признавать законность принимаемых британским парламентом решений в области налоговых обложений, так как сами колонии не имели собственных представителей в этом

парламенте. Торо иронически переносит внешнеполитическую концепцию XVIII в., сформулированную в данном требовании, на американскую внутривнутриполитическую ситуацию середины XIX в., считая, что интеллектуальная элита Новой Англии, добросовестно выплачивая налоги, практически не представлена в законодательных органах США.

26 ...мы глубокие провинциалы... настоящие Джонатаны. – На рубеже XVIII – XIX вв. Джонатанами в Великобритании называли жителей Новой Англии, пока это прозвище не было вытеснено словом янки (от голландского Ян Кис, что значит Ян Сыр). См., например, сатиру Д. К. Полдинга Занимательная история, случившаяся с Джоном Буллем и братом Джонатаном (1812).

27 ...он упоминался во французском стихотворении 1181 года... – Речь, видимо, идет о стихотворном произведении Гийо де Прованса, написанном около 1190 г., где говорится об искусственном стальном магните, помещенном на поплавке, который, плавая по поверхности воды, всегда возвращался в исходное положение после раскручивания поплавка.

28 Торфеус Тормодр (1640—1719) – исландский ученый, придворный историограф датской короны (1682—1719), автор 4-томной Истории Норвегии (1711), написанной на латинском языке.

29 Использовался да Гамой в 1427 году... – В тексте, по всей видимости, допущена опечатка: следует читать 1497 г.. Гама, Васка да (1469—1524) – португальский мореплаватель, завершивший поиски морского пути из Европы в Индию. Торо, несомненно, имел в виду первое плавание да Гамы в Индию, совершенное в 1497—1498 гг.

30 Миллер Хью (1802—1856) – шотландский натуралист и геолог. По-видимому, цитируется его книга Следы творца (Эдинбург, 1847), изданная в 1859 г. в Бостоне.

31 Недавно один английский писатель (Де Куинси), пытаясь объяснить зверства Калигулы и Нерона... – Речь идет об Эссе о цезарях Томаса Де Куинси (1785—1859), впервые включенном в 14-томное собрание его сочинений, изданное в Эдинбурге в 1853—1860 гг.

32 ...другой автор... – Имеется в виду шотландский историк Томас Блэкуэлл (1701—1757) и его многотомная монография Мемуары, созданные при дворе Августа (1755—1764).

33 ...даже те, кто имеет сенаторское звание, – все эти Кертисы, Ланты, Вудбери и прочит... – Торо называет наиболее активных в середине XIX в. деятелей сената США: Кертис, Джордж Уильям (1824—1892) – литератор, журналист, политический и государственный деятель, занимавший ряд постов в сенате и администрации США в 50—70-е гг. XIX в. Лапт Джордж (1803—1885) – американский юрист и литератор, в 30—40-е гг. занимавшийся политической деятельностью, сенатор. Вудбери Ливи (1789—1851) – американский юрист, политический и государственный деятель. Сенатор с 1825 г., министр финансов в 1831—1841 гг., с 1846 г. – член Верховного суда.

34 Хэток Джон (1737—1793) – американский политический деятель, один из организаторов и финансистов борьбы североамериканских колоний Британии против деспотической власти

метрополии. Адамс Сэмюел (1722—1803) – двоюродный брат Джона Адамса (см. комм, к с. 30), один из самых страстных поборников политической и экономической свободы колоний, отстаивавший и пропагандировавший свои взгляды в американской периодике. Отис Джеймс (1725—1783) – американский политический деятель, публицист, делегат первого конгресса представителей колоний (1765). Отис Сэмюел (1740—1814) – младший брат Джеймса, государственный деятель периода войны за независимость.

35 ...зная, что он ни в чем не повинен. – Во имя сохранения территориальной целостности США конгрессмены, представлявшие северные штаты, юрисдикцией которых рабство на их территории было запрещено, заключили в 1850 г. так называемый Миссурийский компромисс (в народе он назывался законом о беглых рабах), на основании которого все беглые рабы из любого штата должны были насильно возвращаться их владельцам. В силу этого закона 12 апреля 1851 г. власти Массачусетса депортировали под конвоем из Конкорда беглого чернокожего раба Симса.

36 ...этого нового чаепития. – Торо сравнивает позорный факт исполнения закона о беглых рабах с введением в одностороннем порядке английским парламентом пошлины на чай, ввозимый в североамериканские колонии. 16 декабря 1773 года группа бостонцев, возмущенных этим дополнительным налогом, переодевшись индейцами, ночью пробралась на стоявшие в гавани корабли и выбросила за борт ящики с чаем. Эта акция протеста получила название бостонское чаепитие.

37 ...все эти Баттрики, Дэвисы, Хосмеры... – Речь идет о распространенных в Массачусетсе фамилиях. Многие современники Торо, носившие эти фамилии, были родственниками и прямыми потомками героев войны за независимость 1775—1783 гг. Баттрик, Джон (1715—1791) – американский военный служащий, один из командиров милиции Конкорда, участвовавший в вооруженном столкновении 19 апреля 1775 г. Дэвис, Айзек (1745—1775) – командир отряда милиции из Эктона. Погиб в первом же сражении 19 апреля 1775 г. Хосмер, Титус (1736—1780) – американский государственный деятель, член Континентального конгресса в 1778—1779 гг., активно отстаивавший политику бескомпромиссной вооруженной борьбы против британского господства.

38 Это напомнило мне римские сатурналии, когда даже рабам позволяли кое-что. – Речь идет о празднествах в честь бога посевов Сатурна, которые ежегодно справлялись в Древнем Риме после уборки урожая в день зимнего солнцестояния. Сатурналии завершались карнавалом, во время которого рабы уравнивались в правах с хозяевами и даже обслуживались ими за столом.

39 И лишь далекое глаз очаровывает наш – цитата из поэмы Томаса Кэмпбелла (1777—1844) Радости надежды (1799) (1, 7).

40 ...похожа на морское течение на щите Гомера... – Речь идет о богато украшенном изображении щита Ахиллеса, изготовленном для него Гефестом: Там представил он землю, представил и небо, и море (Илиада – XVIII, 483).

41 ...хотя они тревожат некоторых старых дам, владеющих третьей частью акций в мукомольной промышленности. – Этот абзац вошел, как и ряд других мест из дневника, в книгу Уолден, или Жизнь в лесу (М., 1962. С. 42). В последнем предложении речь идет о законе, охранявшем в Новой Англии имущественное положение жен мельников, как правило, не владевших земельной собственностью. Согласно данному закону, третья часть прибыли от помола, независимо от количества наследников или же смены хозяина мельницы, должна была пожизненно отчисляться вдове умершего владельца.

42 Халед (или Халид), ибн эль-Валид эль Махцуми (ум. в 642 г.) – арабский полководец, завоевавший Палестину и Сирию, сподвижник основателя ислама пророка Мохаммеда.

43 Омар отвечал умирающему Абу-Бекру... – Омар, ибн Хаттаб (конец VI в. – 644 г.) – 2-й мусульманский халиф (правил с 634 по 644 г.). После смерти пророка Мохаммеда лидер исламской партии Омар добился того, чтобы халифом был избран не мединец Саад и не зять покойного пророка Алий, а Абу-Бекр (573—634), пользовавшийся большим уважением соплеменников благодаря мягкости нрава, основательности познаний в истории арабов и Корана, а также твердости нравственных правил. Умирая через два года после избрания, Абу-Бекр потребовал от своих подданных принести ему клятву в том, что преемником они выберут Омара в нарушение наследственных прав Алия.

44 Гераклий слышал о простой одежде халифа Омара... – Известно, что халиф Омар, опасавшийся имущественного расслоения внутри арабского племенного союза, в личном быту доходил почти до аскетизма, стараясь дать своим воинам и подданным пример праведной жизни. Гераклий (575—641) – византийский император (610—641), сражавшийся против аваров на западе империи и против персов и арабов – на востоке. Безуспешно пытался воспрепятствовать распространению ислама.

45 Храбрейшие из унитариев. – Речь идет о ранних суннитах, признававших Абу-Бекра и Омара законными преемниками Мохаммеда, а также святость многочисленных сунн (преданий о Мохаммеде), при всех возможных различиях их интерпретаций правоверными мусульманами.

46 Абдулю – имеется в виду Абдул-Латиф (1162—1231) – арабский теолог, придворный ученый и медик султана Салах-ад-Дина (Саладина), автор множества работ по богословию, медицине, грамматике, риторике и истории.

47 Браге Тихо (1546—1601) – датский астроном, математик и химик.

48 Есть многое (решаем мы после длительного размышления), что стоит знать! – В переработанном виде этот абзац вошел в эссе Жизнь без принципа. Следует также отметить, что Торо в данном случае несколько ироничен, так как эта фраза представляет собой переработку знаменитой реплики Гамлета: Есть многое на свете, друг Горацио, что вашей философии не снилось!

49 Вот мне и тридцать четыре года... – Торо родился 12 июля 1817 г. Следовательно, запись была сделана им ровно через неделю после дня рождения.

50 ...все лето проводить на холмах, собирая ягоды, а потом сбывать их без хлопот – и таким образом пасти стада царя Адмета – то есть жить беззаботно, без особого труда, поскольку у Адмета – царя Ферского в Фессалии, участника охоты на Калидонского вепря и плавания аргонавтов, одно время в пастухах служил сам бог Аполлон.

51 Переход Бонапарта через Симплонский перевал – горный проход между Пеннинскими и Леонтийскими Альпами в швейцарском кантоне Валлис. По приказу Наполеона, использовавшего этот перевал во время своей итальянской кампании (1795), здесь в 1801—1806 гг. была построена дорога из Брига в Домо.

52 А где о нем пишут, кроме правдивого Фермерского альманаха? – Речь идет о ежегодных календарях-альманахах, составлявших в XVIII – первой половине XIX в. значительную часть печатной продукции типографий Новой Англии. Различные по формату и объему Альманахи фермера представляли собой издания популярно-энциклопедического типа, где, помимо астрономических, медицинских, агротехнических и прочих сведений научного плана и полезных советов, имелись также литературный, метеорологический и астрологический разделы. Торо иронически называет эти издания правдивыми, так как ненадежность содержащихся в них прогнозов и предсказаний была в то время притчей во языцех, объектом многочисленных критических высказываний и насмешливых пародий.

53 Вест-Пойнт – военная академия США, основанная в 1802 г. и расположенная на берегу реки Гудзон в 80 км от города Нью-Йорк.

54 Дело о праведности Христа рассматривает римский воин. – Имеется в виду евангельский сюжет о суде над Иисусом Христом. Приговор церковного суда Иудеи рассматривался и утверждался римским наместником – военачальником Понтием Пилатом.

55 На днях встретил Сэма Х. ... – По-видимому, Торо пишет о судье Сэмюэле Хоаре (1788—1856) – американском юристе, ученом, политическом деятеле, члене Американской академии, Американского библейского и Массачусетского исторического обществ.

56 Вероятно, мне не найти лучшего обрамления для моих мыслей, если изъять их из дневника. – Это утверждение Торо разъяснил в предыдущей дневниковой записи от 27 января 1852 г.: По-моему, мысли, записанные таким образом в дневнике, лучше и печатать в таком же виде, это лучше, чем собирать в отдельные эссе мысли, объединенные общей темой. Здесь они связаны с жизнью и не кажутся читателю выпренными. Так получается проще и менее искусственно. А иначе, мне кажется, заметки мои не будут иметь подходящей рамки. Сами факты, имена, даты придают записям гораздо больше достоверности, чем мы думаем. Где цветок выглядит лучше – в букете или на лугу, где он рос и куда мы пришли за ним, замочив ноги в росистой траве? Так нужна ли обработка?

57 Пилпай (в русской традиции Биднай) – искаженная транскрипция имени Бидхапати – предполагаемого автора древнеиндийского сборника басен, получившего в различных списках, переделках и составах (Панчатантра, Стефанида и Ихьяилада, Калила и Димна и др.) широкое распространение в средневековых Азии и Европе.

58 Недавняя золотая лихорадка в Калифорнии... – Калифорния была захвачена у Мексики в 1845 г., хотя официально присоединена к США только 9 сентября 1850 г. В конце 40-х годов, в связи с тем что там обнаружили золото, и началась знаменитая калифорнийская золотая лихорадка.

59 Это похоже на фанатизм, который заставлял индусов бросаться под колесницу Джаггернута (от санскритского Джаган-натха – владыка мира) – одна из земных ипостасей бога Вишну, воплощенного в виде Кришны. Его массивное скульптурное изображение не имеет голени и кистей рук. На эти обрубки во время празднеств жрецы привешивают золотые или серебряные конечности. Главное место поклонения – Джаган-натха-Пури – храмовый комплекс, насчитывающий более 100 храмов, расположенный неподалеку от г. Каттака в Ориссе. Главный праздник в честь Джаган-натха – июльская Ратхатра (шествие колесницы), во время которого статуя вывозится на огромной 16-колесной платформе, передвигаемой с помощью длинного каната толпой богомольцев. Рассказы европейцев о том, что многие фанатики в состоянии экстаза пытаются обрести блаженство под колесницей Джаган-натха, – сильно преувеличенные слухи, хотя, разумеется, отдельные самоубийства, а чаще – несчастные случаи имели место в многовековой истории праздника Ратхатры.

60 ...Ионам нашего поколения... – то есть людям, формально исполняющим религиозные обряды, но в глубине души не верящим в справедливость и всемогущество Господа. Иона – ветхозаветный персонаж, накаданный за свои сомнения тем, что был проглочен морским животным. Обычно считается, что этим животным был кит (Иона в чреве кита), хотя в древнееврейском тексте животное названо бегемотом.

61 Сатана с одного из своих наблюдательных постов показал человечеству царство Калифорнии... – В этой литературной аллюзии обыгрывается евангельская сцена искушения Иисуса Христа земными богатствами с деталями, взятыми из поэмы Джона Мильтона Возвращенный рай (1671).

62 Воды туманного моря расступаются перед нами... – библейская реминисценция (Исход, 14).

63 ...наконец-то послужить Богу и жить в соответствии с вечной и единственно справедливой Конституцией, которую оставил для вас он, а не Джефферсон или Адамс. – Имеется в виду Библия, прежде всего Новый завет. Торо, следовательно, противопоставляет христианскую нравственность тем социальным и моральным нормам, которые были официально закреплены статьями американской конституции.

64 В то время когда ведут распинать Христа, правитель решает, что не может вмешаться и спасти его в соответствии с конституцией.

– Евангельская аллюзия, обыгрывающая ту юридически и нравственно щекотливую ситуацию, в которой оказался в связи с решением суда и выбором толпы римский наместник Иудеи Понтий Пилат (Евангелие от Иоанна, гл. 18—19).

65 Массачусетс ждет его решения, будто преступление еще не совершилось. – Речь идет об очередном суде, выносящем решение о депортации беглого раба на Юг. Торо считает, что преступлением был сам факт подписания подобного договора – Миссурийского компромисса.

66 Лоринг Чарлз Грили (1794—1868) – американский юрист и политический деятель, с 1862 г. – депутат законодательного собрания штата Массачусетс.

67 Или это Гаррисон, Филлипс, Паркер и К0? – Торо называет фамилии лидеров аболиционистского движения в Новой Англии: Гаррисон, Уильям Ллойд (см. выше); Филлипс, Уэнделл (1811—1884) – общественный деятель, публицист, называвший американскую конституцию документом, охраняющим интересы рабовладельцев, и требовавший немедленного освобождения негров; Паркер, Теодор (1810—1860) – основатель антирабовладельческого Бостонского общества конгрегационалистов.

68 Они ничем не хуже слов: Я еще жив, хотя их не пишут на бритвах – эти последние слова, произнесенные умиравшим американским политическим деятелем Даниелем Уэбстером (1782—1852), компания Уэйд энд Батчер одно время писала на производившихся ею бритвах.

69 Вейас – исполин в литовской языческой мифологии, имя которогб, по мнению этимологов, происходит из того же корня, что и русский глагол веять, олицетворение стихийных сил природы – ветра и бури.

70 Евтерпа (греч. увеселяющая) – муза лирической поэзии и музыки. Изображалась с двумя флейтами.

71 Вот и еще одной дружбе пришел конец. – Речь идет об охлаждении отношений и размолвке с Р. У. Эмерсоном.

72 Мормоны – члены североамериканской религиозной общины, основанной Джозефом Смитом (1805—1884) в 1830 г. Мормоны считают священным текст так называемой Мормонской книги – историю еврейского народа в доколумбовой Америке. В настоящее время община насчитывает около 2 млн прихожан.

73 Наттал Томас (1786—1859) – американский ботаник и орнитолог, эмигрировавший в США из Великобритании в 1808 г., автор Каталога североамериканских растений (1818), а также пособия по орнитологии Птицы Соединенных Штатов и Канады (1832).

74 Эмерсон Эдит – дочь Р. У. Эмерсона, Родилась в конце 30-х годов XIX в.

75 ...по дну Атлантического океана проложен кабель. – Речь идет о прокладке линии телеграфного сообщения между Америкой и Европой, которая была завершена в июле 1858 г.

76 Лудон Жан-Клод (1783—1843) – английский ботаник, выходец из Франции, автор «Энциклопедии растений (1829), которую и цитирует Торо.

77 ...новая секта – Браунистов. – Г. Торо обыгрывает одинаковое звучание фамилии аболициониста Джона Брауна (1800—1859) и английского религиозного деятеля Роберта Брауна (1550—1633), проповедовавшего фактическую независимость каждой отдельной протестантской общины и основавшего движение сепаратистов, сторонники которого в Англии часто назывались браунистами или же индипендентами. Большинство первых английских колонистов в Массачусетсе как раз и были сепаратистами, то есть браунистами.

Версия #3

Зверобой создал 23 июня 2025 21:08:17

Зверобой обновил 23 июня 2025 21:24:50